

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№2 (10)
2025**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№2(10)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ВАН ЦЗИНЬЛИН, ЧЖАН СИМУ. О методах перевода
од М.В. Ломоносова на китайский язык (тема войны
и мира)..... 4
- ЙЕГНИ Х., БОБЫРЕВА Е.В. Фольклорные реалии как зер-
кало души народа: специфика интерпретации и перевода14
- ПАНЧЕНКО Н.Н. Современные подходы к определению на-
учного сетевого дискурса21
- ПРИГАРИНА Н.К. Аргументирование, аргументация и ар-
гументативность: к вопросу об интерпретации понятий
и толковании терминов.....27
- КРАСАВСКИЙ Н.А., ПЕРМИНОВ Е.В. Коммуникативные
тактики в речевом жанре «репортаж»: гендерный аспект35
- КУЗНЕЦОВА В.В. Портретное интервью: к вопросу эволю-
ции жанра41
- ФУНК А.В. Сетевой жанр «комментарий» в китайской со-
циальной сети *wechat*48
- ЖЭНЬ СЯОЦЗИН. Образы чая в ольфакторных метафорах
в китайской парфюмерной рекламе.....53

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брыкина

Я.А. Волкова

С.Г. Воркачев

В.В. Дементьев

А.Х. Гольденберг

Д.Ю. Гулинов

Л.В. Жаравина

В.И. Карасик

А.А. Кораблёв

М.Ч. Ларионова

О.А. Леонтович

Г.Б. Мадиева (Казахстан)

В.М. Мокиенко

С.А. Мызников

Н.Н. Панченко

С.В. Перевалова

Л.Н. Савина

В.И. Супрун

Н.Е. Тропкина

А.А. Фокин

Ван Цзиньлин (КНР)

Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков

Н.А. Красавский

М.В. Великанов

ГУЛИНОВ Д.Ю., ГАЙБАЛИЕВА Э.Э. Медиаимидж Э. Макрона сквозь призму современных французских СМИ.....58

ЗИМИНА Н.В. Эмоционально-оценочная лексика в речи немецких политиков (на материале дебатов в Бундестаге)63

ДЖЕНКОВА Е.А. Слова и анτισлова года в русском и немецком языках68

БУРЯКОВСКАЯ В.А., ГРАСС Е.П., РЫКУНОВА И.Ю. Вербализация эмоций в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух»74

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. К уточнению понятия «приложение» в русской грамматике79

КУЗНЕЦОВА Е.В. Метафорические наименования тела и головы человека в диалектах Волгоградской области91

САЛЬНИКОВ В.Б. Роль безмолвия в коммуникативном поведении персонажа мистического фильма99

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

ДЕКАТОВА К.И. Международная научная конференция «Сталинградская гвоздика»..... 107

ДЕКАТОВА К.И., СУПРУН В.И. Памяти профессора Евгении Валентиновны Брысиной (02.03.1960-13.08.2025) ..111

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	115
Information about authors.....	117
Состав редакционной коллегии	119
Состав научно-редакционного совета.....	119

Подписано в печать
29.08.2025

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 13
Тираж 1000 экз.

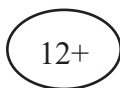
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 29/08/1

Выход в свет
22.11.2025

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2025

ВАН ЦЗИНЬЛИН

ЧЖАН СИМУ

Чанчунь (КНР)

О МЕТОДАХ ПЕРЕВОДА ОД М.В. ЛОМОНОСОВА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
(тема войны и мира)

Рассматриваются жанровые и языковые характеристики од М.В. Ломоносова, описываются трудности их перевода на китайский язык. Установлено, что характерными чертами од М.В. Ломоносова являются: использование античных образов, соединение лирики с публицистикой, эмоциональности с рассудительностью, высокий стиль, трехчастная композиция, десятистишиная строфа со стройной системой рифмовки, традиционный четырехстопный ямб и обилие тропов. При переводе ломоносовских од на китайский язык такие художественные средства, как олицетворение, гипербола, эпитет, сравнение передаются на китайский язык методом буквального и калькированного перевода. Самые сложные фрагменты для перевода – строки, содержащие метафоры.

Ключевые слова: похвальные оды М.В. Ломоносова, жанровые и языковые особенности ломоносовских од, методы перевода.

Произведения М.В. Ломоносова, написанные в жанре оды, на протяжении длительного времени постоянно находившиеся в центре внимания российских исследователей, до сих пор не имели должного научного освещения в китайском литературоведении и переводоведении. На сегодняшний день в Китае отсутствуют целостные исследования, посвященные проблемам, связанным с художественным своеобразием од М.В. Ломоносова и тактиками и способами их перевода на китайский язык.

В настоящей работе на примере первой оды М.В. Ломоносова – «Оды блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года» (далее – «На взятие Хотина») – анализируются жанровые и языковые характеристики од М.В. Ломоносова, рассматриваются особенности их перевода на китайский язык.

Вначале остановимся на характеристике жанра оды и его особенностях.

Жанр оды возник в античной поэзии. Первоначально под одой понимали «лирическое стихотворение на различные темы, исполнявшееся хором, с музыкальным сопровождением» [6, с. 208]. В русской литературе одическая поэзия появилась в эпоху классицизма. Традиционно родоначальником жанра оды в России считается М.В. Ломоносов. Он был убежден, что оды выполняют великую миссию: служат делу просвещения русских людей, а с ним и процветанию России. Классицизм, требуя в соответствии с учением М.В. Ломоносова о «трех штилях» «чистоты жанра», соблюдает правило необходимого соответствия между тематикой художественного произведения и формой ее выражения [8, с. 66]. В поэзии русских классицистов жанр оды стал пониматься как «торжественное лирическое стихотворение, написанное в приподнятом тоне» [6, с. 208], воспевающее какую-либо значительную личность или чрезвычайно значимое событие. Важнейшим признаком оды является возвышенный предмет – «монарх, полководец,

событие государственной важности, общественная добродетель, религиозная мораль» [4, с. 469]. Торжественная ода, как правило, создавалась по случаю какого-нибудь знаменательного события (коронация, празднование очередной годовщины восшествия на престол, брак наследника, победа в войне и т.д.) и предназначалась в первую очередь для прочтения вслух во время торжественного приема. Поэтому жанр оды является и литературным, и ораторским [18, с. 236]. Для русских поэтов классицизма ода была как бы ораторской речью в стихах.

В торжественных одах поэт поднимает важнейшие гражданские, социальные, политические проблемы, прямо высказывая свою точку зрения. Поскольку хвалебная ода предназначалась для чтения вслух, важное место в ней занимали приемы ораторской речи, риторические вопросы и восклицания, обращения, междометия, звукопись. Все это способствует усилению выразительности и создает иллюзию обращения к слушателю. «Риторичность творческой манеры Ломоносова еще раз подтверждает просветительскую направленность его поэзии» [1, с. 23]. И это определило особенности поэтической структуры ломоносовских од. Главным в жанре оды было лирическое начало, выражение поэтом чувств, вызванных известным событием. Это событие становилось отправной точкой для размышлений и раздумий поэта о политических и исторических судьбах нации и для выражения им патриотических, гражданственных чувств. В то время повествование о самом событии в оде воспринималось лишь как вспомогательный элемент для выражения авторских замыслов [14, с. 27].

Несколько слов далее скажем о композиционных особенностях ломоносовских од.

«Важная сторона формы оды – композиция, придававшая стихотворению стройность, смысловую завершенность и убедительность» [4, с. 470]. В композиции оды обязательными являются такие элементы, как похвалы определенному лицу, нравоучительные рассуждения, наличие исторических или мифологических образов, обращение к адресату, природе, России, музам, Аполлону, науке и другим отвлеченным понятиям [2]. Композиция од М.В. Ломоносова обычно состоит из вступления, главной части – «рассуждения» (развития темы) – и заключения. Вступление, как правило, краткое, эмоциональное заключение связано с вступлением по содержанию и по форме, что составляет как бы единую «раму», в которую «вставлена» главная часть произведения [16, с. 6–10]. Нормы классицизма рационалистичны, поэтому одна композиционная часть произведения оды неукоснительно и последовательно шла за предписанной другой, одна тема плавно перетекала в другую, «...сильные эмоции соединялись с рассудительностью, пиитический восторг – с холодной логикой» [4, с. 469].

Как известно, в композицию ломоносовской оды включался рассказ о сражениях, историческом прошлом страны и народа, «портрет» прославляемого лица. Но главным в содержании оды было изображение чувств лирического «я» [14, с. 33]. Внешне ломоносовская ода строилась как монолог, исповедь лирического героя. Поскольку монолог в оде являлся одним из средств эмоционального воздействия на слушателя, в нем широко использовались приемы ораторской речи и приемы поэтического языка. М.В. Ломоносов сохраняет «я» лирического героя, но использует прием «заимословия» внутри монолога, вставляя в него речи Петра, Грозного, России, природы, рек, наук, мифологических существ и т.д. [14, с. 27–28].

М.В. Ломоносов стремится соблюдать композиционные нормы жанра, принципы построения одического стихотворения. Во вводной части называется предмет воспевания и заявлен тезис – главная мысль произведения. В основной части автор обосновывает, доказывает заявленный тезис о величии и могуществе воспеваемого предмета. И, наконец, в заключении он высказывает свое мнение о будущем своей родины, о дальнейшем процветании, величии и могуществе прославляемых явлений. М.В. Ломоносов считал, что примеры, образы, доводы в пользу главной мысли оды должны располагаться «таким образом, чтобы сильные были напереди, которые послабее, те в середине, а са-

мые сильные на конце» [10, с. 294]. Последовательность развертывания одического сюжета «обусловлена законами формальной логики, облегчающей восприятие одического текста на слух: формулировка тезиса, доказательство в системе последовательно сменяющихся аргументов, вывод, повторяющий начальную формулировку» [9, с. 80].

Что касается тем торжественных од, то М.В. Ломоносов, как представитель классицизма XVIII в., страстно мечтал о мире и процветании страны под руководством мудрых монархов, заботящихся о развитии экономики и культуры страны, о самоутверждении России в Европе. Он прекрасно видел неисчерпаемые богатства России: ее полноводные реки, плодородные земли, сказочные недра. Главной задачей своего времени М.В. Ломоносов считал распространение наук, которые помогут овладеть этими сокровищами. Поэтому в его одах звучит также страстный призыв к молодому поколению посвятить себя служению науке, сменить чужеземных ученых на этом поприще. Характер поэтического и научного творчества М.В. Ломоносова был боевым и патриотическим [15]. Как истинный ученый и патриот, делавший все «для славы народа российского», он не мог пройти мимо проблемы служения Отечеству. Тревога за судьбу Отечества, его будущее выразилась во многих произведениях поэта. Будущее России он видел в укреплении державной власти, в мирном развитии государства, заботе монарха о своих подданных, в развитии наук и культуры. Ода позволяла М.В. Ломоносову лучше всего выразить свои политические и философские взгляды, высказаться по вопросам, имеющим важное мировоззренческое значение. «Он дает в оде “программу” политических и культурных мероприятий, которые должно осуществлять правительство, если действительно желает блага нации» [5, с. 111].

Мир, созданный поэтом в похвальных одах, величественный, гигантский, гармоничный и совершенный. Этот мир – Россия. Ломоносовская Россия – это страна многонациональная, разнотрудовая, часть Вселенной от теплых «берегов Азийских» до Балтийских вод. М.В. Ломоносов воспекает Россию не только как безграничное географическое пространство, но и как многоязычную, многоликую Империю, объемлющую Запад и Восток и объединяющую их. В его одах Россия целостна и едина, как Империя, идеальным образом организованное государство, поэтому Россия «покоится», ее постоянным сущностным атрибутом в одах М.В. Ломоносова оказывается «тишина». Нация здесь однородна, и торжествует общенациональное. Тут нет противоречий и конфликтов между личностью и обществом. Русская жизнь под пером поэта становится жизнью соборной. Все составляющие такого коллектива проникнуты единым, общенародным духом, движутся в одном направлении.

Мир ломоносовских од идеален. Особенно сильна идеализация при создании образа адресата, монарха, вернее монархини, т.к. большинство од М.В. Ломоносова обращено к женщинам – Анне, Елизавете, Екатерине. Большая часть торжественных од М.В. Ломоносова была написана по случаю дней восшествия на престол того или иного монарха, отмечавшихся ежегодно: Анны Иоанновны, Иоанна Антоновича, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. На первое место следует поставить здесь Елизавету Петровну, облик которой М.В. Ломоносов воссоздает с особым восхищением. Она для него «богиня», «светлая дочь Петрова», «всех жен хвала», «ангел мирных наших лет», она на российском троне блеснула «яснее дня». Но под единым образом Родины идеальны у М.В. Ломоносова не только императрицы, но и другие люди, населяющие его оды, все их герои – солдаты, ученые, крестьяне.

М.В. Ломоносов писал «оды похвальные» с 1739 по 1764 гг. и создал двадцать произведений этого жанра. Слава России, война и мир, просвещение и польза наук являются центральными темами его од.

Военная тема в русской поэзии возникает в XVIII в., она идеологически полностью совпадает с государственным взглядом на исторические события. В стихотворениях не изображаются поражения русских войск, в них не может открыто критиковаться экс-

пансионистская политика России. Поэтому русская поэзия XVIII в. вынуждена развивать две взаимоисключающие идеи: восхваление победы русского оружия и прославление монархов как миролюбивых правителей государства [3, с. 648].

В 1740–1750-х гг. в одах М.В. Ломоносова преобладает тема войны и мира. Мотивы мира/тишины и войны взаимосвязаны. В екатерининскую эпоху идея больших побед становится не менее важной, чем идея тишины – они участвуют в создании поэтического образа императрицы. Решающую роль в формировании этого образа сыграла внутренняя противоречивость Екатерины II: с одной стороны, она хотела прославиться идеальным европейским монархом, предпочитающим войне дипломатию, а с другой – хотела расширить владения России, сравнясь тем самым с Петром I [3, с. 650].

В одах М.В. Ломоносова есть определенная аксиологическая система: абсолютной ценностью автором признается спокойствие, мир. Одним из самых узнаваемых мотивов в творчестве М.В. Ломоносова является мотив тишины. М.В. Ломоносов, возвышая героизм русского воинства в имперских войнах, все же держал ориентир на мир и тишину. Противопоставляя в военных поэтических текстах Россию и иные государства, М.В. Ломоносов часто рассуждает о двух государственных путях: мира и добра (истинном, русском) и войны и насилия (ложном, пути противников Российской Империи) [7, с. 72–74]. Например, в «Торжественной оде 1759 года» Елизавета Петровна, вынужденная смирять Фредерика II, представляется «ангелом мира».

Оды М.В. Ломоносова отличаются тем, что, несмотря на формальную поддержку в них внешней политики Елизаветы, поэт обладает достаточной смелостью и идеологической самостоятельностью, чтобы предлагать императрице свой миролюбивый, исторический сценарий: *Мы ждем желаемого гласа: / Еще победа, и конец, / Конец губительных брани. / О боже! мира бог, восстани, / Всеобщу к нам любовь пролей, / По имени Петровой дщери / Военны запечатай двери, / Питай нас тишиной твоей.*

Однако же, по мнению лирического героя, именно жажда истинного европейского мира заставляет русского монарха участвовать в войне [12, с. 85]: *Велика божеством природным, / Восходит выше тишиной, / Чтоб жить союзникам свободным, / Жалея, двинулась войной.*

Наш анализ показал, что в торжественных одах М.В. Ломоносова ведущими являются три темы: 1) прославление Родины и царя, 2) гимн учению (по убеждению поэта, благо и слава Родины – в развитии наук), 3) прославление мира.

Тема мира и образ тишины появляются уже в первой похвальной оде поэта и становятся ведущими в его творчестве. Тема войны сопутствует теме мира, подчеркивая образ миролюбивой, сильной и непобедимой России. В одах М.В. Ломоносова описание битвы не самоцель для поэта, а лишь предлог для противопоставления стихии войны и гармонии мирной жизни, пропаганды идеи «возлюбленной тишины» [17, с. 221].

Ода М.В. Ломоносова «На взятие Хотина» стала первым в русской поэзии героико-патриотическим произведением на военную тему.

Центральная часть оды «На взятие Хотина» посвящена изображению самого сражения, наиболее ярких его моментов. Враг силен, его наступление напоминает бурю. Русские воины готовы сражаться до последней капли крови и сравниваются со львом, царем природы.

Остановимся на примере данной оды на некоторых вопросах перевода ломоносовских од на китайский язык.

При переводе ломоносовских од на китайский язык вызывает определенные сложности перевод использованных автором тропов и риторических фигур.

Попробуем сделать перевод этой строфы на китайский язык с целью достижения адекватной передачи оригинального текста на китайском языке. В следующем примере мы рассмотрим способы передачи фонетического образа оригинала:

<i>Крепит отечества любовь Сынов Российских дух и руку; Желает всяк пролить всю кровь, От грозного бодрится звуку. Как сильный лев стада волков, Что кажут острых яд зубов, Очей горящих гонит страхом? От реву лес и берег дрожит, И хвост песок и пыль мутит, Разит, извившись сильным махом</i> [11, с. 21].	俄罗斯儿女们用爱巩固了国家, (jia) 鼓足了战士们的士气和力量 (liang); a 每个战士都愿意把热血流尽, (jin) 残酷的炮响使战士们群情激昂 (ang)。a 他们似彪悍的雄狮与群狼对峙 (zhi), b 它们裸露着尖利的致命的牙齿 (chi), b 狼群能否吓跑怒火中烧的雄狮 (shi)? b 雄狮巨吼, 山崩地裂, 震天动地 (di), b 尾巴上翘, 尘土飞扬, 硝烟四起 (qi), b 尾巴下甩, 狼群逃窜, 一败涂地 (di)。b
--	--

При переводе этих строк на китайский язык мы сталкиваемся с трудностью адекватной передачи фонетических особенностей ввиду языковых различий и законов рифмовки в двух языках. Мы не смогли создать полное рифмованное соответствие оригиналу. В строках 1, 3, 5 и 6 рифмуется слог **-ов**, в строках 2 и 4 рифмуется слог **-ку**, в последних четырех строках рифмуется слог **-ом**, но нам удалось сделать 12 иероглифов в каждой строке, и в каждой строке содержатся 5–8 слов, в конце строк составили рифму: во второй и четвертой строках рифмуется гласный **ang**, в 5–10 строках рифмуется гласный **i**. В 1 и 3 строках мы не могли найти рифм, однако нам удалось создать ритмичность с помощью согласного **j**.

Метафору *очей горящих* мы перевели по принципу эксплицитной замены сигнификата в этом выражении как *лев с горящими очами* – 怒火中烧的雄狮.

Далее мы попытались найти способы для передачи на китайский язык других риторических приемов, использованных в ломоносовской оде:

Пускай земля, как <u>Понт</u>, трясет, Пускай везде громады стонут, Премрачный дым покроет свет, В крови Молдавски горы тонут... [11, с. 21–22].	让大地像黑海咆哮那样颤动吧, 让山崩地裂、巨石滚落吧 (luo), 漆黑的烟雾将覆盖光明, 摩尔多瓦高地被血河淹没 (mo)
--	---

В вышеуказанной строфе поэт создает живописную картину боя, используя образы огня, молнии, пожара. Сравнение боя с бурей, непогодой и пожаром подчеркивает стремительный и стихийный характер происходящего. М.В. Ломоносов использует прием гиперболы: *В крови Молдавски горы тонут*. Для перевода данных строк важно понять прежде всего образное значение сравнения *Пускай земля, как Понт, трясет* сло-

во *Понт* – это заимствование из греческого языка, означающее ‘море’. В данном случае имеется в виду Черное море. В переводе мы используем метод замены этого сравнения на сигнификат *Черное море*. Кроме того, нам удалось рифмовать в четных строках с помощью рифмы на гласный *о*.

В следующей строке гиперболически упоминается огнедышащая гора Этна, в чреве которой кипят медь (метафора в значении ‘артиллерийские снаряды’) и сера. Это намек на адское происхождение этого варева.

<i>Не медь ли в чреве Этны ржет</i>	这是埃特纳火山喷出的炮火? (huo)
<i>И, с серою кипя, клокочет?</i>	是火山灰与硫磺的烟雾的蒸腾? (teng)
<i>Не ад ли тяжки узы рвет</i>	难道是地狱冲破了沉重的枷锁 (suo)
<i>И челюсти разинуть хочет?</i>	张开的大嘴吞噬掉敌军的士兵? (bing=bieng)
<i>То род отверженной рабы,</i>	喷发的火山炸飞了土耳其奴仆, (pu)
<i>В горах огнем наполнив рвы,</i>	山上的战壕里火焰已遍布到处, (chu)
<i>Металл и пламень в дол бросает</i>	火焰正怒吼着冲向敌军的山谷. (gu)
[11, с. 22].	

В этой строфе М.В. Ломоносов описывает бой при взятии турецкой крепости Хотин, используя образ вулкана-зверя, раскрывающего свою огромную пасть. Эта динамичная картина возбуждает у читателя восторг от победы, которую одержали русские воины, чьи действия были подобны извержению вулкана. Эта картина имеет символический смысл: добро всегда побеждает зло, даже бог помогает русским воинам в ключевые моменты взятия турецкой крепости.

В переводческой практике мы придерживаемся принципа адекватной передачи авторского замысла, внутреннего голоса автора, эмоциональных оттенков, его риторических вопросов и т.п. Для этого при переводе используется тактика достижения антитезного ритма строк в соответствии с синтаксическими конструкциями (например, использованы конструкции *подлежащее + сказуемое* во фразах 地狱冲破了, 大嘴吞噬掉, 火山炸飞了, которые балансируют размер и музыкальность каждой строки) и почти одинаковым количеством иероглифов во всех строках стиха (12–13 иероглифов в каждой строке вместе со служебными словами). В переводе также используется рифмовка строк в форме ababccc (炮火–蒸腾–枷锁–士兵–奴仆–到处–山谷). Однако нам не удалось во всех строках соблюсти соответствие по части речи, – например, в последних трех строках слово 到处 представляет собой не имя существительное как в остальных двух строках в соответственных позициях: 奴仆 и 山谷, несмотря на то, что их конечные иероглифы рифмуются. Иногда приходится игнорировать такие потери для достижения формальной ритмичной красоты в переводе. При этом нам удалось компенсировать эти потери ритмичностью и рифмованностью в нерифмованных строках подлинного текста.

Ломоносовские эпитеты обычно дают качественную характеристику предметам, событиям или выражают отношение автора и носят эмоционально-метафорический характер. В первой оде мы находим множество эпитетов: *полки орлины, иго лютое, усерд-*

ный жар, небесная дверь, меч кровавый, Анны грозный взор, золотой перст, перо золото и т.д. Для перевода таких эпитетов на китайский язык мы используем калькированный и модуляционный методы перевода в зависимости от контекста. Например, с помощью калькирования даем перевод таких эпитетов, как *полки орлины* – 鹰团), *золотой перст* – 金手指, *перо золото* – 金笔, *небесная дверь* – 天门. Мы используем метод модуляции для передачи таких эпитетов, как *меч кровавый* – 沾满血的剑, *Анны грозный взор* – 安娜女皇逼人的目光, *уго лютное* – 残酷的压迫, *усердный жар* – 酷暑 и т.д.

В следующей строфе мы столкнулись с проблемой передачи в китайском языке антитезных соответствий при сохранении авторского смысла. Когда в русском языке параллельно перечисляются имена существительные (*дым, пепел, пламень, смерть рыгает* <...> *Им воды, лес, бугры, стремнины, Глухие степи*), в китайском языке необходимо использовать тактику добавления, чтобы сформировать синтаксически ритмичную и сбалансированную конструкцию в языке перевода.

Для того чтобы достичь рифмованности в языке перевода, избежать прямого перевода, мы используем способ перефразированной адаптации строк, например: *Но чтоб орлов сдержать полет*, 什么能阻挡住雄鹰的飞翔, *Таких препон на свете нет*. 那只能是敌人的痴心妄想.

Эпитет *полки орлины* при калькировании китайским словом 鹰团 более соответствует выражению в оригинале, не вызывает особой сложности перевода. В переводческой практике мы добились в следующей строфе рифмования по форме ababb cc dddd.

<i>За холмы, где паляща хлябь</i> <i>Дым, пепел, пламень,</i> <i>смерть рыгает,</i> <i>За Тигр, Стамбул, своих заграбь,</i> <i>Что камни с берегов сдирает;</i> <i>Но чтоб орлов сдержать полет,</i> <i>Таких препон на свете нет.</i> <i>Им воды, лес, бугры, стремнины,</i> <i>Глухие степи равен путь.</i> <i>Где только ветры могут дуть,</i> <i>Доступят там полки орлины</i> [11, с. 23–24].	山丘后如烘烤般炎热的泥土上, (shang) 硝烟四起, 尸横遍野, 战火弥漫, (man) 土耳其的倭寇们, 带上你们的兵将(jiang) 撤回到底格里斯河的对岸! (an) 河水正冲走岸边的石砖: (zhuan) 什么能阻挡住雄鹰的飞翔, (xiang) 那只能是敌人的痴心妄想。 (xiang) 洪水、森林、丘陵、峭壁, (bi) 草原, 他们都所向披靡。 (mi) 无论寒风吹到哪里, (li) 鹰团就能飞到哪里。 (li)
--	---

Кроме того, поэт в этой оде использовал и другие стилистические приемы – перифраз и анафору.

Перифраз – стилистический прием, заключающийся в описательном обозначении предметов или явлений действительности. Это косвенное именование предметов или явлений через подчеркивание, выделение какой-либо стороны, качества, существенных, актуальных характеристик в данном контексте. Перевод этого приема на китай-

ский язык не вызывает особой трудности. Например: *Анна Иоановна* – *российская орлица* 安娜·伊万诺夫娜 – *российской雄鹰*; *неприятель* – *тигр, скачущий на российский полк* 不友好的人 – *扑向俄罗斯军团的老虎*; *Иван Грозный* – *смиритель стран казанских* 伊万雷帝 – *喀山诸国的劝和者*.

Анафора – повторение одного и того же слова в начале строки. При переводе анафоры мы используем способ калькирования. Например:

<i>Где ныне похвальба твоя?</i> <i>Где дерзость?</i> <i>Где в бою упорство?</i> <i>Где злость на северны края?</i>	你曾经的自信在哪里? 勇敢在哪里? 你的顽强精神在哪里? 你对北方侵略国家的仇恨在哪里?
[13].	

Важной особенностью лексического уровня ломоносовских од является использование старославянизмов, устаревших форм слов, имен мифологических героев и географических названий (топонимов).

Старославянские грамматические формы, такие как краткие и усеченные имена прилагательные и причастия, придают торжественность и возвышенность звучащему тексту: *Лавровы венцы; полки орлины; татарску кровь; всходящу денницу, пораженны пали, солдатску храбрость, Каспийски воды, ужасна сила, чужжи поля*; славянизмы: *златой, брег, хладнеют, чрез*; устаревшие существительные: *ветр, огонь, свирепство, десницу, денницу, изрядство, россы, презорство, витийство, око*; местоимения и наречия: *оных, сей, которы; коль, вокруг*; глаголы: *зрит, претит, блажит, дерзает, отвечает, взирает, отверзлась*; имена мифологических героев: *поэт дает слово богу солнца Фебу, восторг его ведет на верьх горы высокой – Парнас*.

В практике перевода на китайский язык географических названий (топонимов) мы сталкивались с проблемами поиска их переносных значений в контексте. Устаревшие слова и старославянские грамматические формы кратких прилагательных и причастий легче найти в интернете и выяснить их значение в современном русском языке, поэтому их перевод на китайский язык не вызывает особых трудностей. С географическими названиями (*Этна, Стамбул, Дунай, Дамаск, Каир, Евфрат, Вифы, Афины, Висла* и др.) сложнее: используется перевод методом транскрибирования и транслитерации, а иногда и замена именем нарицательным, если такая замена не меняет смысла строфы и замысла автора.

Подведем итоги.

Оды М.В. Ломоносова – замечательные образцы русской поэзии XVIII века, отличающиеся глубоким содержанием и художественным совершенством. При их переводе на китайский язык важно точно передать замысел автора, сохранить историко-культурную ценность произведений, а также образность и выразительность использованных в них языковых средств, что связано с определенными сложностями.

При переводе уделяется большое внимание выбору способов передачи фонетического образа оригинала с учетом языковых различий и законов рифмовки в китайском и русском языках. Сохранение ритма и рифм исходного текста – важный момент адекватной передачи его фонетических особенностей. Чаще всего найти полное соответствие по количеству слов или слогов при создании переводного стиха невозможно.

Еще сложнее найти адекватные формальные соответствия для выражения эмоций с помощью гласных и согласных звуков в двух различных языках. Как правило, в переводческой практике приходится сохранять авторский замысел в ущерб соблюдению фонетической формальности и музыкальной ритмичности.

Наиболее трудны для перевода на китайский язык случаи использования в оригинальном тексте метафор, олицетворений, гипербол, эпитетов, сравнений. Метафоры переводятся на китайский язык посредством буквального и калькированного перевода, а также с помощью замены сигнификата. Для перевода эпитетов используются калькированный и модуляционный методы. Транскрибирование и транслитерация применяются в случаях перевода онимов.

Перспектива исследования состоит в более детальной разработке методов и приемов перевода од М.В. Ломоносова на китайский язык.

Список литературы

1. Александрова И.Б. Вечные поэтические открытия М.В. Ломоносова // Русская словесность. 2003. № 2. С. 21–29.
2. Батурина Н.В. Оды М.В. Ломоносова как произведения классицизма // Открытый урок. 1 сентября. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/690000?ysclid=mb56ve4ggb701369261> (дата обращения: 22.12.2024).
3. Беляева Т.Н. Тема войны и мира в поэзии XVIII века (на примере творчества М.В. Ломоносова) // Вестник науки. Международный научный журнал. 2024. № 1 (70). Т. 2. С. 648–651.
4. Большая литературная энциклопедия: для школьников и студентов / В.Е. Красовский и др. М.: Слово: Эксмо, 2006.
5. Буранок О.М. Русская литература XVIII века: Учебно-методический комплекс. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2013.
6. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2000.
7. Кузьмин А.И. Героическая тема в русской литературе: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1974.
8. Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л.: Просвещение, 1968.
9. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 2003.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. Краткое руководство к красноречию. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378.
11. Ломоносов М.В. Сочинения / Сост., предисл. и примеч. Е.Н. Лебедева. М.: Современник, 1987.
12. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Некоммерческое электронное издание. Мюнхен, 2005. С. 85–89.
13. Ломоносов М.В. Избранные произведения // RBR.RU. URL: https://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/01text/01ody_t/001.htm?ysclid=mb57pn1b6p550002208 (дата обращения: 10.11.2024).
14. Москвичева Г.В. Русский классицизм: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1986.
15. Первова Т.П. Ода: эволюция жанра. Особенности хвалебной лирики М.В. Ломоносова // Мультиурок. URL: <https://multiurok.ru/files/oda-evoliutsiia-zhanra-osobennosti-khvalebnoi-liri.html?ysclid=mb57ky34e8447185156> (дата обращения: 28.11.2024).
16. Тимохина Н.В. Практикум по древней русской литературе: для студентов-заочников I курса фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / МГЗПИ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1989.
17. Травников С.Н., Ольшевская Л.А. «Лавровы вьются там венцы...»: (Поэтика «Оды на взятие Хотина» М.В. Ломоносова) // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 213–235.
18. Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

1. Aleksandrova I.B. Vechny'e poe'ticheskie otkry'tiya M.V. Lomonosova // Russkaya slovesnost'. 2003. № 2. S. 21–29.
2. Baturina N.V. Ody' M.V. Lomonosova kak proizvedeniya klassicizma // Otkry'ty'j urok. 1 sent yabrya. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/690000?ysclid=mb56ve4ggb701369261> (data obrashheniya: 22.12.2024).
3. Belyaeva T.N. Tema vojny' i mira v poe'zii XVIII veka (na primere tvorchestva M.V. Lomonosova) // Vestnik nauki. Mezhdunarodny'j nauchny'j zhurnal. 2024. № 1 (70). T. 2. S. 648–651.
4. Bol'shaya literaturnaya e'nciklopediya: dlya shkol'nikov i studentov / V.E. Krasovskij i dr. M.: Slovo: E'ksmo, 2006.
5. Buranok O.M. Russkaya literatura XVIII veka: Uchebno-metodicheskij kompleks. 3-e izd., ster. M.: Flinta, 2013.
6. Kvyatkovskij A.P. Shkol'ny'j poe'ticheskij slovar'. 2-e izd., ster. M.: Drofa, 2000.
7. Kuz'min A.I. Geroicheskaya tema v russkoj literature: Posobie dlya uchitelya. M.: Prosveshhenie, 1974.
8. Kulakova L.I. Ocherki istorii russkoj e'stetcheskoj my'sli XVIII v. L.: Prosveshhenie, 1968.
9. Lebedeva O.B. Istoriya russkoj literatury' XVIII veka. M.: Vy'sshaya shkola, 2003.
10. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950–1983. T. 7: Trudy' po filologii. 1739–1758 gg. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 89–378.
11. Lomonosov M.V. Sochineniya / Sost., predisl. i primech. E.N. Lebedeva. M.: Sovremennik, 1987.
12. Lomonosov M.V. Izbranny'e proizvedeniya. Nekommercheskoe e'lektronnoe izdanie. Myunhen, 2005. S. 85–89.
13. Lomonosov M.V. Izbranny'e proizvedeniya // RBR.RU. URL: https://rvb.ru/18vek/lomonosov/01text/01text/01ody_t/001.htm?ysclid=mb57pn1b6p550002208 (data obrashheniya: 10.11.2024).
14. Moskvicheva G.V. Russkij klassicizm: Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po specz. № 2101 «Rus. yaz. i lit.». M.: Prosveshhenie, 1986.
15. Pervova T.P. Oda: e'volyuciya zhanra. Osobennosti hvalebnoj liriki M.V. Lomonosova // Mul'tiurok. URL: <https://multiurok.ru/files/oda-evoliutsiia-zhanra-osobennosti-khvalebnoi-liri.html?ysclid=mb57ky34e8447185156> (data obrashheniya: 28.11.2024).
16. Timohina N.V. Praktikum po drevnej russkoj literature: dlya studentov-zaochnikov 1 kursa fak. rus. yaz. i lit. ped. in-tov / MGZPI. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Prosveshhenie, 1989.
17. Travnikov S.N., Ol'shevskaya L.A. «Lavrov' v'yutsya tam vency...»: (Poe'tika «Ody' na vzyatie Hotina» M.V. Lomonosova) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2011. № 29. S. 213–235.
18. Ty'nyanov Yu.N. Oda kak oratorskij zhanr // Ty'nyanov Yu.N. Poe'tika. Istoriya literatury'. Kino. M.: Nauka, 1977. S. 227–252.

The methods of translation of odes by M.V. Lomonosov into Chinese (the theme of War and Peace)

The genre and linguistic characteristics of odes by M.V. Lomonosov are considered, the difficulties of their translation into Chinese are described. The specific features of odes by M.V. Lomonosov are the use of ancient images, the connection of lyrics and journalism, emotionality and reasonableness, high style, three-part composition, ten-line stanza with well-formed rhyme system, traditional iambic tetrameter and vast amount of figures of speech. In the process of translating Lomonosov's odes into Chinese such stylistic devices as personification, hyperbole, epithet and simile are transferred into Chinese by the method of direct and calque translation. The lines with metaphors are the most complicated fragments for translation.

Key words: *praisable odes of M.V. Lomonosov, genre-based and linguistic peculiarities of Lomonosov odes, translation methods.*

(Статья поступила в редакцию 30.04.2025).

Х. ЙЕГНИ

Е.В. БОБЫРЕВА

Волгоград

ФОЛЬКЛОРНЫЕ РЕАЛИИ КАК ЗЕРКАЛО ДУШИ НАРОДА: СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА

Определяется понятие фольклорных реалий, раскрывается их национально-культурная специфика в рассказах А.П. Чехова. Выявляются особенности перевода фольклорных реалий на арабский язык. Показана сложность перевода подобных реалий и установлены используемые переводчиком приемы их передачи. Выявлены причины невозможности достижения полной эквивалентности и адекватности при переводе таких единиц.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика, лингвокультурная адаптация текста, перевод, стратегии перевода, реалии, фольклор, фольклорные реалии.

Любой язык специфичен и уникален и формирует особую национально-культурную картину мира. В его структуре (в частности, в лексической системе) есть национально-окрашенная лексика, передающая понятия, характерные исключительно для данной культуры. Такие единицы ученые называют по-разному: *безэквивалентная лексика, лакунарная лексика, варваризмы, экзотизмы*. Нам представляется оптимальным термин *реалия*, под которым понимается определенная единица языка (слово или словосочетание), отличающаяся национально-культурным колоритом, а часто и необычной формой, используемая для наименования предметов, объектов, фактов и феноменов, характерных для одного народа и чуждых другому; не имеющая однозначных вариантов и вызывающая сложности при передаче средствами другого языка.

Анализ рассказов А.П. Чехова и их переводов на арабский язык позволил нам выделить группы таких единиц: бытовые, религиозные, фольклорные реалии и др.

Фольклорные реалии наиболее специфичны в национально-культурном и языковом плане и вызывают как определенные сложности, так и интерес при исследовании и переводе.

Фольклор каждого народа уникален. На протяжении развития русской лингвокультуры сформировались особые фольклорные традиции, отраженные в народном творчестве. Глубокое понимание языка и культуры народа требует знания его культурного наследия.

Целью данной статьи является установление основных приемов перевода на арабский язык фольклорных реалий, встречающихся в рассказах А.П. Чехова. В соответствии с данной целью в работе решаются следующие задачи: 1) изучить понятие фольклорных реалий и определить их сущность; 2) объяснить причины сложности их перевода на арабский язык; 3) установить способы трансляции русскоязычных фольклорных реалий на арабский язык; 4) показать степень достижения адекватности при их переводе.

Материалом исследования стали примеры фольклорных реалий, встречающихся в рассказах А.П. Чехова, и варианты их перевода на арабский язык. В соответствии со спецификой анализируемого материала, исходя из целей и задач исследования, использованы методы семантического, компонентного, контекстуального анализа и приемы

статистического анализа (для наглядного представления полученных в ходе исследования данных).

В любом языке есть большой пласт лексических единиц, которые определяются как этнокультурно-маркированная лексика. Эта лексика настолько многообразна и разнопланова, что для понимания ее специфики необходим учет разных характеристик: переводимость/непереводимость на другой язык, степень национальной окраски (национального колорита), особенности отражения культуры народа и т.п. Именно этими факторами определяется многообразие наименований подобных лексических единиц: *безэквивалентная лексика* [8; 9]; *лакуны* [2; 5]; *реалии* [4; 16]; *лингвокультуремы* [1; 7]; *идиомы* [10] и т.п. Такая лексика вызывает наибольшие трудности при переводе художественного текста. С другой стороны, именно такие лексические единицы делают текст оригинала уникальным, именно их верная передача переводчиком помогает донести до читателя своеобразие художественного произведения.

По сравнению с данными номинациями термин *реалия* является наиболее нейтральным и емко передает сущность рассматриваемого феномена.

Реалия – единица языка (слово и сочетание слов), отличающаяся национально-культурным колоритом (а часто и необычной формой), используемая для наименования феноменов, характерных для одного народа и чуждых другому; единица языка, не поддающаяся однозначной трансляции с помощью лексических единиц другого языка или же вызывающая сложности при переводе.

В определении природы и сущности феномена реалии существует два подхода: лингвистический и экстралингвистический. Ученые, придерживающиеся лингвистического подхода, в основу определения реалии помещают «ее ярко выраженную национально-культурную окраску, которая находит отражение в языке и сознании определенного народа» [13, с. 69]. В рамках экстралингвистического подхода реалии рассматриваются как «феномены, существующие как бы вне языка; как набор фактов, связанных с культурной, общественной жизнью страны, особенностями ее государственного устройства, историей и т.п.» [Там же, с. 70].

Любая реалия – это прежде всего часть культуры народа. В ее основе лежит особый национально-специфический компонент. Г.Д. Томахин определяет реалии как «предметы материальной культуры, исторические факты, элементы государственного устройства, имена известных в данной стране личностей и фольклорных персонажей, которые в словарном составе языка относятся к безэквивалентной лексике» [15, с. 25]. В.С. Виноградов при объяснении природы реалий учитывает не только национально-культурную специфику языкового коллектива, но и особенности развития самого языка, рассматривая реалии как «специфические исторические факты, аспекты государственного устройства национальной общности, особенности географической среды страны, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т.п., – т.е. предметы и явления, содержащие социокультурные сведения о данной стране» [3, с. 3].

В.В. Кабакчи, рассматривая данный феномен, использует термин *культуроним*, понимая под ним единицу языка, обозначающую определенный элемент культуры [11, с. 169].

Значительная часть реалий, относящихся к области традиционной культуры того или иного народа, как правило, связана с мифологическими представлениями, культами и ритуалами, которые закреплены в фольклорной традиции народа, владеющего данным языком. Перевод таких реалий представляется наиболее сложной задачей, стоящей перед переводчиком. «При переводе слов, не имеющих полных соответствий в принимающем языке, возникает проблема сохранения коннотаций национально-культурного плана <...> При таком переводе передается основное денотативное значение слова, но пропадает национальный колорит» [14, с. 57].

Говоря о реалиях такого рода, В.Е. Добровольская в работе «Предметные реалии русской волшебной сказки» характеризует их как «чудесные диковинки или предметные реалии, формирующие сказочное пространство» [6, с. 15].

Начиная рассмотрение особенностей перевода подобных реалий, встречающихся в произведениях А.П. Чехова, на арабский язык, укажем, что система мыслеобразов русского и арабского народов различна. Различны и проявления духовной культуры данных народов – язык, верования, обычаи, обряды, из которых «выросли» системы сказочных, любимых в народе (или, наоборот, порицаемых) персонажей. Как правило, только некоторые, весьма немногочисленные единицы фольклора одного народа имеют однозначные корреляты в культуре другого. «Распространенный стереотип гласит, что перевод представляет собой поиск в словаре определенных слов, которые имели бы в языке перевода точно такое же значение, возможно, и форму, как в языке оригинала. Тем не менее люди, изучающие иностранные языки, и читатели иностранной литературы должны отдавать себе отчет в том, что перевод – это гораздо более сложный процесс, требующий не только высокого уровня владения языком, но и обширных знаний, которые затрагивают самые разнообразные аспекты человеческой жизни» [12, с. 66].

Фольклорные реалии наиболее сложны в плане перевода и требуют от переводчика знаний не только языка данного народа, но и его культуры и истории, поскольку корни многих фольклорных феноменов уходят в историю народа. Стоит согласиться с Ю.В. Мещеряковой и Т.Ю. Шевченко, что на современном этапе развития всей лингвистической науки «искусство перевода вышло далеко за рамки простых языковых навыков. В наши дни хороший переводчик понимает язык, в то время как отличный переводчик понимает культуру» [12, с. 66]. Такое глубокое понимание культуры необходимо при переводе фольклорных реалий.

Рассмотрим примеры таких реалий из рассказов А.П. Чехова, проследив особенности их перевода на арабский язык.

В рассказе «Дочь Альбиона» писатель использует в отношении одного из женских персонажей слово *кикимора*: *Ничего не поймал, ни я, ни эта кикимора* [17, с. 21]. *Кикиморой* автор именует англичанку, служащую гувернанткой в семье. *Кикимора* в восточнославянской мифологии (как правило, русской и белорусской) – персонаж женского рода, обитающий в жилище человека и приносящий вред или мелкие неприятности людям. В настоящее время кикиморой нередко называют не очень приятную как внешне, так и по характеру (поступкам) женщину. Переводчик же, видимо, незнакомый с русской фольклорной традицией, переводит эту фразу на арабский следующим образом: «لم أصطاد شيء لا أنا ولا هذه البعيع» [18, с. 199] (Ничего не поймали, ни я, ни этот призрак (здесь и далее обратный дословный перевод наш – Х. Й.), что, на наш взгляд, лишает оригинальный текст как смысла, так и особой национальной окраски. И призрак, и кикимора – нереальные сущности, но если призрак – это «образ кого-то или чего-то, который возникает в воображении или мерещится», то кикимора – это реальный мифологический персонаж. Вышеприведенный вариант перевода на арабский не позволяет арабоязычному читателю верно понять задумку автора, который делает акцент только на не очень приятный внешний вид героини. Кроме того, переводчик лишает текст этнокультурной специфики, изменяя создаваемый образ.

Лексическая единица *каналья* – ‘плут, мошенник, пройдоха’, пришедшая в русский язык из французского, а ранее заимствованная французским языком из итальянского, довольно часто используется в разговорной речи в качестве определения не очень порядочного и честного человека. В том же рассказе А.П. Чехова «Дочь Альбиона» есть такой фрагмент: *Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы* [17, с. 23], для которого переводчик выбирает вполне нейтральный вариант: «تقف هذه الماكرة وتحس نفسها أنها إنسانا, أي سيدة الطبيعة» [18, с. 199] (Эта хитрая женщина стоит и чувствует, что она человек, то есть хозяйка природы). Подмена образа (*каналья* –

‘хитрая женщина’) лишает текст перевода национально-культурной специфики, свойственной оригиналу. Кроме того, устойчивое выражение *царь природы* (и создаваемый им образ) заменяется в тексте перевода сочетанием *хозяина природы*, что, на наш взгляд, понижает статус лица.

Интересен предложенный переводчиком вариант передачи русской фразы *бить как Сидорову козу*. Фрагмент из рассказа А.П. Чехова «Ванька»: ... *А если что, то секи меня, как Сидорову козу...* [17, с. 62] передан переводчиком так: «*وإذا بدر مني شيء اضربني*» [18, с. 33]. (... *А если что-то будет не так от меня, то бей меня, как собаку бьют*). Имеют место подмена образа – *Сидорова коза* :: *собака* и одновременно утрата национально-культурной специфики, которой обладал текст оригинала.

Рассмотрим несколько фольклорных реалий иного рода. Обратимся к русским праздникам, выступающим частью русской духовной и фольклорной традиции, и их организации. Например, на Руси было принято на Рождество ходить от дома к дому со звездой, символизирующей посланный людям знак о рождении Спасителя, в руках и славить Христа. Как правило, ходили дети, пели колядки (рождественские четверостишия, прославляющие Христа), получая за свое пение маленькие подарки в виде сладостей, а иногда и монет. Таким образом, А.П. Чехов использует в рассказе «Ванька» понятную русскоязычному читателю фразу *ходить со звездой*: *Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают* [17, с. 62], перевод которой не может быть признан адекватным, поскольку переводчик не просто не передал ряд деталей, но и исказил реальность: «*و الأولاد في العيد لا يطوفون بالبيوت منشدين ولا يسمح لأجد بالذهاب لترتيل في الكنيسة*» [18, с. 32] (Во время праздника дети не ходят по дому и не поют, а моему дедушке не разрешают ходить и петь в церкви...). Исходя из предложенного варианта перевода, получается, что дети поют (колядки), не переходя от дома к дому, а просто поют дома. А центральное в данном фрагменте понятие *ходить со звездой* вообще опущено переводчиком. Таким образом, читатель не имеет возможности ознакомиться с одной из важных русских традиций. И запрет петь в церкви относится в переводе к деду, но не к детям. Выражение *пускать петь на клиросе* также относится к русской традиции празднования Рождества, считавшегося одним из великих праздников – это был единственный праздник в году, во время которого детям разрешалось подниматься в церкви на клирос (специальное место в церкви для певчих) и петь вместе с взрослыми певчими. Таким образом, переводчик не просто опустил в переводе ряд деталей, но и практически полностью исказил описанную в оригинале ситуацию.

В следующем случае перевод может быть оценен как достаточно адекватный, но утративший некоторые важные детали, содержащиеся в оригинальном тексте: *Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки* [17, с. 62]: «*يا جدي العزيز, عندما يقيم السادة شجرة عيد الميلاد خذ لي جوزة مدھبة وخبئها في الصندوق. قل للأنسة أولجا أجناتيفنا أنها من أجل فانكا*» [18, с. 34] (Дорогой дедушка, когда господа поставят елку, возьми мне золотой орех и спрячь его в маленькую коробочку. Скажите госпоже Ольге Игнатьевне, что это для Ваньки). Подарки на Рождество в виде орехов (и других подобных вещей), обернутых в серебряную и золотую бумагу – тоже русская традиция. В данном случае переводчик исключает из вновь созданного текста лексическую единицу *гостинцы*, которая, в отличие от более понятной современному читателю лексемы *подарки*, содержит ярко выраженный национальный компонент. Также переводчик заменяет лексическую единицу *сундучок*, имеющую четко выраженную эмоциональную коннотацию, нейтральной единицей *коробочка*.

Продолжая разговор о специфике русских праздников и особенностях перевода их названий на арабский язык, следует упомянуть и такую русскую традицию, как празднование дня рождения и именин человека. Отметим, что в русской традиции считается, что отмечать следует именно именины. Именины – день, когда человеку давали его имя,

выбирая его по святам; в этот день поздравляли самого человека и чествовали Святого, именем которого человек назван. В рассказе «Человек в футляре» есть такой отрывок: *Первое, основательное знакомство с Коваленками у нас, помню, произошло на именинах у директора...* [17, с. 499], переведенный на арабский так: «وَأذكر أن أول مرة تعرفت فيها .» [18, с. 224] (Помню, что впервые близко познакомился с семьей Коваленко на вечеринке дня рождения директора школы). Замена слова *именины* лексической единицей *день рождения*, конечно, не меняет смысла текста, но убирает из него национально-специфичный компонент. Кроме того, переводчик использует лексическую единицу *вечеринка* (мероприятие личного характера, организуемое для близких людей), которая не использовалась в то время, когда были написаны произведения А.П. Чехова.

Хорошо известно и такое русское выражение, как *Кузькина мать* или *показать кому-то Кузькину мать*, которое также уходит корнями в русский фольклор. Кузькой (или Кузьмой) в народе часто называли домового, а Кузькиной матерью или матушкой считали его жену (также фольклорного персонажа) – Кикимору. Существовало поверье, что она могла наслать на дом несчастье, вредила людям. Таким образом, считалось плохой приметой увидеть Кузькину мать. Нередко ей пугали детей, которые плохо себя вели. Но в разговорной речи выражение *показать кому-то Кузькину мать* используется в значении угрозы. В рассказе «Хамелеон» один из персонажей восклицает: *Я ему покажу Кузькину мать!...* [17, с. 39] – т.е., будет знать, как вести себя подобным образом. Переводчик передает данную угрозу так: «سأريه العفاريث الزرق.» [18, с. 17] (Я покажу ему синих гоблинов/дьяволят). Переводчик, не будучи знаком с русской мифологией, очевидно, поняв, что речь идет о ком-то или о чем-то наводящем на человека ужас, выбирает для передачи данного выражения часто используемую в современном арабском языке лексическую единицу *гоблин* (существо из западноевропейского фольклора, обитающее в подземных лабиринтах). Таким образом, стирается национальная специфика русской мифологической традиции, будучи заменена мифологической традицией западной культуры.

В следующем примере частичное изменение переводчиком текста оригинала, на наш взгляд, никак не влияет на его специфику и восприятие адресатом. В рассказе «Человек в футляре» один из героев – Коваленко – говорит: *А кто будет вмешиваться в мои домашние и семейные дела, того я пошлю к чертям собачьим* [17, с. 503]. Выражение *к чертям собачьим* в арабском тексте передано как *к дьяволу*: «أما من سيتدخل في أمورِي .» [18, с. 224–225] (А того, кто вмешивается в мои семейные дела, я пошлю к дьяволу). Кроме замены выражения *к чертям собачьим* выражением *к дьяволу*, в тексте перевода исчезает часть выражения *домашние и семейные дела*, трансформируясь в *семейные дела*; очевидно, переводчик решил, что семейные дела предполагает включение понятия домашние.

Как показал анализ материала, перевод фольклорных реалий представляется довольно сложным в силу различий мифологических, фольклорных образов, а также сказочных персонажей, в которых отражается история становления нации, ее культура, миропонимание и система мислеобразов.

Практически во всех случаях передачи фольклорных реалий переводчик не пытается донести до читателя специфику русского текста и раскрыть те или иные особенности русской культуры, а старается найти подходящие соответствия в родной для него арабской культуре. Он подбирает при переводе такие единицы, которые вызывали бы у читателя те же ассоциации, что и используемые в оригинальном произведении, были бы похожи по функции, ситуативному окружению, вызываемым эмоциям и т. п.

Таким образом, часто речь идет не о передаче реалий русской культуры, а о замене русской национально-культурной специфики схожими образами или единицами арабского языка, которые дают весьма приблизительную информацию о данном обра-

зе. Читатель, незнакомый с русской культурой, в большинстве случаев не может до конца адекватно воспринять созданные автором русского текста картины.

Практически в 99% всех проанализированных нами случаев при переводе фольклорных реалий переводчик использует стратегию доместикации, пытаясь найти в родном для него арабском языке соответствие, которое было бы в какой-то мере равноценно образу, созданному автором оригинала. Переводчиком используется либо полная замена образа, как в примере *Кузькина мать :: синие гоблины (дьяволята), Сидорова коза :: собака* или описательный перевод *каналья :: хитрая женщина*. В любом случае перевод не сохраняет национально-культурной специфики оригинала и не дает возможности читателю, не владеющему русским языком, познакомиться с особенностями русской лингвокультуры.

В рамках стратегии доместикации переводчиком используются такие приемы, как перифраз (28%), замена образа (53%), функциональная замена (11%). В единичных случаях отмечено использование приема генерализации (6%). Кроме того, при невозможности осуществить перевод той или иной реалии данной группы переводчик просто опускает ее в тексте перевода (2%).

Рассмотрение специфики русских фольклорных реалий и способов их перевода на арабский язык показало невозможность достижения не только эквивалентности (что вполне естественно и не требует доказательств), но и адекватности (верного донесения до читателя созданного образа) при их передаче. Перспективами проведенной работы может стать составление справочника соответствий, содержащего корреляты наиболее характерных фольклорных единиц русской и арабской лингвокультур, которые позволили бы читателю, не знающему русский язык, познакомиться с русской национальной культурой.

Список литературы

1. Брыскина И.Е. Лингвокультурема как единица содержания билингвального /бикультурного обучения иностранным языкам в высшей школе // Вестник ТГУ. 2009. № 1 (69). С. 102–110.
2. Булгакова С.Ю. Корреляция реалий и лакун при переводе художественного текста // Вестник ТГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 188–182.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006.
5. Дзида Н.Н. Проблема лакуарности в переводе // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 162–167.
6. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Изд-во Государственного республиканского центра русского фольклора, 2009.
7. Елисеева Е.Б. Лингвокультурема как единица декодирования культурных смыслов при переводе художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Вып. 3-2 (21). С. 67–70.
8. Ефимов А.В. Проблемы перевода безэквивалентной лексики в художественных текстах // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 1. С. 111–115.
9. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
10. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024.
11. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 165–193.

12. Мещерякова Ю.В., Шевченко Т.Ю. Методология перевода безэквивалентной лексики // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 61–67.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Международные отношения, 1974.
14. Тихонова Е.А. Культурно-маркированная лексика в лирике С.А. Есенина и способы ее передачи при переводе на китайский язык // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2 (02). С. 55–60.
15. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988.
16. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19–28.
17. Чехов А.П. Избранное / Предисловие М.П. Громова. М.: Художественная литература, 1975.
18. وفاة الموظف, ابو بكر يوسف, التّرجمة إلى اللغة العربيّة - دار التّقدم, 1978, طبع في الإتحاد السّيفياتي, ص 248.

* * *

1. Bry'skina I.E. Lingvokul'turema kak edinicza sodержaniya bilingval'nogo /bikul'turnogo obucheniya inostranny'm yazy'kam v vy'sshej shkole // Vestnik TGU. 2009. № 1 (69). S. 102–110.
2. Bulgakova S.Yu. Korrelyaciya realij i lakun pri perevode hudozhestvennogo teksta // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2013. № 2. S. 188–182.
3. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy). M.: Izd-vo Instituta obshhego srednego obrazovaniya RAO, 2001.
4. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. M.: R. Valent, 2006.
5. Dzida N.N. Problema lakunarnosti v perevode // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 1. S. 162–167.
6. Dobrovol'skaya V.E. Predmetny'e realii russkoj volshebnoj skazki. M.: Izd-vo Gosudarstvennogo respublikanskogo centra russkogo fol'klora, 2009.
7. Eliseeva E.B. Lingvokul'turema kak edinicza dekodirovaniya kul'turny'h smy'slov pri perevode hudozhestvennogo teksta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. Vy'p. 3-2 (21). S. 67–70.
8. Efimov A.V. Problemy perevoda beze'kvivalentnoj leksiki v hudozhestvenny'h tekstax // Yazy'k. Kul'tura. Kommunikaciya. 2019. № 1. S. 111–115.
9. Ivanov A.O. Beze'kvivalentnaya leksika: Ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006.
10. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. Vvedenie v interlingvokul'turologiyu: Ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Yurajt, 2024.
11. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. Leksiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoj kommunikacii // Russian Journal of Linguistics. 2021. T. 25. № 1. S. 165–193.
12. Meshcheryakova Yu.V., Shevchenko T.Yu. Metodologiya perevoda beze'kvivalentnoj leksiki // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 61–67.
13. Reczker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1974.
14. Tihonova E.A. Kul'turno-markirovannaya leksika v lirike S.A. Esenina i sposoby ee peredachi pri perevode na kitajskij yazy'k // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2 (02). S. 55–60.
15. Tomahin G.D. Realii-amerikanizmy: Posobie po stranovedeniyu. M.: Vy'sshaya shkola, 1988.
16. Tomahin G.D. Realii v yazy'ke i kul'ture. Realiiya-predmet i realiiya-slovo // Inostranny'e yazy'ki v shkole. 2007. № 8. S. 19–28.
17. Chehov A.P. Izbrannoe / Predislovie M.P. Gromova. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975.
18. وفاة الموظف, ابو بكر يوسف, التّرجمة إلى اللغة العربيّة - دار التّقدم, 1978, طبع في الإتحاد السّيفياتي, ص 248.

***Folklore reality as a mirror of the people's soul:
the specific features of interpretation and translation***

The concept of folklore reality is defined, their national and cultural specific features in the stories of A.P. Chekhov are revealed. The peculiarities of translation of folklore reality into Arabic are discovered. The complexity of their translation is demonstrated; the transferring techniques used by the translator are determined. The reasons for the impossibility of achieving complete equivalence and adequateness during the translation of such units are revealed.

Key words: *cultural marked vocabulary, linguocultural adaptation of text, translation, translation strategies, reality, folklore, folklore reality.*

(Статья поступила в редакцию 12.03.2025).

Н.Н. ПАНЧЕНКО

Волгоград

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНОГО СЕТЕВОГО
ДИСКУРСА**

Рассматриваются проблемы исследования научного сетевого дискурса. Анализируется понятие сетевого дискурса, его соотношение с близкими понятиями виртуального, компьютерного и электронного дискурсов. Описываются жанры научного сетевого дискурса, их специфические характеристики. Делается вывод об условности выделения научного сетевого дискурса как самостоятельного вида дискурса, принципиально отличающегося от научного дискурса.

Ключевые слова: *дискурс, сетевой дискурс, научный дискурс, научный сетевой дискурс.*

В последние десятилетия в лингвистических публикациях все чаще появляется термин *сетевой дискурс*, который используется применительно к различным видам институциональных дискурсов – медицинскому [11], массмедийному [3], политическому [8]. Однако лидером по количеству публикаций, посвященных вопросам сетевой коммуникации, согласно нашим данным, является научный дискурс [9; 15 и др.]. Тем не менее нет полной уверенности, что понятие сетевого дискурса освещено в научной лингвистической литературе в достаточной степени.

Значимость сетевой коммуникации, классифицируемой в зависимости от ее целей и функциональной нагрузки, ее роль в современном социальном взаимодействии акцентируется во многих областях – в СМИ, в образовании, в управлении, маркетинге, раз-

влекательной и социальной сферах и др. Виды современных сетевых дискурсов, выделяемых на основе их функций, представлены А.Б. Бушевым [1].

В большинстве научных произведений, независимо от того, о каком типе дискурса идет речь, под сетевым дискурсом в самом обобщенном виде понимается коммуникативное взаимодействие, осуществляемое посредством локальной сети или Интернета. В подобной трактовке появление термина *сетевой дискурс* на первый взгляд закономерно, поскольку обусловлено калькированием англоязычного термина **network discourse**. С другой стороны, обозначение *сетевой дискурс* по сути дублирует номинацию **online discourse (онлайн-дискурс)**. Как известно, в лингвистике присутствует плюралистическое сосуществование терминов *компьютерный дискурс*, *электронный дискурс*, *виртуальный дискурс*, *интернет-опосредованный дискурс*, в той или иной степени взаимозаменяющих друг друга или использующихся как синонимы.

И возникает логичный вопрос: как вписывается термин *сетевой дискурс* в данный перечень, какое место он занимает в системе этих и других функционирующих в лингвистической парадигме терминов?

Согласно одним ученым, наименования *сетевой дискурс* и *компьютерный дискурс* – синонимы: «термин «компьютерный дискурс» является правильным для обозначения «сетевого дискурса», т.к. любой «гаджет» (электронное устройство) – это и есть миникомпьютер по своей сути» [10, с. 4].

Другие исследователи подвергают сомнению равнозначность терминов *компьютерный дискурс* и *сетевой дискурс*, утверждая, что последний выступает гипонимом по отношению к первому.

Вспомним, что существуют достаточно убедительные попытки дифференциации этих понятий. В частности, О.В. Лутовинова считает, что «виртуальный дискурс соотносится с компьютерным (электронным), сетевым и интернет-дискурсом, общей характеристикой которых выступает опосредованность общения, а отличительными признаками, частично накладывающимися друг на друга, – виртуальная коммуникативная среда (виртуальный дискурс), электронный канал общения (компьютерный / электронный дискурс), множественный режим общения (сетевой дискурс и его разновидность – интернет-дискурс)» [7, с. 6]. Соответственно, «сетевой дискурс предполагает общение как в Интернете, так и в других сетях, в т.ч. и локальных» [Там же, с. 11]. Таким образом, независимо от существующих подходов к соотношению рассматриваемых терминов, мы наблюдаем сходные трактовки понятия сетевого дискурса, которые сводятся к достаточно тривиальному определению сетевого дискурса как коммуникации в сети – локальной, национальной или всемирной. Другими словами, речь идет о коммуникации посредством каналов цифрового пространства глобальной информационной сети. Упрощенность подобного подхода состоит в том, что основной отличительной чертой сетевого дискурса является использование специфического канала коммуникативного взаимодействия – электронного.

К конститутивным признакам сетевого дискурса исследователи относят, помимо электронного канала общения, виртуальность, дистантность, опосредованность, высокую степень проницаемости, гипертекстуальность, креолизованность и др. [9].

Интернет и социальные сети становятся источниками и площадкой для размещения не только индивидуально-личностного [2], медийного [3], но и образовательного и научного контентов.

Исследования, посвященные научному сетевому дискурсу, концентрируют свое внимание на анализе научных сетевых дискуссий и конференций, которые представляют собой тематически организованные форумы, нацеленные на обсуждение в открытом доступе теоретических вопросов или проблем прикладного характера. Отмечая сходство с научной конференцией традиционного формата, в качестве отличительных признаков сетевой научной конференции ученые выделяют дистантность, особую конвен-

циональность, наличие установленных правил общения и письменную фиксацию, что в целом коррелирует с характеристиками сетевого дискурса. Участниками научных сетевых конференций становятся не только ученые, интересующиеся конкретной научной тематикой, но и широкий круг лиц с различными профессиональными интересами. К особенностям языкового воплощения жанра научной сетевой конференции относят обилие стилевых приемов, призванных компенсировать дистантность коммуникации, наличие графических средств, а также использование обиходно-разговорной лексики и экспрессивных средств [9], как правило, несвойственных научному функциональному стилю общения.

Отсутствие строгих норм научной коммуникации, неточность изложения чужой позиции отмечается также в исследованиях, посвященных научной сетевой дискуссии [15].

Помимо научных конференций и дискуссий, функционирующих в сетевом пространстве, к числу жанров научного сетевого дискурса исследователи предлагают отнести электронные периодические научные издания [12] как электронную платформу для публикации материалов научных исследований, их популяризации, рецензирования и обсуждения. Учитывая, что современные требования, предъявляемые к научным изданиям, обуславливают наличие их электронных версий, мы считаем электронный научный журнал аналогом традиционной формы журнала и не видим принципиальной разницы в порождаемых учеными научных текстах, размещаемых в бумажных или электронных вариантах.

Следует признать, что анализ публикаций, посвященных научному сетевому дискурсу, создает двойственное впечатление. С одной стороны, речь идет о популяризации научного знания, в т.ч. филологического, что обусловлено виртуально-компьютерными возможностями и является несомненной заслугой сетевого общения благодаря его массовому характеру и мгновенности распространения.

С другой стороны, возникает ощущение «притянутости» научной новизны подобных изысканий, выдающих доказанные в лингвистике положения за ранее неизвестные утверждения. В частности, читаем: «Внутри компьютерного научного дискурса следует разграничивать стилистические и жанровые подстили. В жанровом отношении очевидно различие аннотации и рецензии, монографии и диссертации, доклада и статьи» [13, с. 93] (*выделено нами – Н. П.*). Закономерен вопрос: чем жанровое пространство научного дискурса принципиально отличается от научно-сетевого (компьютерного) дискурса? Можно ли утверждать, что ценности научного дискурса, сконцентрированные на его ключевых концептах – истине, когнитии, исследовании, – принципиально отличаются от ценностей научного сетевого дискурса? Очевидно, что нет.

Подобных публикаций, использующих лексемы *сетевой* или *компьютерный* как искусственное дополнение к словосочетанию *научный дискурс*, нами обнаружено немало. Неестественность и декоративность подобного включения лексемы *сетевой* состоит в том, что собственно научный дискурс, актуализирующий специальное знание, который характеризуется информативно-направленным академическим изложением, ориентированным на логичность, объективность, конкретность, точность, незэмоциональность и т.д., и который предполагает адресованность профессиональному сообществу, фактически сохраняет свои значимые признаки и при его реализации в электронно-сетевой среде. А отмечаемые авторами публикаций такие лексико-стилистические особенности, как присутствие обиходно-разговорной лексики и экспрессивных средств [9], на наш взгляд, являются отражением общей тенденции научного дискурса к экспрессивизации, его определенной десемантизации и, рискуем предположить, деформализации. Как указывает Г.Г. Хазагеров, «научный стиль, стиль научного общения накладывает такие ограничения на употребление языка, которые делают научную коммуникацию удобной для коммуникантов. Обычные описания научного стиля в императив-

ных категориях («научный стиль должен...») не вполне корректны. Этот стиль таков, каковы потребности тех, кто его использует. Должен ли он, например, избегать оценочности и эмоциональности? Если это реально мешает общению «мы» научного сообщества, тогда – да, если же не мешает или перестает мешать, тогда императив отменяется» [14, с. 53].

Несколько иначе, на наш взгляд, обстоит дело с научно-популярным дискурсом или научными сетевыми форумами, которые организованы для дискуссий научной направленности и посвящены обсуждению проблемных вопросов, требующих комплексного анализа. Отмечаемая исследователями тенденция к использованию «комбинации лексических единиц, относящихся к разным стилям и регистрам» [13, с. 95], тем не менее, в общем и целом не нарушает, на наш взгляд, стилеобразующие черты научного дискурса, свойственную ему официальность и соблюдение норм литературного языка.

В настоящее время не подвергается сомнению, что виртуальная реальность предоставляет возможности и условия для академического сетевого взаимодействия различных субъектов – образовательных организаций, профессорско-преподавательского состава, научно-педагогических работников, учительского сообщества и обучающихся с целью интеграции неограниченного количества заинтересованных субъектов, в т.ч. территориально разрозненных, для высококачественной подготовки педагогов [5]. Согласно мнению исследователей, подобный сетевой «контент обеспечивает формирование единого смыслового поля и систематическую верификацию целей образовательной деятельности между субъектами разного уровня», основой контента, в частности, может служить единая программа в форме онлайн-курса, включающего электронный учебник для обучающихся и методическое пособие для педагогов-наставников, а также «платформа для апробации создаваемых образовательных продуктов и взаимодействия всех участников» [Там же, с. 59]. Сторонники данного подхода, таким образом, в понятие «сеть» включают не только и не столько электронные, виртуальные возможности взаимодействия различных субъектов, а некое триединство, где, помимо сети Интернет, обеспечивающей современное техническое сопровождение коммуникации участников профессионального сообщества, присутствуют институциональная и социальная сети, позволяющие интегрировать в единое целое образовательные организации, преподавателей и обучающихся для создания совместного продукта.

Представляется, что идея создания модели сетевого образовательного контента, включающего метод сетевых образовательных проектов, сетевых профильных психолого-педагогических классов (см. подробнее: [4; 5; 6]) можно экстраполировать на научный сетевой дискурс. Речь идет о создании сетевых профессионально-ориентированных сообществ, объединений субъектов, основанных на общности идей и форм активности в сети Интернет с целью обмена опытом, выработки и поиска новых знаний, разработки более эффективных подходов в вопросах решения существующих профессиональных задач [6].

Применительно к научному сетевому дискурсу, как нам представляется, можно говорить о нескольких видах моделей научного сетевого дискурса в зависимости от возможностей и инфраструктуры сети. Локальная модель может объединить субъектов одного или нескольких региональных образовательных учреждений. Подобная модель потенциально может стать инструментом как минимум для организации внутривузовской научно-исследовательской практики студентов и ее методического сопровождения, разработки внутривузовских студенческих научных проектов, а также интеграции НИРС и НОУ, организации продуктивного научного взаимодействия научно-педагогических кадров и учительского сообщества.

Национальная модель, расширяющая границы научного взаимодействия за пределами муниципалитета, региона, создаст условия для вовлечения широкого круга субъектов: неограниченного количества территориально удаленных, в т.ч. зарубежных и ин-

ституционально варьируемых организаций, научно-педагогических кадров, студентов, учителей и научных обществ учащихся, а также независимых исследователей.

Обе модели могут способствовать решению академических задач, реализации совместных научно-исследовательских проектов, объединяющих в сети представителей различных научных школ и направлений, обеспечивая высокую степень взаимного обмена научным контентом. Данная идея, бесспорно, требует дальнейшего обсуждения, что может составить перспективу исследования.

Список литературы

1. Бушев А.Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. С. 86–102.
2. Карпова А.М. Копипаста как разновидность электронного креолизованного текста (на материале русскоязычных текстов стриминговой платформы «twitch») // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 4 (8). С. 71–76.
3. Карпова Т.Б. Сетевые СМИ как тип дискурса современной России // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 34–38.
4. Коротков А.М., Карпушова О.А., Спиридонова С.Б., Земляков Д.В. Психолого-педагогические принципы организации сетевого смешанного обучения // Грани познания. 2023. № 6 (89). С. 45–54.
5. Коротков А.М., Спиридонова С.Б., Карпушова О.А. Модель интеграции образовательных организаций новых субъектов Российской Федерации в систему сетевых профильных психолого-педагогических классов // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Образование. 2024. № 2 (118). С. 57–64.
6. Коротков А.М., Карпушова О.А., Спиридонова С.Б. Организация взаимодействия сетевого профессионального сообщества педагогов методом сетевых образовательных проектов // Грани познания. 2024. № 5 (94). С. 4–11.
7. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.
8. Майба В.В. Язык агрессии в контексте современного политического дискурса в условиях сетевых коммуникаций // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 159–164.
9. Моргун Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002.
10. Павлов М.А. Понятие сетевого дискурса в современной лингвистике // Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал. 2017. № 1 (2). С. 9–13.
11. Пивоварчик Т.А. Сетевой медицинский дискурс байнета: культура коммуникаций // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 3. С. 776–793.
12. Плесканюк Т.Н. Особенности функционирования дискурса электронного научно-практического журнала // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 134 (10). С. 1423–1433.
13. Молчанова Л.В. Научный сетевой дискурс как объект лингвистического исследования (на примере немецкоязычных научных сетевых форумов) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2024. № 22. С. 92–101.
14. Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1-2. С. 40–62.
15. Шлыкова Е.Ю. О специфике текстов научных сетевых дискуссий и возможных подходов к их автоматической идентификации // Материалы VIII международной научной конференции. Язык в координатах массмедиа. Вып. 11. Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 года. СПб.: ООО «Медиапапир», 2024. С. 196–200.

* * *

1. Bushev A.B. Celi setevogo diskursa kak osnovanie ego klassifikacii // Chelovek: obraz i sushhnost'. Gumanitarny'e aspekty'. 2022. S. 86–102.

2. Karpova A.M. Kopipasta kak raznovidnost' e'lektronnoho kreolizovannogo teksta (na materiale russkoyazy'chny'h tekstov strimingovoy platformy' «twitch») // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 4 (8). S. 71–76.
3. Karpova T.B. Setevy'e SMI kak tip diskursa sovremennoj Rossii // Mir russkogo slova. 2010. № 2. S. 34–38.
4. Korotkov A.M., Karpushova O.A., Spiridonova S.B., Zemlyakov D.V. Psihologo-pedagogicheskie principy' organizacii setevogo smeshannogo obucheniya // Grani poznaniya. 2023. № 6 (89). S. 45–54.
5. Korotkov A.M., Spiridonova S.B., Karpushova O.A. Model' integracii obrazovatel'ny'h organizacij novy'h sub'ektov Rossijskoj Federacii v sistemu setevy'h profil'ny'h psihologo-pedagogicheskikh klassov // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie. 2024. № 2 (118). S. 57–64.
6. Korotkov A.M., Karpushova O.A., Spiridonova S.B. Organizaciya vzaimodejstviya setevogo professional'nogo soobshhestva pedagogov metodom setevy'h obrazovatel'ny'h proektov // Grani poznaniya. 2024. № 5 (94). S. 4–11.
7. Lutovinova O.V. Yazy'kovaya lichnost' v virtual'nom diskurse: avtoref. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2013.
8. Majba V.V. Yazy'k agressii v kontekste sovremennogo politicheskogo diskursa v usloviyah setevy'h kommunikacij // Uspеhi gumanitarny'h nauk. 2021. № 1. S. 159–164.
9. Morgun N.L. Nauchny'j setevoj diskurs kak tip teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen', 2002.
10. Pavlov M.A. Ponyatie setevogo diskursa v sovremennoj lingvistike // Nauka i obrazovanie: novoe vremya. Nauchno-metodicheskij zhurnal. 2017. № 1 (2). S. 9–13.
11. Pivovarchik T.A. Setevoj medicinskij diskurs bajneta: kul'tura kommunikacij // Kommunikativny'e issledovaniya. 2019. T. 6. № 3. S. 776–793.
12. Pleskanyuk T.N. Osobennosti funkcionirovaniya diskursa e'lektronnoho nauchno prakticheskogo zhurnala // Nauchny'j zhurnal KubGAU. 2017. № 134 (10). S. 1423–1433.
13. Molchanova L.V. Nauchny'j setevoj diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na primere nemetskoyazy'chny'h nauchny'h setevy'h forumov) // Yazy'k, kommunikaciya i social'naya sreda. 2024. № 22. S. 92–101.
14. Hazagerov G.G. Os' intencii i os' konvencii: k poiskam novoj funkcional'nosti v lingvokul'turologicheskikh issledovaniyah // Sociologicheskij zhurnal. 2006. № 1-2. S. 40–62.
15. Shly'kova E.Yu. O specifike tekstov nauchny'h setevy'h diskussij i vozmozhny'h podhodov k ih avtomaticheskoy identifikacii // Materialy' VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Yazy'k v koordinatah massmedia. Vy'p. 11. Sankt-Peterburg, 26–29 iyunya 2024 goda. SPb.: OOO «Mediapapir», 2024. S. 196–200.

Modern approaches to the definition of scientific network discourse

The research problems of scientific network discourse are considered. The concept of network discourse and its correlation with the related concepts of virtual, computer and electronic discourses are analyzed. The genres of scientific network discourse and their specific characteristics are described. It is concluded about the conditionality of revealing the scientific network discourse as an independent kind of discourse principally differentiating from the scientific discourse.

Key words: *discourse, network discourse, scientific discourse, scientific network discourse.*

(Статья поступила в редакцию 06.05.2025).

АРГУМЕНТИРОВАНИЕ, АРГУМЕНТАЦИЯ И АРГУМЕНТАТИВНОСТЬ:
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ И ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНОВ

Рассматриваются толкование и интерпретация используемых в современном научном дискурсе понятий, обозначаемых терминами «аргументирование», «аргументация», «аргументативность». Приводятся примеры непоследовательного и произвольного использования данных терминов в научно-исследовательских статьях последних лет. Делаются выводы о необходимости соблюдения осторожности и корректности при использовании, толковании и дифференциации традиционных терминов, связанных с аргументацией, аргументированием и аргументативностью.

Ключевые слова: *аргументация, аргументирование
и аргументативность, стратегия, тактика.*

Особенности аргументации в разных видах дискурса не раз были предметом научных исследований. Создана серьезная теоретико-методологическая база, накоплен огромный фактический материал, сформирован терминологический аппарат. Аргументация как «сложный, многоаспектный феномен, ассоциируемый с интеллектуально-коммуникативной процедурой убеждающего воздействия», является объектом изучения междисциплинарной области гуманитарного знания – теории аргументации» [16, с. 8].

В настоящей статье анализируются случаи отступлений от традиционного толкования понятий, обозначаемых в современном научном дискурсе терминами *аргументация, аргументирование, аргументативность*.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что термины *аргументация, аргументирование, аргументативность*, номинирующие базовые понятия теории аргументации и активно используемые в научных исследованиях последних лет, не всегда корректно и последовательно употребляются некоторыми учеными.

Проблемы трактовки некоторых терминов в работах, посвященных вопросам аргументации, уже рассматривались исследователями. «Примеры противоречивой интерпретации ключевых понятий теории аргументации» приводились в работах Л.Г. Васильева [4], Т.Н. Савчук [17] и др.

Рассмотрим особенности толкования и интерпретации терминов *аргументация, аргументирование, аргументативность* в современном научном дискурсе.

1. Аргументация и стратегия аргументации

В теории аргументации существуют традиционные классические определения аргументации как процесса предъявления доводов (аргументов) и как совокупности аргументов. Как известно, аргументация – это «приведение доводов с целью изменения позиции, или убеждений, другой стороны. <...> Словом «аргументация» часто называют не только **процедуру приведения** аргументов в поддержку какого-то положения, но и саму **совокупность** таких **аргументов**. Аргументация представляет собой **речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или опровержения какого-то мнения**» (выделено нами – Н. П.) [9, с. 6].

Использование в научном дискурсе термина *аргументация* в указанных выше традиционных значениях ‘процесс’ и ‘совокупность аргументов’ не вызывает вопросов и не требует комментариев. Но в некоторых научных статьях последних лет встречаются

ся случаи использования термина *аргументация* для наименования стратегии – *стратегии аргументации*, – которая, по мнению исследователей, реализуется в различных видах институционального дискурса. Так, О.С. Филичева утверждает, что **«аргументацию можно рассматривать как одну из стратегий речевого воздействия»**. Она представляет собой сложное образование, включающее тезис и связанные с ним аргументы. В основном **аргументация представлена в виде текста** и имеет своей задачей изменить модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия им решений» (*выделено нами – Н. П.*) [18, с. 110]. Оставив без комментариев замечание автора, что «в основном **аргументация представлена в виде текста**», отметим, что точку зрения О.С. Филичевой, понимающей аргументацию как *стратегию речевого воздействия*, поддерживают и некоторые другие ученые.

О.А. Агаркова и Г.В. Губанова пишут: «Данный подход заключается в исследовании **деятельной составляющей коммуникативной стратегии аргументации**. <...> Четко выстроенная последовательность аргументов увеличивает эффективность **аргументации как стратегии речевого воздействия**» (*выделено нами – Н. П.*) [1, с. 34].

Анализу *стратегии аргументации* посвящена и работа А.В. Жерновой и Л.В. Романовской, которые считают, что «в основе данной **стратегии** лежит разумное рассуждение и приведение доказательств в защиту собственной точки зрения» (*выделено нами – Н. П.*) [8, с. 118].

Е.Е. Нужнова, Т.Б. Бабаева, Н.В. Жуковская утверждают, что *стратегия аргументации* – «одна из **составляющих научного дискурса**» и как «**один из приемов научного дискурса** <...> интенсивно используется учеными» (*выделено нами – Н. П.*) [12, с. 58].

На наш взгляд, рассматривать аргументацию как стратегию (*стратегию аргументации*), а тем более называть ее «одной из составляющих научного дискурса» и «приемом научного дискурса» не совсем корректно. Эти суждения находятся в противоречии с известными классическими научными определениями *аргументации*, о чем уже говорилось выше. Не согласуются они и с признанными научной общественностью представлениями о понятиях *стратегия* и *тактика*, изложенными в известных работах О.С. Иссерс [10], О.Н. Паршиной [13], Ю.К. Пироговой [14] и др.

Напоминать о работах О.С. Иссерс, О.Н. Паршиной и Ю.К. Пироговой приходится потому, что исследователи, пишущие об аргументации как о самостоятельной стратегии (*стратегии аргументации*), выделяют и *тактики*, посредством которых, по их мнению, она реализуется. Например, в статье Е.Е. Нужновой, Т.Б. Бабаевой, Н.В. Жуковской подробно описаны такие тактики *стратегии аргументации*, как «тактика объективности и беспристрастности», «тактика апелляции к авторитету», «тактика системности и статистики», «тактика использования специальной терминологии» и «тактика усиления» (см. подробнее: [12, с. 58–63]).

А.В. Жернова и Л.В. Романовская «базовыми тактиками, реализующими стратегию аргументации», называют «тактику иллюстрирования, тактику контрастного анализа, тактику обоснованных оценок, тактику указания на перспективу и тактику отсылки к авторитету» [8, с. 118].

А.В. Данилова и Л.Г. Васильев считают, что *стратегия аргументации* реализуется «тактикой обоснованных оценок», «тактикой указания на перспективу» и «тактикой контрастного анализа» [7, с. 128].

Продолжая анализ особенностей использования в современном научном дискурсе терминологического сочетания *стратегия аргументации*, обратим внимание на факт отнесения стратегии аргументации к *риторическим* стратегиям, отмеченный нами в статье М.В. Покотыло, посвященной анализу особенностей коммуникативно-прагматического пространства научного дискурса. Ср.: «На наш взгляд, наиболее востребованными в научном дискурсе являются **риторические** стратегии психологического убежде-

ния и аргументации», – пишет автор (*выделено нами – Н. П.*) [15, с. 128]. На наш взгляд, с этим утверждением нельзя согласиться. Даже признав существование *стратегии аргументации* как таковой, невозможно принять квалификацию этой стратегии как *риторической*, – все-таки необходимо учесть некоторые опять-таки общеизвестные сведения: 1) что аргументация как совокупность аргументов – особенно аргументация научного дискурса – может включать в себя не только *риторические* аргументы, но и *рациональные (логические)* аргументы (см. подробнее: [19]); 2) что *риторическая* стратегия аргументации **не может быть** одной из «**наиболее востребованных в научном дискурсе**» (*выделено нами – Н. П.*) стратегий хотя бы потому, что этот вывод противоречит традиционным и многократно описанным характеристикам научного стиля (см., например: [11]).

Таким образом, использование термина *аргументация* для номинации стратегии, тактики или приема (*стратегия аргументации, тактика аргументации, прием научного дискурса* и т.п.) вряд ли можно считать уместным и целесообразным, т.к. такое употребление разрушает единство устоявшейся терминосистемы, вносит элементы непоследовательности и рассогласованности в научное рассуждение.

2. Аргументирование и стратегия аргументирования

Аргументирование – «1. ‘процесс действия по несом. гл. *аргументировать*’. 2. ‘Результат такого действия, представление совокупности аргументов, достаточных для доказательства чего-либо’» [2].

Термин *аргументирование* – синоним термина *аргументация*, часто встречающийся в научных статьях об аргументации. Однако, кроме такого традиционного употребления, в нашем материале отмечены и случаи использования термина *аргументирование* для наименования стратегии (*стратегии аргументирования*) [6; 18; 22 и др.].

Е.С. Шилова, автор статьи «Аксиологическая функция стратегии аргументирования в юридическом дискурсе», определяет *аргументирование* «как стратегический, сугубо логический **процесс**, целью которого является отождествление истинности суждения, которое мы хотим применить, подкрепляя это определёнными доводами, аргументами» (*выделено нами – Н. П.*) [22, с. 138]. Кроме терминологического сочетания *стратегия аргументирования* в тексте указанной работы используется и сочетание *прием аргументирования*: «<...> мы остановимся на профессии адвоката, <...>покажем, как на практике применяется аксиологическая функция **стратегии аргументирования в современное(?) время**. <...> Говоря о работе адвоката, нужно отметить, что **прием аргументирования** является основополагающим “инструментом” его деятельности» (*выделено нами – Н. П.*) [22, с. 138].

Приемом – причем «**приемом научного дискурса**» – называют *аргументирование* А.В. Жернова и Л.В. Романовская в статье, посвященной анализу *стратегии аргументации* в публичных выступлениях TED-Talks: «Аргументирование является важнейшим **приемом научного дискурса**» (*выделено нами – Н. П.*) [8, с. 118]. Напомним, что в работе Е.Е. Нужновой, Т.Б. Бабаевой, Н.В. Жуковской, упомянутой нами выше, одним из «приемов научного дискурса» называлось не *аргументирование*, как в статье А.В. Жерновой и Л.В. Романовской, а *стратегия аргументации* [12, с. 58].

В работе М.А. Гладко «Стратегия рационального аргументирования во внутренней коммуникации организаций» *стратегия (рационального) аргументирования* характеризуется автором как «одна из наиболее востребованных и действенных убеждающих стратегий», которая «обеспечивает создание впечатления объективности, достоверности излагаемой адресантом позиции» [6, с. 200]. Выделяются и многочисленные *тактики*, посредством которых, по мнению автора, данная стратегия реализуется: «тактика обращения к фактам», «тактика обращения к авторитету», «тактика указания на объективное положение дел», «тактика к логической “невозможности” совершения действия», «тактика обещания», «тактика к логике» (см. подробнее: [6, с. 200–202]).

Рассмотрение *аргументирования* как самостоятельной стратегии (*стратегии аргументирования*), нарушает, на наш взгляд, семантику термина *аргументирование* и противоречит традиционным представлениям об аргументировании как процессе приведения аргументов. Возникают вопросы и по поводу некоторых утверждений автора статьи, касающихся характеристик отдельных тактик, реализующих, по его мнению, *стратегию аргументирования*. Ср.: «Не менее частотной в комбинации с **тактикой рационального аргументирования** является **тактика обращения к авторитету**, который представляет собой авторитетный источник информации (документ, приказ, справка) и подкрепляет позитивный образ, создаваемый адресантом» (выделено нами – Н. П.) [6, с. 202]. В данном суждении *стратегия рационального аргументирования*, которой посвящена статья, вдруг названа *тактикой рационального аргументирования* (выделено нами – Н. П.). Кроме того, рассуждая о *тактике обращения к авторитету*, автор называет ее «аргументативно насыщенной» и окончательно удивляет читателя, указав на «расположение» упомянутой тактики: «Данная **аргументативно насыщенная тактика располагается в пре- и постпозиции** по отношению к основному высказыванию. Важно отметить, что препозиция **убеждающей тактики** является наиболее востребованной, так как влияет на первое оценочное суждение адресата при восприятии сообщения и тем самым, в ряде случаев, может его частично сформировать» (выделено нами – Н. П.) [6, с. 202].

В работе О.С. Филичевой «Стратегия аргументации и способы ее реализации в научном дискурсе» терминологические сочетания *стратегия аргументирования* и *стратегия аргументации* используются как синонимы: Ср.: «<...> для достижения желаемого воздействия на собеседника говорящему необходимо владеть знаниями по риторике и уметь планировать **стратегию аргументирования**» (выделено нами – Н. П.) [18, с. 111].

Таким образом, использование термина *аргументирование* для номинации стратегии, тактики или приема (*стратегия аргументирования*, *тактика аргументирования*, *прием аргументирования*, *прием научного дискурса* и т.п.) нельзя признать удачным, т.к. такое употребление нарушает точность дефиниции, приводит к сужению или расширению семантики термина и затрудняет понимание научного текста.

3. Аргументативность и стратегия аргументативности

Факты нарушений в соотношении содержания понятий и терминов, их обозначающих, случаи недифференцированности понятий, неразличения терминов, рассогласованности и неточности при их использовании отмечены и при употреблении в современном научном дискурсе термина *аргументативность*.

Аргументативность – это «способность речи или текста содержать логически обоснованные доводы и аргументы для убеждения или доказательства какой-либо точки зрения. Синоним – доказательность» [3].

Однако, как и в случаях с терминами *аргументация* и *аргументирование*, термин *аргументативность* довольно часто используется в научно-исследовательских статьях для наименования стратегии (*стратегии аргументативности*).

Выделяют коммуникативную *стратегию аргументативности*, например, исследователи Т.Е. Водоватова и В.В. Банникова, называя ее «ключевой коммуникативной стратегией организации научного текста» [5, с. 92], «ключевым способом достижения воздействия текстом научной статьи» [5, с. 93].

По мнению авторов, «семантика стратегии аргументативности заключается в выражении доказательности, которая обеспечивается выдвижением тезиса и последовательным рассмотрением доводов в пользу его истинности и возможных противоположных доводов, в ходе которого дается оценка основанию и тезису, опровергается антитезис, а тезис доказывается» [5, с. 94].

Данное высказывание о семантике *стратегии аргументации*, как мы видим, совпадает с общеизвестной характеристикой *аргументации* как таковой. Ср.: «выдвижение тезиса ...», «рассмотрение доводов в пользу его истинности и возможных противоположных доводов» ..., «дается оценка основанию и тезису, опровергается антитезис, а тезис доказывается»... и т.д. [Там же].

При этом в тексте указанной статьи в качестве абсолютного синонима к сочетанию *стратегия аргументативности* неоднократно употребляется и сочетание *стратегия аргументации*. Ср.: «По способам проявления в тексте **стратегия аргументации** может быть эксплицитной, то есть вербально выраженной, и имплицитной, вербально не выраженной, но подразумеваемой. <...> Примером явного намерения в **стратегии аргументации** будет прямое приведение аргументов, в то время как скрытое может звучать как просьба или обязательство, автор может скрывать его до какого-то момента, аккуратно подбирая слова (от отвлеченной и абстрактной общей темы переходя к сути вопроса, намеренная неискренность, абстрактность формулировок, апелляция к авторитетным источникам и др.)» (выделено нами – Н. П.) [5, с. 95].

Кроме того, и в аннотации к статье, и в тексте работы используется еще и словосочетание *категория аргументативности* и отсутствуют какие-либо комментарии, которые бы помогали установить, как дифференцируются авторами понятия *стратегия аргументативности* и *категория аргументативности*. Термины *стратегия аргументативности* и *категория аргументативности* используются в тексте работы практически как взаимозаменяемые. Ср. в аннотации: «Статья посвящена определению языковых способов реализации **стратегии аргументативности** в текстах англоязычных научных статей лингвистической тематики. В работе уточняются связанные с темой исследования понятия речевого воздействия и речевой стратегии, раскрывается содержание присущих изучаемым текстам **категорий аргументативности**, информативности, суггестивности. На текстовых примерах показывается, что **стратегия аргументативности** в изучаемом фактическом материале тесным образом связана со стратегиями информативности и суггестивности» (выделено нами – Н. П.) [5, с. 92].

Даже выводы в финале статьи в большей степени содержат высказывания авторов не о *стратегии аргументативности*, а о *категории аргументативности* и некоторых других категориях. Создается впечатление, что для авторов статьи сочетания *стратегия аргументативности* и *категория аргументативности* – синонимы. Ср.: «**Стратегия аргументативности** играет важнейшую роль в организации структурно-семантического пространства англоязычных научных статей лингвистической тематики. В изучаемом фактическом материале она тесным образом связана с категориями информативности и суггестивности <...>. **Категории аргументативности**, информативности, суггестивности близки как по содержанию, так и по способам выражения в тексте. Все названные категории получают эксплицитное языковое выражение на уровне использования лексических средств <...>. Названные средства обуславливают реализацию **категорий аргументативности**, информативности и суггестивности косвенным образом, то есть посредством формирования <...> логичности, убедительности, достоверности, объективности, точности и детализированности...» (выделено нами – Н. П.) [5, с. 98].

Отметим, что никак не прокомментировано авторами и употребление в статье (тоже практически в качестве синонимов) терминологических сочетаний *категория информативности* и *стратегия информативности*, *категория суггестивности* и *стратегия суггестивности*.

Наличие текстообразующих *категорий аргументативности*, *информативности*, *суггестивности* – факт общеизвестный (см. подробнее: [21]). Т.Е. Водоватова и В.В. Банникова добросовестно ссылаются на статью Е.В. Шелестюк «Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия» [21], но в своей работе не дифференцируют понятия *стратегия*

аргументативности и категория аргументативности, стратегия информативности и категория информативности, стратегия суггестивности и категория суггестивности, что, на наш взгляд, мешает адекватному представлению научных результатов, затрудняет понимание авторского замысла.

Более того, в тексте статьи вдруг появляется и терминологическое сочетание *категория аргументации* – в качестве синонима к сочетанию *категория аргументативности*. Ср.: «Применение названных критериев оценки при изучении **категории аргументации** и ее функционирования в научных статьях приводит к выводу о том, что **аргументация** является одним из способов создания воздействующего потенциала любого текста, но в большей степени она **проявляется в интенциональном дискурсе, к которому относятся и тексты научных статей**» (выделено нами – Н. П.) [5, с. 93].

Таким образом, использование термина *аргументативность* для номинации стратегии (*стратегия аргументативности*), употребление терминологического сочетания *стратегия аргументативности* в качестве синонима сочетания *категория аргументативности* вносят в научный текст элементы произвольности и некоторой небрежности, затрудняя его понимание.

Подведем итоги. Анализ нашего материала показал, что термины *аргументация, аргументирование, аргументативность*, обозначающие базовые понятия теории аргументации, в современном научном дискурсе иногда употребляются непоследовательно и некорректно, что приводит к референциальной неопределенности: сужается или расширяется их семантика, возникает терминологическая вариантность и рассогласованность.

Нельзя не согласиться с Т.Н. Савчук, отметившей, что «всякая исследовательская терминосистема, будучи в значительной мере условным образованием, должна строиться с учетом **сложившихся научных и языковых традиций**» (выделено нами – Н. П.) [17, с. 51].

Случаи применения терминов *аргументация, аргументирование, аргументативность*, рассмотренные в настоящей статье, связаны, как правило, с нарушением упомянутых Т.Н. Савчук научных и языковых традиций.

Произвольное и некорректное употребление базовых терминов той или иной науки затрудняет репрезентацию получаемых научных результатов, мешает дать им правильную оценку и увидеть перспективы исследовательской деятельности.

«Аргументация как обоснование лежит в основе всех научных исследований, от ее эффективности зависит признание той или иной концепции или открытия научным сообществом», – отмечала О.А. Шапиро в статье об аргументативном гиперязыке [20, с. 15]. Поэтому при использовании, толковании и интерпретации общеизвестных терминов *аргументация, аргументирование* и *аргументативность* так важны осторожность, корректность и уважение к сложившимся научным традициям.

Список литературы

1. Агаркова О.А., Губанова Ю.В. Аргументация как стратегия речевого воздействия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 7 (207). С. 34–37.
2. Аргументирование. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/138864/Аргументирование> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Аргументативность // <https://sinonim.org/t/аргументативность> (дата обращения: 04.05.2025).
4. Васильев Л.Г. Терминосистема аргументологии: концептуальные проблемы и переводческие трудности // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 92–98.
5. Водоватова Т.Е., Банникова В.В. Аргументативность как ключевая коммуникативная стратегия организации научного текста (на материале англоязычной лингвистической статьи) // Вестник Международного института рынка. 2024. № 1. С. 92–99.

6. Гладко М.А. Стратегия рационального аргументирования во внутренней коммуникации организаций // Модернизационный вектор развития науки в XXI веке: традиции, новации, преемственность: сб. науч. ст. по итогам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 апреля 2016 года. СПб.: КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС, 2016. С. 200–202.
7. Данилова А.В., Васильев Л.Г. Особенности стратегии политической аргументации // Казанская наука. 2022. № 7. С. 126–128.
8. Жернова А.В., Романовская Л.В. Стратегия аргументации в публичных выступлениях TED-Talks // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): сб. науч. ст. по итогам II международной научной конференции, Нижний Новгород, 21–22 декабря 2021 года. Нижний Новгород, 2022. С. 117–121.
9. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 9-е изд. доп. М.: URSS, 2024.
11. Научный стиль. Русский язык. Краткий теоретический курс для школьников // <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/russkij-yazyk-kratkij-teoreticheskij-kurs-dlya-shkolnikov/nauchnyy-stil> (дата обращения: 04.05.2025).
12. Нужнова Е.Е., Бабаева Т.Б., Жуковская Н.В. Стратегия аргументации в научном дискурсе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 57–64.
13. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
14. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. 9. Интертекст. Культура. М.: Азбуковник, 2001. С. 543–553.
15. Покотыло М.В. Особенности коммуникативно-прагматического пространства научного дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 07 (61). Ч. 1. С. 127–129.
16. Савчук Т.Н. Аргументативная лингвистика в системе прикладных исследований языка // Прикладная лингвистика: наследие и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 22–23 марта 2024 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2024. С. 7–13.
17. Савчук Т.Н. Концептуальная система теории аргументации: проблемы формирования // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 51–57.
18. Филичева О.С. Стратегия аргументации и способы ее реализации в научном дискурсе // The way of science: International scientific journal. 2015. № 1 (11). С. 110–112.
19. Хизанишвили Д.В. Взаимодействие логической, когнитивной и риторической подсистем в системной модели аргументации // РАЦИО.ru. 2016. № 17 (1). С. 30–54.
20. Шапиро О.А. О понятии аргументативного гиперязыка: прагма-аналитический подход // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 15–22.
21. Шелестюк Е.В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестник ЧелГУ. 2008. № 30. С. 170–175.
22. Шилова Е.С. Аксиологическая функция стратегии аргументирования в юридическом дискурсе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 138–139.

* * *

1. Agarkova O.A., Gubanova Yu.V. Argumentaciya kak strategiya rechevogo vozdejstviya // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 7 (207). S. 34–37.
2. Argumentirovanie. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka Efremovoj // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/138864/Argumentirovanie> (data obrashheniya: 04.05.2025).
3. Argumentativnost' // <https://sinonim.org/t/argumentativnost/> (data obrashheniya: 04.05.2025).
4. Vasil'ev L.G. Terminosistema argumentologii: konceptual'ny'e problemy i perevodcheskie trudnosti // Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2006. № 1. S. 92–98.
5. Vodovatova T.E., Bannikova V.V. Argumentativnost' kak klyuchevaya kommunikativnaya strategiya organizacii nauchnogo teksta (na materiale angloyazychnoj lingvisticheskoy stat'i) // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ry'nka. 2024. № 1. S. 92–99.

6. Gladko M.A. Strategiya racional'nogo argumentirovaniya vo vnutrennej kommunikacii organizacii // Modernizatsionnyj vektor razvitiya nauki v XXI veke: tradicii, novacii, preemstvennost': sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 30 aprelya 2016 goda. SPb.: KUL'T-INFORM-PRESS, 2016. S. 200–202.
7. Danilova A.V., Vasil'ev L.G. Osobennosti strategii politicheskoy argumentacii // Kazanskaya nauka. 2022. № 7. S. 126–128.
8. Zhernova A.V., Romanovskaya L.V. Strategiya argumentacii v publichnyh vy'stupleniyah TED-Talks // Strategii i taktiki v razlichnyh registrah obshheniya (na materiale sovremennyh indoevropejskikh yazykov): Sbornik nauchnyh statej po itogam II mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 21–22 dekabrya 2021 goda. Nizhnij Novgorod, 2022. S. 117–121.
9. Ivin A.A. Osnovy teorii argumentacii. M.: VLADOS, 1997.
10. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 9-e izd. dop. M.: URSS, 2024.
11. Nauchnyj stil'. Russkij yazyk. Kratkij teoreticheskij kurs dlya shkol'nikov // <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/russkij-yazyk-kratkij-teoreticheskij-kurs-dlya-shkolnikov/nauchnyy-stil> (data obrashheniya: 04.05.2025).
12. Nuzhnova E.E., Babaeva T.B., Zhukovskaya N.V. Strategiya argumentacii v nauchnom diskurse // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2019. № 2. S. 57–64.
13. Parshina O.N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii: dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2005.
14. Pirogova Yu.K. Strategii kommunikativnogo vozdejstviya i ih otrazhenie v reklamnom tekste // Tekst. 9. Intertekst. Kul'tura. M.: Azbukovnik, 2001. S. 543–553.
15. Pokotylo M.V. Osobennosti kommunikativno-pragmaticheskogo prostranstva nauchnogo diskursa // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2017. № 07 (61). Ch. 1. S. 127–129.
16. Savchuk T.N. Argumentativnaya lingvistika v sisteme prikladnyh issledovanij yazyka // Prikladnaya lingvistika: nasledie i sovremennost': materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 85-letiyu filologicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 22–23 marta 2024 goda. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 7–13.
17. Savchuk T.N. Konceptual'naya sistema teorii argumentacii: problemy formirovaniya // Chasop. Belarus. dzyarzh. un-ta. Filalogiya. 2017. № 1. S. 51–57.
18. Filicheva O.S. Strategiya argumentacii i sposoby ee realizacii v nauchnom diskurse // The way of science: International scientific journal. 2015. № 1 (11). S. 110–112.
19. Hizanishvili D.V. Vzaimodejstvie logicheskoy, kognitivnoj i ritoricheskoy podsystem v sistemnoj modeli argumentacii // RACIO.ru. 2016. № 17 (1). S. 30–54.
20. Shapiro O.A. O ponyatii argumentativnogo giperyazyka: pragma-analiticheskij podhod // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2017. № 38. S. 15–22.
21. Shelestyuk E.V. Tekstovye kategorii argumentativnosti, suggestivnosti i imperativnosti kak otrazhenie sposobov rechevogo vozdejstviya // Vestnik ChelGU. 2008. № 30. S. 170–175.
22. Shilova E.S. Aksiologicheskaya funkciya strategii argumentirovaniya v yuridicheskom diskurse // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2022. № 22-2. S. 138–139.

Argument, reasoning and argumentation: considering the issue of interpretation of concepts and description of terms

The description and interpretation of concepts that are used in the modern scientific discourse and denoted by the terms «reasoning», «argument» and «argumentation» are considered. The examples of incosecutive and voluntary use of these terms in the scientific and research articles of recent years are given. It is concluded about the necessity of taking cautions and correctness while using, interpreting and differentiating the traditional terms associated with argument, reasoning and argumentation.

Key words: *argument, reasoning and argumentation, strategy, tactics.*

(Статья поступила в редакцию 11.06.2025).

Н.А. КРАСАВСКИЙ

Е.В. ПЕРМИНОВ

Волгоград

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «РЕПОРТАЖ»:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Представлены результаты исследования речевого жанра «репортаж» на материале немецких СМИ в гендерном освещении. Установлены коммуникативные тактики, используемые в немецкоязычных репортажах. Выявлены гендерные различия в применении коммуникативных тактик в речевом жанре «репортаж».

Ключевые слова: *гендер, жанр, репортаж, коммуникативная тактика, адресант, адресат, частотность употребления.*

Проблема исследования коммуникативного поведения Homo loquens – одна из центральных в современной лингвистике [3, с. 55–63; 5; 7, с. 68–80; 10; 13, с. 63–69]. Ее актуальность обусловлена значительным эвристическим потенциалом интерпретации речевых поступков человека, его вербальных действий, своей совокупностью формирующих языковую картину мира. Ее изучение позволяет определить содержание когнитивной картины мира, в которой закреплены ментальные операции человеческого мышления, способы освоения мира, оценочные характеристики его субъектов и объектов. Исследование коммуникативного поведения важно не только для когнитивной лингвистики и теории коммуникации, но и, в частности, для лингвогендерологии, решающей задачи выявления специфики мужской и женской речи. О теоретической значимости и прикладной ценности гендерного аспекта изучения языка свидетельствуют многочисленные публикации современных ученых [2, с. 5–10; 4; 8, с. 217–223; 11, с. 85–94; 12].

Коммуникативное (точнее – речевое) поведение человека рассматривается как продукт его текстовой деятельности. Текст, понимаемый И.Р. Гальпериным как «произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи» [1, с. 10], обладает определенной прагматической установкой. Его автор (адресант) ставит перед собой коммуникативную цель, которая, как правило, сводится в эксплицитной или имплицитной форме к воздействию на адресата, к внесению коррективов в его «картину мира» – восприятию и толкованию фактов, событий и т.п. При этом эффективность выполнения коммуникативных задач, реализация целеполагания адресанта определяется, в том числе, и выбором тактик речевого поведения. Коммуникативные тактики выступают средством реализации определенной коммуникативной стратегии, которая представляет собой целеполагание адресанта.

Коммуникативные тактики принято рассматривать как конкретные практические ходы, совершение которых подчинено речевому воплощению той или иной стратегии [5; 6; 9, с. 47–52]. Целеполагание может быть самым разноплановым – призыв коммуниканта к совершению определенных действий, его убеждение в их целесообразности, воздействие на психоэмоциональное состояние собеседника и т.п.

Цель статьи – выявление коммуникативных тактик, используемых в жанре «репортаж» в гендерном аспекте. Исследование проводилось на материале репортажей, опубликованных в немецкоязычных периодических изданиях и на интернет-сайтах Германии «Focus», «Brigitte», «ZDF», «rbb24».

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении ряда положений гендерной лингвистики, в частности тезиса о корреляции коммуникативных тактик и гендера. Практическая ценность полученных результатов обусловлена возможностью их внедрения в вузовский учебный процесс при изучении психолингвистики, гендерной лингвистики и стилистики немецкого языка.

Исследовательские методы и приемы – интерпретация, контекстуальный анализ, сплошная выборка, прием количественного подсчета.

В ходе исследования проанализировано 20 немецкоязычных репортажей. Авторами 10 репортажей являются мужчины, 10 репортажей написаны женщинами.

Журналисты как адресанты ставят перед собой задачу воздействовать на читателей, обратить внимание на какую-либо общественную проблему, часто – предложить ее решение. Для достижения этой цели репортеры используют *тактику обращения к читательской аудитории*. Данная коммуникативная тактика соотносима с феноменом устранения «четвертой стены» (термин, введенный в XVIII в. французским писателем и драматургом Д. Дидро), используемым в театральных постановках, – прямым обращением актеров (в данном случае – журналистов) к читателям. Проиллюстрируем применение этой тактики примером из репортажа журналистки Катрин Шварце-Райтер: *Welche Stadt hat die größte Schule? Berlin? Bochum? München? Falsch!* [19]. Цепочка вопросительных предложений в начале репортажа нацелена на то, чтобы вызвать интерес у читателей. Вопросительные предложения напоминают тестовое задание, которое необходимо выполнить читателям, в то время как финальное восклицательное предложение (*falsch* – ‘неправильно’), служащее своеобразной эмфазой, направлено на определенный перлокутивный эффект. Коммуникативная тактика обращения к аудитории наиболее распространена в исследованных текстах (индекс частотности ее употребления равен 11,18%). Заметим, что ее значительно чаще используют женщины-журналисты (38 примеров из 64).

Инвариантом названной выше тактики служит коммуникативная *тактика апеллирования к эмоциям и чувствам адресата*, создающая у него психологическое напряжение. Данная коммуникативная тактика в зависимости от использующего ее журналиста/журналистки направлена на вызов эмоций самого различного спектра – как негативных, так и позитивных. Так, например, в репортаже «Dritter Frühling in der Wüste» [15] журналист М. Гляйх затрагивает экзистенциальную проблему жизни и смерти: *Nur den Tod, den triffst du in Quarzsite nicht* [Там же]. Имя существительное *der Tod* (смерть) способно вызвать у читателя состояние тревоги, даже страха. Случаи использования тактики обращения к эмоциям адресата составляют 10,3% от общего числа выявленных коммуникативных тактик. 36 из них обнаружены в мужских репортажах, 23 – в женских.

Аналогичный индекс частотности употребления имеет коммуникативная *тактика иллюстрирования*, состоящая в приведении адресантом фактов, различных данных. Медийная в Германии личность Оливер Данк использует эту тактику, рассказывая о своей журналистской карьере: сообщает факты своей биографии. Он детально описывает детский конкурс талантов, называет его точную дату (*am 19. April 1978*), акцентируя читательское внимание на количестве участников (*ein Talentwettbewerb mit 40 Kindern*) и передавая содержание конкурсных заданий при помощи вводной конструкции *zum Beispiel* (к примеру): *Am Ende wurden fünf Minuten gesendet, und drei Fragen von mir waren zu hören. Zum Beispiel: «Herr Kaiser, warum werden so viele Titel verdeutscht, fällt den Produzenten nichts mehr ein?» Roland Kaiser antwortet mit einem «äh, na ja...» Ich hatte den Job!* [14]. Данную коммуникативную тактику женщины-репортеры используют чаще, чем мужчины (соотношение примеров 32 к 27).

Для того чтобы вызвать у читателей интерес к репортажам и поддерживать его, журналисты применяют *аттрактивную, интригующую и кульминационную* тактики.

Нередко *аттрактивная* тактика обнаруживает себя уже в самом заголовке репортажа. Приведем примеры: «*Tokio-Allergie*» (Токио-аллергия) [22], «*96 Stunden Party – Das Parookaville Festival*» (96 часов вечеринки – Парукавилльский фестиваль) [21], «*Leben mit der Zeitbombe*» (Жизнь с бомбой замедленного действия) [20]. АATTRAKТИВНАЯ тактика получает свое развитие непосредственно и в самом тексте репортажа. В последнем из указанных репортажей внимание аудитории может быть привлечено метафоричным выражением: «*Gennaro Esposito verkauft Glück*» [20]. Метафора *Glück verkaufen* ‘продавать счастье’ может быть не понята читателями однозначно. Ее значение ‘продавать таланты’ раскрывается авторскими комментариями. Индекс частотности применения аттрактивной коммуникативной тактики находится в пределах 9,9% от общего числа тактик. Гендерных различий в квантитативном плане нет (24 случая ее использования мужчинами, 23 – женщинами).

Интригующая коммуникативная тактика по сравнению с аттрактивной характеризуется более продолжительным по времени фокусированием внимания реципиентов на информации. Ее доля в исследованном материале составляет 9,7%. Эта тактика близка, с одной стороны, к аттрактивной тактике, а с другой, к тактике создания психологического напряжения. Создание интриги в текстах журналистских жанров мы рассматриваем как действенный способ привлечения внимания публики. Репортер Йохен Вегнер использует интригующую коммуникативную тактику, повествуя о съемках документального фильма об Олимпиаде 1972 года, прошедшей в Германии, на территории Японии: *Dumm nur, dass die Deutschen fehlen* (Глупо только то, что немцы отсутствуют) [22]. Интрига создается посредством употребления оценочного наречия *dumm* (глупо) и поддерживается при помощи противопоставления аксиоме: спортсмены той страны, в которой проводятся Олимпийские Игры, обязательно должны участвовать в них. Подобное авторское высказывание вызывает как минимум непонимание, а как максимум и недовольство со стороны читателей. Логично, что интрига требует развязки, т.е. реализации кульминационной коммуникативной тактики. В данном репортаже кульминация наблюдается посредством раскрытия замысла репортера – подобная нестыковка (отсутствие немцев на Олимпиаде в Германии) объясняется местом съемок документального фильма и национальной принадлежностью лиц, работающих над его созданием. Обратим внимание, что наличие интриги в материале репортажей оказалось более характерным для текстов, написанных мужчинами (36 случаев использования данной тактики), в то время как женские репортажи реже содержат интригу (20 случаев ее применения).

Освещение темы репортажа требует от журналиста аргументированности представленного материала, поскольку в нем излагаются различные факты, описываются и оцениваются многочисленные события. Этим обстоятельством обусловлена востребованность *аргументативной коммуникативной тактики* (индекс частотности ее применения 9,5%). Приведем пример из спортивного репортажа Лукаса Витте. Речь идет о смешанных единоборствах. Журналист, рассуждая о причинах изменения отношения общественности Германии к боям смешанного стиля, указывает на не оправдавшие ожидания стереотипы об исключительном участии в соревнованиях лиц из криминальной среды: *Es gab lange das Klischee, dass MMA nur breite, muskulöse und tätowierte Typen aus einem bestimmten zwielichtigen Milieu machen würden* [23]. В качестве второго аргумента приводится критическая позиция немецких СМИ, видевших лишь жестокость в мире смешанных единоборств, нарушение общественного порядка молодыми людьми, проводящими стихийные бои на улицах: *Darin war von «Blutboxern» die Rede, die sich unter einsamen Straßenlaternen zum Kämpfen treffen und ohne Regeln aufeinander einprügeln* <...> [Там же]. Количественный подсчет показывает, что мужчины чаще прибегают к использованию аргументов в репортажах (28 примеров употребления аргументативной тактики), чем женщины-репортеры (21 пример).

Значительные гендерные различия обнаруживаются при реализации коммуникативной *тактики вуалирования*. Ее применение обусловлено стремлением адресанта избегать упоминания некоторых фактов, событий или скрывать их. Индекс частотности ее использования составляет 8,2%. Тактику вуалирования применяют значительно чаще женщины-репортеры (30 случаев реализации против 17 случаев ее использования мужчинами). Значительная часть вуалирования приходится на эвфемии. Она характерна для речи женщин-журналистов. Так, в репортаже Дуньи Садаки глагол *ankommen* 'прибывать' с частицей *nicht* (не) употреблен в значениях 'умереть'/'погибнуть' [17]. Мужчины-репортеры, в свою очередь, более склонны к прямолинейности в изложении фактов действительности.

Следующую позицию по частотности применения в репортажах занимает *манипулятивная тактика* (8,1%). Она призвана оказать влияние на адресата, изменить его оценочные суждения, побудить к определенным действиям, бенефициаром которых может стать адресант либо приближенные к нему люди. Манипуляции нередко основаны на эмоциях читателя. Одной из них является страх. Журналист Стефан Шайтт эмоционально воздействует на читателей репортажа, посвященного травмоопасности горнолыжного спорта. Передавая слова хирурга-травматолога конструкцией с косвенной речью, журналист как бы дистанцируется от его экспертного мнения, но при этом акцентирует внимание читателей на статусности, авторитетности врача: *Sie sagt, in diesem Fach könne man Menschen wieder richtig herstellen mit Nadel, Faden, Schrauben, Platten, Stiften* [18]. Метафора *Menschen wieder richtig herstellen* (букв. *вновь правильно изготовить людей*) усиливается перечислением конкретного инструментария *mit Nadel, Faden, Schrauben, Platten, Stiften* (игл, нитей, винтов, пластин, булавок), что создает яркий, полный ассоциаций образ «ремонта» человеческого тела в сознании читателя. Это сочетание слов можно отнести к кинестетической модальности восприятия информации. Чувство страха усиливается дальнейшим врачебным комментарием, граничащим с приговором травмированному: *Aber es gibt Tage, an denen das nicht mehr möglich ist* [Там же] (Но есть дни, когда это больше невозможно). Таким образом, журналист, создав сильный эмоциональный фон в репортаже (параллельно имеет место тактика создания психологического напряжения), приходит к выводу об опасности горнолыжного спорта и советует читателям быть предельно внимательными и осторожными при катании на лыжах. В изученных материалах манипулятивная тактика используется 24 раза мужчинами и 17 раз женщинами.

Коммуникативная тактика амальгирования, сущность которой заключается в стремлении адресанта поставить знак равенства между своими суждениями и суждениями адресата, в репертуаре тактик, используемых в жанре репортажа, составляет 6,7%. Приведем отрывок из репортажа Яна Гритца, в котором он рассматривает вопрос влияния немецких провинций на модную индустрию Германии: *Hier wird Mode gemacht: Wir besuchen die Kleiderbranche, wo sie wirklich zu Hause ist – eine Deutschlandreise von Herford bis nach Schorndorf* [16]. Грамматическая основа предложения *wir besuchen* (мы посещаем), использованная в вышеприведенном примере, создает впечатление единения адресанта и адресата. Благодаря личному местоимению *wir* (мы) журналист пытается вызвать доверие у читателя. Материал показывает, что тактика амальгирования чаще используется женщинами-репортерами, чем мужчинами (соотношение примеров 23 к 10).

В заключение укажем, что низким индексом частотности употребления в речевом жанре «репортаж» обладает коммуникативная *тактика критики*. Данный факт мы объясняем прежде всего тематической направленностью проанализированных репортажей. Полагаем, что при исследовании материалов иных тематических областей (например, материалов о политике) данная тактика заняла бы более значительные позиции.

Резюмируем изложенное.

В речевом жанре «репортаж» выявлена широкая палитра коммуникативных тактик – прямое обращение к читательской аудитории, апеллирование к эмоциям и чувствам читателей, иллюстрирование, аттрактивная тактика, интригующая тактика, кульминационная тактика, аргументативная тактика, тактика вуалирования, манипулятивная тактика и тактика амальгирования. Их широкое применение в репортажах обусловлено коммуникативной интенцией адресанта оказать воздействие на адресата, внести коррективы в его оценочные суждения, привлечь внимание к обсуждаемой теме и авторскому мнению, вызвать эмоциональный отклик на предоставленный материал.

Анализ применения названных выше коммуникативных тактик в немецкоязычных репортажах обнаруживает гендерную специфику. Она, вопреки ожиданиям, оказалось слабо выраженной. Тактика обращения к читательской аудитории заметно чаще используется женщинами-репортерами, равно как и тактика вуалирования и амальгирования. Факт более частотного использования женщинами тактики непосредственного обращения к читателям, видимо, можно объяснить их стремлением к максимально открытому общению с читателями, желанием быть ментально рядом с ними, быть на одной волне. Этой психологической установкой быть в кругу своих объясняется, на наш взгляд, и широкое применение женщинами-репортерами тактики амальгирования. Тактика вуалирования может свидетельствовать о стремлении женщин придерживаться публичных этических норм.

Мужчины-репортеры чаще применяют тактику апеллирования к эмоциям и чувствам читателей, нередко вызывая у них состояние беспокойности и тревоги. Факт широкого применения мужчинами-репортерами аргументативной тактики, по всей видимости, может быть истолкован бытующим в обществе стереотипом о сильной мужской логике.

Сделанные в статье выводы носят предварительный характер в силу ограниченного объема языкового материала. Они требуют верификации на значительном массиве текстов.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
2. Григорян А.А., Григорян А.Ю. Объективация женщины как один из видов сексизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 5–10.
3. Гуляева М.А. Специфика языковых и поведенческих особенностей общения российской молодежи // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 3 (07). С. 55–63.
4. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
6. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия. М.: Рипол Классик, 2002.
7. Красавский Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27. № 3. С. 68–80.
8. Красавский Н.А. Эмотивные обозначения женщины в современном немецком языке // Гендер: язык, культура, коммуникация. Докл. II Междунар. конф. М.: МГЛУ. 2002. С. 217–223.
9. Кузнецова В.В. Классификация жанров медийно-развлекательного дискурса // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (05). С. 47–52.
10. Лемякина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.

11. Лиховид А.А. Гендерная специфика восприятия городской и сельской среды в сознании Викторианской эпохи // Казанский лингвистический журнал. 2024. № 7 (1). С. 85–94.
12. Нефедова Л.А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: МПГУ, 2023.
13. Никитина А.В. Особенности коммуникативного поведения детей в современном российском обществе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 3 (07). С. 63–69.
14. Dunk O. Mein erster Job: Als Kinderreporter traf ich Stars wie Muhammad Ali // Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/mein-erster-job-als-kinderreporter-traf-ich-stars-wie-muhammad-ali-10083862.html> (дата обращения: 21.10.2024).
15. Gleich M. Dritter Frühling in der Wüste // Focus. URL: https://m.focus.de/panorama/reportage/dritter-fruehling-in-der-wueste-reportage_id_1956978.html (дата обращения: 21.10.2024).
16. Gritz J. Die deutsche Mode kommt aus der Provinz // Brigitte. URL: <https://www.brigitte.de/mode/trends/mode-reportage--die-deutsche-mode-kommt-aus-der-provinz-10142914.html> (дата обращения: 27.10.2024).
17. Sadaqi D. Das sterbende Fischerdorf Fass Boye // Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/afrika/reportage-fischerdorf-fass-boye-100.html> (дата обращения: 22.10.2024).
18. Scheytt S. Knochenjob // Focus. URL: https://www.focus.de/panorama/die-pistenretter-im-einsatz-focus-reportage_id_2259753.html (дата обращения: 28.10.2024).
19. Schwarze-Reiter K. Die Schularbeiter // Focus. URL: https://www.focus.de/familie/schule/schulserie/die-schularbeiter-reportage_id_1809981.html (дата обращения: 21.10.2024).
20. Siefer W. Leben mit der Zeitbombe // Focus. URL: https://www.focus.de/panorama/reportage/leben-mit-der-zeitbombe-focus-reportage_id_2247676.html (дата обращения: 25.10.2024).
21. Weber J. 96 Stunden Party – Das Parookaville Festival // ZDF. URL: <https://www.zdf.de/dokumentation/zdf-reportage/96-stunden-party-100.html> (дата обращения: 21.10.2024).
22. Wegner J. Tokio-Allergie // Focus. URL: https://www.focus.de/panorama/tokio-allergie-reportage_id_2035824.html (дата обращения: 29.10.2024).
23. Witte L. Trendkampsport Mixed Martial Arts: Mehr als nur Kämpfen // rbb24. URL: <https://www-rbb24-de.cdn.ampproject.org/v/s/www.rbb24.de/sport/beitrag/2022/12/berlin-kampfsport-mixed-martial-arts-reportage-spitfire-gym-trend-gewalt.htm/> (дата обращения: 29.10.2024).

* * *

1. Gal'perin I.R. Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981.
2. Grigoryan A.A., Grigoryan A.Yu. Ob`ektivaciya zhenshhiny` kak odin iz vidov seksizma // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2021. № 2. S. 5–10.
3. Gulyaeva M.A. Specifika yazy`kovy`h i povedencheskih osobennostej obshheniya rossijskoj molodezhi // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 3 (07). S. 55–63.
4. Zy`kova I.V. Sposoby` konstruirovaniya gendera v anglijskoj frazeologii. M.: Editorial URSS, 2003.
5. Issers O.S. Kommunikativny`e strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M.: LKI, 2008.
6. Klyuev E.V. Rechevaya kommunikaciya. Uspeshnost` rechevogo vzaimodejstviya. M.: Ripol Klassik, 2002.
7. Krasavskij N.A. Kommunikativny`e strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv`yu» pri obsuzhdenii nemeczkimi SMI voenny`h soby`tij na Ukraine // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. T. 27. № 3. S. 68–80.
8. Krasavskij N.A. E`motivny`e oboznacheniya zhenshhiny` v sovremennom nemeczkom yazy`ke // Gender: yazy`k, kul`tura, kommunikaciya. Dokl. II Mezhdunar. konf. M.: MGLU. 2002. S. 217–223.
9. Kuznecova V.V. Klassifikaciya zhanrov medijno-razvlekatel'nogo diskursa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 47–52.
10. Lemyaskina N.A., Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie mladshego shkol'nika. Voronezh, 2000.

11. Lihovid A.A. Gendernaya specifika vospriyatiya gorodskoj i sel'skoj sredy` v soznanii Viktorianskoj e`pohi // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2024. № 7 (1). S. 85–94.
12. Nefedova L.A. Genderno inklyuzivnaya frazeologiya sovremennogo nemeczkogo yazy`ka: simmetriya frazeologizmov v svete gendera. M.: MPGU, 2023.
13. Nikitina A.V. Osobennosti kommunikativnogo povedeniya detej v sovremenном rossijskom obshhestve // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 3 (07). S. 63–69.

Communicative tactics in speech genre «reporting»: gender-based aspect

The results of study of speech genre «reporting» at the material of German mass media in the gender-based aspect are presented. The communicative tactics used in the German language reportings are found out. The gender-based differences in the usage of communicative tactics in the speech genre «reporting» are discovered.

Key words: *gender, genre, reporting, communicative tactics, addressant, addressee, frequency of usage.*

(Статья поступила в редакцию 10.01.2025).

В.В. КУЗНЕЦОВА

Волгоград

ПОРТРЕТНОЕ ИНТЕРВЬЮ: К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА

Анализируются общие и дифференцирующие признаки телевизионного и интернет-форматов портретного интервью. Общими признаками двух форматов являются коммуникативная цель жанра, языковое воплощение, образ автора, фактор адресата, тип диктумного содержания.

К дифференцирующим признакам относятся образ адресата и образ будущего. Анализ дискурсивных категорий портретного интервью позволяет расширить репертуар общих черт и различий анализируемых форматов.

Ключевые слова: *медийно-развлекательный дискурс, портретное интервью, телевизионный формат интервью, интернет-формат интервью, жанрообразующие признаки.*

Целью настоящей статьи является анализ общих и дифференцирующих признаков портретного интервью, одного из жанров медийно-развлекательного дискурса, институционального типа коммуникации, семантически детерминированного концептом «Развлечение» и транслируемого по каналам масс-медиа: радио, прессе, телевидению и интернету [9].

Теоретическую базу исследования составили труды российских ученых: Н.Н. Болдырева [1], О.С. Иссерс [7], В.И. Карасика [8], М.Л. Макарова [10], Т.И. Поповой [14], Т.В. Шмелевой [16].

Актуальность исследования обусловлена эволюцией феномена *жанр*, о чем свидетельствуют: широкая представленность портретного интервью в интернет-формате, показывающая интерес журналистов к развитию собственных интернет-каналов; востребованность жанра клиентами медийно-развлекательного дискурса, что подтверждается количеством просмотров; потенциал области исследования – портретное интервью является объектом научного внимания различных областей филологии (жанроведения, прагмалингвистики, коммуникативистики и социолингвистики).

Объект исследования – портретное интервью.

Предмет исследования – общие и дифференцирующие признаки телевизионного и интернет-интервью.

Материалом исследования послужили записи 10 портретных интервью теле- и интернет-форматов.

Обратившись к анкете речевых жанров Т.В. Шмелевой [16], включающей такие компоненты, как *языковое воплощение, коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного событийного содержания* [Там же], мы отмечаем, что общими признаками изучаемых нами форматов являются: *коммуникативная цель, языковое воплощение, вопросно-ответная форма, тип диктумного содержания, образ прошлого*.

Целью жанра является создание коммуникативного портрета интервьюируемого. Коммуникативная цель жанра тесно связана с интенциональностью. Т.В. Шмелева выделяет 5 интенций, актуальных для медиасферы: 1) информирование, 2) разъяснение с опорой на анализ и оценки 3) убеждение (рациональное и эмоциональное), 4) развлечение, 5) привлечение и побуждение [16, с. 32]. Исходя из перечисленных интенций, мы можем констатировать полиинтенциональность портретного интервью, в котором присутствуют все перечисленные интенции. В вопросе журналиста есть запрос информации и побуждение к ответу. Интервьюируемый в своей ответной реплике предъявляет запрашиваемую информацию и стремится быть убедительным. Реализация жанров шутки, анекдота выделяет развлекательную интенцию. Приведем пример из интервью Елены Ханги с актрисой Марией Голубкиной:

Елена Ханга: *Мария, большое спасибо, что согласились прийти к нам, поговорить о жизни-бытии. Что Вас сейчас интересует в жизни?*

Мария Голубкина: *Меня вообще ничего не интересует* (смеется).

Елена Ханга: *Так, начинайте с того... Вы же рассказали, что Вас интересует...* (смеется, жестикулируя).

Мария Голубкина (смеется): *Давайте так, давайте не с «что меня интересует», – интересуют меня, конечно, мои студенты, естественно...*

Елена Ханга (перебивает с улыбкой): *Об этом поговорим...*

Мария Голубкина (продолжает): *Спектакль в театре, и это правда, не кокетство актерское. Я служу в Театре Советской Армии. Наконец, к 50-ти годам я поняла, что такое служение...*

Елена Ханга: *Ну, у Вас матушка, там всю жизнь была....*[3].

В данном отрывке интервью мы видим все перечисленные нами интенции: информирующую, побудительную, интенции разъяснения и убеждения. Развлекательная интенция проявляется в легкой рекреативной тональности, выражающейся в невербальном и паравербальном поведении, а также в шутке (в реплике Марии Голубкиной *Меня вообще ничего не интересует...*).

Рассматривая *языковое воплощение жанра*, мы выделяем вопросно-ответную форму, диалоговое единство, образованное репликой-стимулом и репликой-реакцией. В

коммуникативных ходах журналиста, реализованных в вопросительных по коммуникативной установке предложениях, может быть представлен запрос информации, запрос комментария или оценки, комментарий к реплике интервьюируемого.

Образ автора создается взаимодействием двух коммуникантов при неравном коммуникативном вкладе, интервьюер отвечает за выстраивание фреймовой структуры интервью, его подготовленность, интервьюируемый обеспечивает заполнение фреймов. Фреймовая структура различных типов интервью: с собеседником-личностью, профессионалом, участником событий представлена в диссертационном исследовании Т.И. Поповой [14, с. 76–100]. По мнению М. Минского, фрейм представляет собой многокомпонентный концепт, обладающий двухуровневой структурой, в которой можно выделить вершинные узлы, справедливые для любой ситуации, и терминальные узлы, называемые подфреймами или слотами, заполняемые данными из конкретной ситуации [цит. по: 1, с. 54].

В портретном интервью мы можем выделить следующие фреймы *«Детство»*, *«Личная жизнь»*, *«Ключевые события»*, *«Профессия»*, *«Отношения с коллегами»*, *«Ближний круг»*.

При заполнении того или иного фрейма, развитии той или иной темы журналист ориентируется на массового адресата. Так, согласно исследованию, проведенному компанией Platforma, можно констатировать растущий интерес россиян к гаданиям и мистике. В частности, общее число людей, увлечённых этой темой, увеличилось на 30% – с 7,3 млн. в 2023 г. до впечатляющих 9,5 млн. в 2024 г. [6]. Этот интерес массового адресата учитывается журналисткой Еленой Ханга, развивающей темы мистики и эзотерики в интервью с писательницей Татьяной Толстой [4].

Образ прошлого формирует информативную базу, на которую опирается интервьюер в процессе интервью, и является отсылкой к предшествующим текстам, предоставляющим информацию о коммуникантах, их высказываниях, событийном аспекте, особенностях коммуникативного поведения участников интервью.

Образ будущего представляет собой последующие высказывания, являющиеся реакцией на интервью. В интернет-формате портретного интервью фактор будущего является ощутимым, поскольку размещенный в интернете текст интервью становится объектом обсуждения блогеров, а также массового адресата. Интернет-интервью является порождающим жанром для жанра «комментарий».

Тип диктумного содержания – это событийная основа, позволяющая дифференцировать жанры по характеру освещаемых событий. Критерием выступает как количество, так и качество освещаемых событий. В отличие от монособытийного тематического интервью, фокусом которого является одна тема, в портретном обсуждается ряд событий и явлений, характеризующих интервьюируемого. Это свойственно и для телевизионного и интернет-форматов.

Образ адресата. Важно отметить, что телевизионный формат интервью и интернет-формат отличаются возрастом его зрителей. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ 2022 г., активными телезрителями являются 60-летние россияне (43%), неработающие пенсионеры (43%) и жители сел (25%). Возраст пользователей интернет-контента колеблется от 18 до 24 лет (66%) и от 25 (52%) [2]. Возраст интернет-аудитории является важным фактором для сценария интервью и его тематического наполнения. Добавим, что, создавая жанр «комментарий», интернет-пользователи выходят из недискретной категории *массовый адресат*, превращаясь в дискретных интернет-зрителей, никнеймы которых выполняют индивидуализирующую функцию.

Подчеркнем, что анализ телевизионного и интернет-форматов с позиции анкеты Т.В. Шмелевой позволяет обнаружить 2 дифференцирующих признака – *образ адресата* и *образ будущего*.

Анализ средства трансляции также выделяет общность теле- и интернет-интервью. В телевизионном и интернет-интервью коммуникация происходит на аудиальном и визуальном каналах, при этом передаваемая коммуникантами информация закодирована семиотически разнородными средствами. В ходе коммуникации непосредственные участники используют вербальный, невербальный, паравербальный и вестиментарный коды, что раскрывает поликодовый характер двух типов интервью. Отметим, что в каждом типе медиа будет превалировать тот или иной код, например в радиоинтервью информация поступает по аудиальному каналу, что обуславливает значимость паравербального кода, его просодических компонентов: *тембра, высоты голоса, пауз, покашливаний, смеха*.

Подход к жанру как к дискурсивному событию, которое может быть охарактеризовано такими категориями, как *участники коммуникации, хронотоп, коммуникативная тональность*, также позволяет изучить общие черты и различия двух форматов. Отметим, что в настоящем исследовании мы не анализируем все дискурсивные категории.

Между участниками портретного интервью, интервьюером и интервьюируемым устанавливаются асимметричные отношения. Факторами, обуславливающими эту коммуникативную асимметрию, являются неравный статус коммуникантов и строгая закреплённость коммуникативных ролей *интервьюер /интервьюируемый*; массовый адресат, выступающий в функции наблюдателя; неравноправие во владении коммуникативной инициативой.

Коммуникативная инициатива представляет собой дискурсивную категорию, понимаемую как власть, лидерство, влияние, регулятивность, компетенция, и позволяет судить о межличностном и социальном влиянии коммуникантов в процессе общения [10, с. 245]. О.С. Иссерс определяет коммуникативную инициативу как ведущую роль в коммуникативной деятельности на определенном этапе диалога [7]. В интервью инициатива принадлежит интервьюеру, что является нормой этого жанра. Попытка интервьюируемого перехватить инициативу рискует нарушить сценарий интервью. Продемонстрируем это на примере телеинтервью с известной актрисой Людмилой Максаковой в передаче *«Наедине со всеми»*.

Юлия Меньшова: *Если бы я вдруг задумала писать по поводу Вашей биографии роман или сценарий, я бы сказала, что это был бы шпионский жанр. Начнём с того, что самой главной тайной Вашей жизни стала тайна вашего... отца.*

Людмила Максакова (перебивает): *Да, вот Вы знаете, я сейчас Вам скажу одну вещь. Значит, я вот не помню фамилию, была какая-то замечательная женщина, тонкая, умная, и у неё была подруга, которая утром звонила ей, и они всегда перезванивались и были в очень добрых отношениях. И вот эта вот подруга говорит: «Слушай, а ты знаешь, у меня сегодня всю ночь в боку ныло, потом, ну, и яичницу я пережарила, и ещё, по-моему, по-моему (повтор), сын поспорил с невесткой. На что получила ответ: «Слушай, давай поговорим о высоком»... (и, уже обращаясь к Юлии Меньшовой): Душенька, давайте поговорим о высоком, сейчас у нас Год Литте-ра-ту-ры (декламируя по слогам).*

Юлия Меньшова: *Вы знаете, Людмила Васильевна, я и о человеческой, так сказать, линии жизни и факт того, что...*

Людмила Максакова (перебивает с улыбкой): *Да, но самое интересное то, что я родилась, я думаю, правильно?*

Юлия Меньшова: *Безусловно...*

Людмила Максакова: *Вот и все. Этот факт свершился. И потом появились в жизни люди...*

Юлия Меньшова: *Так...*

Людмила Максакова (продолжает): *которые старались сделать из меня человека.*

Юлия Меньшова (издает подтверждающее междометие) *Хм.*

Людмила Максакова: *Я думаю, это самое интересное, кто же делал из меня человека. Понимаете. Вот...*

Юлия Меньшова (перебивает): *И, это интересно, но нельзя пройти мимо...*

Людмила Максакова (перебивает) *Я думаю, мы с этого и начнём, как меня послали в Центральную музыкальную школу. Это же очень интересно. Поэтому мы личное оставим за кадром, а в кадр мы возьмём начало, как я начала учиться в Центральной музыкальной школе (смех зрителей в зале), и почему мне дали в руки виолончель, и кто был первым моим учителем...*

Юлия Меньшова: *А я вам нужна, Людмила Васильевна, вообще?*

Людмила Максакова (с улыбкой): *Ну, (смех в студии) по Вашему усмотрению. Я вообще с аудиторией могу без ведущего говорить, мне всё равно [11].*

Приведенный нами отрывок интервью свидетельствует о перехвате коммуникативной инициативы интервьюируемой, это выражается в отказе актрисы отвечать на вопрос, направленный на заполнение фрейма «Семья», демонстративном введении темы «Начало творческого пути», жанре «бытовой рассказ», который выступает в роли нравоучения, использовании вопросительных ходов, свойственных журналисту.

Большая асимметрия коммуникативных отношений свойственна телевизионному интервью, поскольку в интернет-формате мы наблюдаем снижение коммуникативной дистанции между интервьюером и интервьюируемым. Этот фактор способствует неформальности отношений коммуникантов, обращению на «ты», расширению речевых жанров интервьюера, например, в интервью с актрисой и певицей и автором бренда одежды Настасьей Самбурской, Ксения Собчак использует жанры *комментарий* (1) и *совет* (2):

1. Ксения Собчак: *Ну, ты, конечно, женщина сильная и требовательная. Скажу честно, мы снимаем много, у нас много разных героев и героинь, но команда была вся в супер-тонусе, почему-то вот есть такое ощущение, что Настя Самбурская – супертребовательный ко всему человек. Тебе нравится такая репутация?*

2. Ксения Собчак (обращаясь к Настасье Самбурской и ее коллеге, реагируя на реплику, в которой упоминается имя певицы Надежды Кадышевой): *Вот, кстати, Кадышеву надо, вот маркетинговый ход, девчонки, дарю, надо переодеть Кадышеву. Значит, послать шубу, платье, переодеть. Вот... Представляешь, пиар какой... [13].*

Снижение коммуникативной дистанции ведет к использованию коммуникантами разговорного стиля речи, просторечия и иногда бранной, обценной лексики, маскируемой звуковым сигналом. Маскировка бранной лексики является обязательным условием, продиктованным Федеральным законом от 05.04.2013 №34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», вводящим ряд запретов, направленных на недопущение злоупотребления свободой массовой информации, в т.ч. нецензурной брани [15].

Переход интервью в интернет-пространство влечет за собой изменение хромотопических характеристик.

Изменение хроноса. Длительность телеинтервью, например, в передаче «Судьба человека» с Борисом Корчевниковым составляет в среднем 53 минуты, в то время как интернет-интервью «Осторожно: Собчак» длится около 2 часов. Это отличие вызвано большей стоимостью телевизионного времени [5]. С позиции этой характеристики портретное интервью на телевидении является дискурсивным событием, оно включено в сетку телепередач, транслируется в определенное время, в то время как интернет-интервью является медиатекстом, воспроизводимым в любое время.

Изменение топоса. Статике телеинтервью противостоит динамика интернет-формата. Если традиционным местом телеинтервью является телестудия, то интернет-интервью может проходить в пространстве интервьюируемого, студии, а также в кафе, на улице, на природе. Это обстоятельство является важным, поскольку придает динамический, естественный характер общению и сближает интервью с документальным фильмом. Наше наблюдение показывает, что изменение пространства интервью сопровождается изменением темы. Так, например, в интервью с Елизаветой Базыкиной обсуж-

дение темы «Профессиональная жизнь» происходило в примерной, а во время раскрытия темы «Отношения с одноклассниками» коммуниканты прогуливались по улицам Москвы [12].

Следующий анализируемый нами феномен – это *коммуникативная тональность*, модусная категория, влияющая на формирование смысла высказывания и интерпретируемая в оценках: «серьезно»; «несерьезно»; «игриво»; «шутливо»; «иронично», «саркастически», «радостно» и т.д. [9].

В обоих форматах мы отмечаем рекреативную тональность, однако в интернет-интервью представлено больше средств выражения модальности высказывания благодаря уже отмеченным нами факторам: разговорному функциональному стилю, снижению коммуникативной дистанции, а также осознанию журналистом развлекательной интенции, направленной на увеличение числа просмотров и подписчиков.

Сопоставление двух форматов жанра портретного интервью позволило выделить общие, совпадающие признаки: *коммуникативная цель, вопросно-ответная форма, образ прошлого, тип диктумного содержания*, а также дифференцирующие признаки: *образ будущего, массовый адресат*.

Анализ телевизионного и интернет-интервью с позиции дискурсивных характеристик выделяет *хронотопические отличия*, уменьшение *коммуникативной дистанции* в интернет-формате и свойственные двум форматам *асимметрию коммуникативных отношений и рекреативную тональность*. Важным показателем жанра портретного интервью является *неравноправие во владении коммуникативной инициативой* его участниками.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
2. ВЦИОМ: чаще всего россияне в равной степени пользуются телевидением и интернетом // URL: <https://tass.ru/obschestvo/15972085> (дата обращения: 11.03.2025).
3. Елена Ханга Про. Интервью с Марией Голубкиной // URL: https://smotrim.ru/video/2835668?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp [дата обращения: 02.04.2025].
4. Елена Ханга Про. Интервью с Татьяной Толстой // https://smotrim.ru/video/2828356?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 11.04.2025).
5. Захаров В.А., Захаров В.В. Особенности видеоматериалов на ТВ и в интернете: общее и особенное. Интервью // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-4 (19). С. 6–11.
6. Интерес россиян к эзотерическим практикам и мистике увеличился на 30% // URL: <https://argumenti.ru/society/2025/03/943775> (дата обращения: 02.04.2025).
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
8. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. 2000. С. 25–33.
9. Кузнецова В.В. Классификация жанров медийно-развлекательного дискурса // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (5). С. 47–52.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
11. Наедине со всеми. Интервью с Людмилой Максаковой // URL: https://vk.com/video458251927_456240002?tfs=7fa8ac44b7d7b42521_3. (дата обращения: 20.04.2025).
12. Осторожно: Собчак. Интервью с Елизаветой Базыкиной // URL: https://vk.com/video-212451998_456241179 (дата обращения: 11.04.2025).
13. Осторожно: Собчак. Интервью с Настасьей Самбурской // URL: https://vkvideo.ru/video-15780004_456243300 (дата обращения: 11.04.2025).
14. Попова Т.И. Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

15. Рекомендации по применению Федерального закона от 05.04.2013 №34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (дата обращения: 20.03.2025).

16. Шмелева Т.В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. 2012. № 8. С. 26–37.

* * *

1. Boldy`rev N.N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lekcij. Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014.

2. VCIOM: chashhe vsego rossiyane v ravnoj stepeni pol'zuyutsya televideniem i internetom // URL: <https://tass.ru/obschestvo/15972085> (дата обращения: 11.03.2025).

3. Elena Hanga Pro. Interv`yu s Mariej Golubkinoy // URL: https://smotrim.ru/video/2835668?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp [дата обращения: 02.04.2025].

4. Elena Hanga Pro. Interv`yu s Tat`yanoy Tolstoj // https://smotrim.ru/video/2828356?utm_source=internal&utm_medium=serp&utm_campaign=serp (дата обращения: 11.04.2025).

5. Zaharov V.A., Zaharov V.V. Osobennosti videomaterialov na TV i v internete: obshhee i osobennoe. Interv`yu // Aktual`ny'e nauchny'e issledovaniya v sovremennom mire. 2016. № 11-4 (19). С. 6–11.

6. Interes rossiyan k e`zotericheskim praktikam i mistike uvelichilsya na 30% // URL: <https://argumenti.ru/society/2025/03/943775> (дата обращения: 02.04.2025).

7. Issers O.S. Kommunikativny`e strategii i taktiki russkoj rechi. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.

8. Karasik V.I. Struktura institucional'nogo diskursa // Problemy` rechevoj kommunikacii: Mezhdvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Saratovskij nacional`nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Cherny'shevskogo. 2000. С. 25–33.

9. Kuznecova V.V. Klassifikaciya zhanrov medijno-razvlekatel'nogo diskursa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (5). С. 47–52.

10. Makarov M.L. Osnovy` teorii diskursa. M.: ITDGG «Gnozis», 2003.

11. Naedine so vsemi. Interv`yu s Lyudmiloy Maksakovoj // URL: https://vk.com/video458251927_456240002?t2fs=7fa8ac44b7d7b42521_3 (дата обращения: 20.04.2025).

12. Ostorozhno: Sobchak. Interv`yu s Elizavetoj Bazy`kinoy // URL: https://vk.com/video-212451998_456241179 (дата обращения: 11.04.2025).

13. Ostorozhno: Sobchak. Interv`yu s Nastas`ej Samburskoj // URL: https://vkvideo.ru/video-15780004_456243300 (дата обращения: 11.04.2025).

14. Popova T.I. Telezionnoe interv`yu: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty`: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2004.

15. Rekomendacii po primeneniyu Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 №34-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`yu 4 Zakona Rossijskoj Federacii “O sredstvah massovoj informacii” i stat`yu 13.21 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`h pravonarusheniyah» // URL: <https://16.rkn.gov.ru/directions/mass-communications/control-nadzor-smi/spravka/p15638/> (дата обращения: 20.03.2025).

16. Shmeleva T.V. Zhanr v sovremennoj mediasfere // Zhanry` rechi. 2012. № 8. С. 26–37.

Portrait interview: considering the issue of genre evolution

The general and differentiative features of television and Internet formats of portrait interview are analyzed. The communicative purpose of genre, linguistic embodiment, author's image, addressee factor and type of dictum content are considered as the common features of two formats. The differentiative features include the image of addressee image and the image of future.

The analysis of discursive categories of portrait interview allows to broaden the repertoire of common features and differences of analyzed formats.

Key words: *media and entertainment discourse, portrait interview, television format of interview, Internet format of interview, genre-forming features.*

(Статья поступила в редакцию 25.05.2025).

СЕТЕВОЙ ЖАНР «КОММЕНТАРИЙ» В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ WECHAT

Рассматривается жанр интернет-комментария в китайской социальной сети WeChat, анализируются его особенности, сходство и различие с комментариями в других социальных сетях. Описан интерфейс и структура интернет-комментария, установлены способы выражения никнеймов, сделаны выводы о роли данного жанра в онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: *социальная сеть WeChat, интернет-комментарий, никнейм, блог, интернет-дискурс, коммуникация.*

Интернет-комментарий понимается как текст, в котором пользователь публично высказывает свое мнение, суждения, оценки посредством самопрезентации. К речевым действиям в рамках интернет-комментария относят комментирование статей, репост информации, использование невербальных средств при комментировании информации (напр., эмодзи, лайки) [4]. *Интернет-комментарий* – особый жанр персонального интернет-дискурса, который может выступать в двух видах: фатической и презентационной коммуникации. Цель фатического интернет-комментария – удовлетворение потребности в коммуникации и реализация данной потребности в свободной форме. Цель второго – самовыражение языковой личности в свободной форме [3].

Комментарии в сети WeChat неразрывно связаны с блогом. Блог – это «асинхронный жанр интернет-коммуникации, который предполагает публикации (посты), расположенные в обратном хронологическом порядке и позволяющие читателям оставлять свои комментарии к публикациям автора данного блога» [4, с. 125].

Слово 博客 *bókè* заимствовано в китайский язык из английского путем транслитерации. Это слово имеет два значения – ‘блог’ и ‘блогер’. Оно образовано от слов 微博 *wēibó* ‘микроблог’ + 客人 *kèrén* ‘постоялец’ [5]. Слово *блогер* создано по модели «А+К», где К означает человека, занимающегося какой-либо деятельностью. Данная словообразовательная модель весьма продуктивна.

Подробно рассматривая блогосферу, В.Л. Волохонский выделил следующие ее функции:

- 1) коммуникативная (общение и расширение коммуникативного диапазона);
- 2) самопрезентативная (предоставление информации о личности автора);
- 3) функция развлечения (развлекательное чтение);
- 4) функция сплочения и удержания социальных связей (поддержание прервавшихся в жизни социальных связей);
- 5) мемуарная (опосредованное общение с самим собой посредством фиксации тех или иных событий жизни и мыслей);
- 6) рефлексивная (совершенствование идиостиля в процессе создания образа собственного «Я», проявляющееся в стремлении более грамотно структурировать свои мысли письменно, что способствует более глубокому осознанию проживаемых событий);
- 7) психотерапевтическая (достижение психологического комфорта за счет получения поддержки от читателей) [1; цит. по: 4].

Функции, перечисленные выше, помогают раскрыть личность автора (блогера) с помощью различных лингвистических и паралингвистических средств.

Анализ личного блога пользователя сети WeChat дает возможность рассматривать данный формат в социальной сети как самостоятельный жанр персонального интернет-дискурса. Личный блог также выступает как способ выражения языковой личности относительно различных ситуаций в стране и за рубежом, трудностей поколений, внутренних переживаний и т.д. Автор персонального блога становится публично-частной языковой личностью, свободно выражая свое мнение широкой аудитории.

Пользователи китайской социальной сети WeChat используют различные способы создания и ведения своего блога, например, личный профиль. Это часть страницы, где указана информация об авторе страницы и его блоге. Структура страниц профиля в сети WeChat унифицирована, т.е. везде виден шаблон. В профиле пользователя присутствует аватар (фото автора блога или изображение, отражающее специфику блога). Справа от аватара располагается никнейм – псевдоним пользователя. Под никнеймом содержится указание сферы блога или его тематика: «摄影博主» (фотоблогер), «舞蹈博主» (танцевальный блогер), «艺术博主» (арт-блогер), «摄影师» (фотограф), «生活博主» (лайф-блогер), «美食博主» (кулинарный блогер). Ниже может быть указана краткая информация о себе, местоположение и количество оригинального контента. Лента блоговых записей является обязательной частью любого блога. Пост имеет время публикации, описание, количество лайков, репостов и комментариев, оставленные пользователями сети WeChat. Формат личного блога можно отнести к массовой коммуникации, учитывая число участников и их открытость, поскольку создатель блога является его автором, а комментаторы на его странице – пользователи WeChat.

Анализ интернет-комментариев показывает, что в сети WeChat есть *наблюдатель* (пассивный участник коммуникации), который может оставлять комментарии и быть адресантом, а может оставаться в нейтральном положении, никак не отмечая свое присутствие на странице пользователи сети. Данное свойство присуще и комментариям в других социальных сетях. Создание виртуальной личности весьма популярно среди авторов комментариев, т.к. сохраняется анонимность и нет прямой реакции слушателя. Реальная личность в виртуальном дискурсе сложно поддается определению, по причине того, что смещается стиль и характер общения. При создании учетной записи в китайской сети WeChat пользователи предоставляют персональную информацию, подлинность которой трудно подтвердить из-за предоставления недостоверных данных. Общение в комментариях получает так называемый «рамочный» параметр, который вербализуется через никнейм (имя пользователя), и/или аватар (фотография или изображение профиля, идентифицирующее пользователя).

Форма идентификации очень важна при самовыражении языковой личности, поэтому существует огромное разнообразие в выборе определенного ника. Наш анализ показал, что в китайской социальной сети наиболее часто используются:

1. Имена собственные (реальные и вымышленные): 姚小涛 (*Яосяо Тао*); 蔡家民 (*Цай Цзяминь*); 程远兵 (*Чэн Юаньпин*).

2. Имена героев, известных людей или персонажей, а также названия важных событий: 东方璧 (*виртуальный персонаж кукольного театра «Молния»*); 中国梦 (*«Китайская мечта» – социально-политический курс, выдвинутый председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г.*).

3. Зоонимы: Tiger; 不吃狗粮滴猫 (*кошка, которая не ест собачий корм*).

4. Имена-характеристики: 明智口腔~陈 (*мудрый стоматолог Чхэн*); 时尚女人 (*модная женщина*).

5. Структурные выражения, которые сочетают в себе набор букв, цифр, символов: ABC; 杨阳Y@WZGL; Pgdbxb.

6. Игра слов, где используется созвучный иероглиф: 网事如风 = 往事如风 (*прошрое улетуило, как ветер*).

7. Цитаты: 因为信任所以 (*из-за доверия*); 归去来兮 (*Да, возвращаюсь я!*); 我爱我家 (*я люблю свою семью*); 沧海一声笑 (*смех моря*); 开心每一天 (*счастлив каждый день*); 诚信 (*отвага и честность*); 我在小河边等.... (*Я жду у реки...*); 以诚待人 (*относитесь к людям искренне*); 北国风 (*северный стиль*);

8. Омонимы: 喻俞瑜 (*yù yú yú*).

Разнообразие никнеймов пользователей китайской социальной сети WeChat подчеркивает индивидуальность каждого пользователя, а также стремление выделиться среди остальных. Никнеймы в сети отражают личные интересы и увлечения, философию и девизы жизни. Некоторые пользователи прибегают к сложным алгебраическим комбинациям, которые делают их никнеймы практически неразгаданными для окружающих. Другие, напротив, выбирают простые, лаконичные конструкции, но со значительной смысловой нагрузкой. Повсеместное использование различных символов также дает возможность азартно играть с доступной лексикой, создавая загадочные или ироничные образы. Таким образом, никнейм становится не только средством самовыражения, но и своеобразным манифестом, который завершает образ пользователя в цифровом пространстве, подчеркивая его уникальность и креативность.

Интерфейс жанра интернет-комментария выглядит следующим образом: под записью или видео пользователя имеется поле для набора текста самого комментария и добавления эмодикона. Гипертекстуальность проявляется в том, что при оставлении комментариев образуется так называемый список, относящийся к определенной теме обсуждения. Каждый комментарий имеет некую информацию об авторе: его никнейм, имя, время и дату публикации [4].

В китайской социальной сети WeChat существуют так называемые «треды» (ветки обсуждений под каким-либо комментарием на заданную тему). Так, в видео блогера 周老师教育思考 (*Мысли учителя Чжоу об образовании*) обсуждаемая тема – 普通家庭的孩子一定要会舍分保专业 (*Дети из обычных семей должны отбросить идею о перестраховке в выборе специальности*). Под данным видео собралось 605 комментариев, где одни пользователи сети выражали свое мнение, а другие его комментировали, соглашаясь или опровергая данную точку зрения.

Интерактивность жанра интернет-комментария предоставляет возможность включения в обсуждение любого пользователя сети. Так, на странице 央视新闻 (Новости Центрального телевидения Китая) под видео о регистрации на Национальный экзамен на государственную службу 2025 года участвовало 62 пользователя, которые оставляли свои комментарии, интервал между комментариями (за сутки) составляет от нескольких минут до нескольких часов. Интерактивный характер общения способствует формированию более глубокого понимания обсуждаемых вопросов, т.к. участники активно слушают, анализируют и реагируют на высказывания и комментарии других пользователей сети. В процессе такого взаимодействия происходит не только обмен информацией, но и столкновение различных точек зрения, что стимулирует критическое мышление и способствует развитию аргументационной базы. В конечном итоге интерактивный характер общения и заинтересованность в дискуссии способствуют более эффективно-му обмену информацией и формированию взаимопонимания между коммуникантами.

Анализируемый жанр относится к асинхронным, т.к. комментирование записи или заметок может происходить в любой момент, каждый пользователь имеет доступ к их прочтению и комментированию, несмотря на дату и время размещения данной записи. Таким образом, пользователи сети WeChat имеют возможность вести беседы и обсуждения, которые плавно перетекают от одной темы к другой, тем самым отражая многослойность современных социальных реалий. В конечном итоге, жанр интернет-комментария служит «витриной» коллективного разума, в которой каждое мнение может вли-

ять на общественное восприятие, способствуя формированию новых идей, смыслов и точек зрения в контексте глобального информационного поля.

Структура жанра интернет-комментария в китайской социальной сети WeChat включает в себя поле для ввода комментария, никнейм пользователя, а также дату или время публикации. Комментарии публикуются не в хронологическом порядке, т.к. время публикации у всех комментариев разное. В комментариях часто встречаются эмодзи, при этом в китайском приложении WeChat разработан уникальный набор смайликов, отличный от стандартных предложений других платформ.

Мы рассматриваем коммуникативное действие жанра интернет-комментария как фактор, позволяющий установить связь между индивидуальными выражениями и более широкими социокультурными контекстами. Мы предлагаем анализировать темы комментариев с точки зрения проявления определенных характеристик коммуникативного действия авторов текста. Комментарии пользователей китайской сети являются продолжением дискуссионных тем блогов, т.к. в них отстаивается та или иная позиция. Комментарии такого рода часто сопровождаются аффективными (способность делиться своими чувствами и интересами), иллокутивными (выражение коммуникативного намерения) и личностно-маркированными коммуникативными действиями:

1) 开开心心每: 说的很对,就是考试,他们一个个都考不上 (*Все верно, это всего лишь экзамен, и никто из них не может его сдать*);

2) 明月寄千思: 不是考不上而是不想考的大把人,看穿看透社会 发展了,只要勤快有智慧不考公考编一样可以活 得好 (*Дело не в том, что вы не можете сдать экзамен, просто есть много людей, которые не хотят сдавать экзамен. Они видят развитие общества насквозь. Пока они прилежны и мудры, они могут хорошо жить и без сдачи государственного экзамена*);

3) 张.: 按你的逻辑是大学生考不上编,是因为不知道这 报考的五大网站??? (*Согласно вашей логике, студенты колледжей не могут подготовиться к экзамену, потому что они не знают пять лучших веб-сайтов для подачи заявок на экзамен???*).

В первом примере автор комментария соглашается с мнением блогера 律海拾珠, высказанном в видео «为什么大学生考不上事业单位» (*Почему студенты колледжей не могут быть приняты в учебные заведения?*); во втором мы можем увидеть собственную точку зрения комментатора, а в третьем примере явно прослеживается агрессия, графически выделенная тремя вопросительными знаками. В процессе общения возникла эмоциональная реакция, проявлены элементы агрессивного поведения и раздражения.

Иногда интернет-комментарии в китайской социальной сети WeChat становятся так называемой коммуникационной площадкой, где пользователи демонстрируют свою личную точку зрения к различным проблемам окружающей действительности, не принимая во внимание тот факт, что тема дискуссии была совершенно другой. Например, на странице 新华社 (Информационное агентство Синьхуа), где представлены последние новости Китая и всего мира, под одним из видео сказано: «21日早上, 辽宁省大连、营口、盘锦、锦州、葫芦岛等5个城市沿海地区突发海水倒灌, 部分街道被淹、房屋进水。记者当日在受影响较为严重的盘锦市部分地区看到, 积水已基本退去, 交通恢复通畅» (*Утром 21-го прибрежные районы Даляня, Инкоу, Паньцзиня, Цзиньчжоу, Хулу-дао и других пяти городов провинции Ляонин были внезапно затоплены морской водой, некоторые улицы и дома тоже оказались затопленными. Репортер увидел, что в некоторых районах города Паньцзинь, которые пострадали более серьезно, стоячая вода практически сошла, и движение транспорта возобновилось беспрепятственно*). К этому видео имеется несколько комментариев:

1) 鹏翮: «冰山融化、海面升高!» (*Айсберги тают, и поверхность моря поднимается*);

2) 善缘祥云: «地脉运动地磁力导致海水倒灌有地震征兆,注意» (*Движение земных жил и магнитная сила земли приводят к переполнению моря. Есть признаки землетрясений. Будьте внимательны*). В комментариях китайских читателей прослеживается переключение внимания на глобальную проблему – таяние ледников и движение тектонических плит.

Коммуникативные действия пользователей сети WeChat отражают их индивидуальные особенности, а также служат отражением их социального статуса, культурной принадлежности. Виртуальная языковая личность при взаимодействии с другими использует различные стратегические приемы, присущие интернет-коммуникации (сложносокращенные слова, эмодиконы, сленг, различные формы обращения и приветствия). Интернет-комментарии могут варьироваться от формально-делового дискурса до неформального общения, включая использование жаргона и сленга. В данном случае важным аспектом для анализа является то, как данные текстовые формы влияют на процесс интерпретации и восприятия информации в китайском онлайн-пространстве.

В текстах интернет-комментариев выражение собственной точки зрения проявляется через оценивание контента (фотографий, видео, стиля ведения страницы), критику различных сторон жизни, участие в обсуждениях и т.д. Это создает платформу для обмена взглядами, где непринужденная коммуникация способна раскрыть новые грани реальности. Следовательно, сочетание доступности общения и выражения критики позволяет транслировать личные чувства и способствовать формированию коллективного сознания.

Таким образом, жанр персонального интернет-дискурса «комментарий» в китайской социальной сети WeChat представляет собой многослойный и многогранный феномен, который функционирует как платформа для социокультурного обмена, где различные взгляды, чувства и убеждения взаимодействуют и формируют богатую структуру онлайн-коммуникации. Основная задача интернет-комментария в данном приложении заключается в демонстрации собственной точки зрения и защите своей позиции по отношению к различным ситуациям и проблемам, обсуждаемым на странице блога или личной странице пользователя сети WeChat.

Список литературы

1. Волохонский В.Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов // Личность и межличностное взаимодействие в Сети Интернет. Блоги. Новая реальность / Науч. ред. В.Л. Волохонский, Ю.Е. Зайцева, М.М. Соколов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 117–131.
2. Горощко Е.И. Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 52–63.
3. Митягина В.А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.Г. Пастухова. Орел: Изд-во ФГБОУ, 2012. № 7. С. 188–197.
4. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
5. Top 100 Daily Chinese Verbs, 2020 // URL: <https://mp.weixin.qq.com/%2Fs%2F4wja7ZDaNe-j9RvsXXq78ZQ%3Fscene%3D156%26subScene%3D10001> (дата обращения: 04.03.2025).

* * *

1. Volohonskij V.L. Psihologicheskie mehanizmy` i osnovaniya klassifikacii blogov // Lichnost` i mezhlichnostnoe vzaimodejstvie v Seti Internet. Blogi. Novaya real`nost` / Nauch. red. V.L. Voloxonskij, Yu.E. Zajceva, M.M. Sokolov. SPb.: SpbGU, 2006. S. 117–131.

2. Goroshko E.I. Gender i bloggika Interneta (psiholingvisticheskij analiz) // Voprosy` psiholingvistiki. 2007. № 5. S. 52–63.

3. Mityagina V.A. Internet-kommentarij kak kommunikativnoe dejstvie // Zhanry` i tipy` teksta v nauchnom i medijnom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. A.G. Pastuhova. Orel: Izd-vo FG-BOU, 2012. № 7. S. 188–197.

4. Sidorova I.G. Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sajt, blog, social'naya set', kommentarij): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014.

The network genre «commentary» in the Chinese social network WeChat

The genre of Internet commentary in the Chinese social network WeChat is considered. There are analyzed its peculiarities, similarities and differences in the commentaries of the other social networks. The interface and structure of Internet commentary are described, the means of expressing the nicknames are determined. It is concluded about the role of this genre in online communication.

Key words: *social network WeChat, Internet commentary, nickname, blog, Internet discourse, communication.*

(Статья поступила в редакцию 10.04.2025).

ЖЭНЬ СЯОЦЗИН
Екатеринбург

ОБРАЗЫ ЧАЯ В ОЛЬФАКТОРНЫХ МЕТАФОРАХ В КИТАЙСКОЙ ПАРФЮМЕРНОЙ РЕКЛАМЕ

Рассматриваются особенности использования в китайской парфюмерной рекламе метафорических описаний с участием образа и названия чая. Делается вывод, что в рекламных текстах аромат чая метафорически интерпретируется в трех основных смысловых направлениях и актуализирует ассоциации с природной аутентичностью, восточной философией и отношением к жизни. Полученная информация вносит вклад в развитие межкультурной коммуникации и может быть полезна в практической переводческой деятельности в сфере рекламы.

Ключевые слова: *китайская парфюмерная реклама, аромат чая, метафорические описания, ольфакторная метафора, стереотип.*

Современная лингвистика в значительной мере обращена к изучению человеческого фактора в языке. В русле этой проблематики развивается одно из перспективных научных направлений – лингвокультурология, изучающая язык как феномен культуры, который передает определенное видение мира и выражает особую национальную ментальность [3, с. 8].

Ольфакторная сфера (от лат. *olfactorius* – обонятельный) относится к особому чувственному восприятию мира. Несмотря на общие для людей физиологические процессы реагирования на мир, ольфакторный опыт и связанные с ним эмоциональные и эстетические переживания в разных культурах и разных языках приобретают свои особенности. Запахи оказываются не только биологическим, но и культурным явлением, поэтому репрезентация в языке и речевой деятельности специфических черт ольфакторного восприятия представляет значительный интерес для лингвокультурологических исследований.

Ольфакторная метафора стала предметом внимания российских языковедов относительно недавно, в частности, ее рассмотрению посвящены работы Е.А. Барановой [1], Р.Ф. Брылевой [2], Ю.Н. Молодкиной [4], Л.Е. Остаповой [5], Н.Ф. Трофимовой [6], И.И. Чумак-Жань и Г.В. Стручалиной [7]. Современные китайские ученые также исследовали ольфакторное восприятие и ольфакторные метафоры: Цинь Сюгуй [13], Тянь Юань, Ван Юбо [12], Лу Яньци [11], Гоу Жуйлун [9]. Однако лингвокультурологические исследования культурно-специфических стереотипов, реализуемых при ольфакторном восприятии, еще не исчерпали своей проблематики. Наша статья представляет собой попытку продолжить ее разработку.

Цель статьи – раскрыть особенности интерпретации образа чая в метафорах, метафорических и образных описаниях в китайской парфюмерной рекламе.

Материалом для исследования послужили 50 текстов статичной рекламы, извлеченные методом направленной выборки из материалов специализированного китайского интернет-сайта Taobao.com. Текстовый материал анализировался с помощью компонентного анализа и контекстуального анализа с дальнейшим лингвокультурологическим комментарием.

Китайская чайная культура богата обонятельными образами, и современная парфюмерная индустрия использует аромат чая как символ восточной эстетики. Чай с китайской спецификой – это не только символ запаха, но и средство восточной эстетики, которая передается через тройное кодирование: 1) представление предметных реалий, связанных с чаем и чаепитием (чайный сад, чайная посуда и проч.), 2) представление запаха (слой аромата чая), 3) представление мировоззренческих идей («Дзен-чай», духовная практика). Целостное ольфакторное образное переживание выстраивается с учетом культурного традиционного наследия и современной эстетики. Таким образом, аромат чая в парфюмерных рекламных текстах – это не только воплощение запаха в рекламе духов, но и визуальная и эмоциональная передача культурных символов. Поэтому в нашем материале мы отмечаем репрезентацию как собственно метафорических переносов, так и развернутых образно-метафорических описаний, которые направлены на актуализацию нужных культурных представлений потребительской аудитории и осуществляются с помощью вербальных и невербальных средств.

Анализ текстового материала показал, что в рекламных текстах парфюмерии аромат чая метафорически интерпретируется в трех основных смысловых направлениях и актуализирует ассоциации с природной аутентичностью, восточной философией и отношением к жизни. Не всегда возможно разделить их в конкретных рекламных произведениях, т.к. множественные ассоциативные переносы могут образовывать синкретичный сплав. Поэтому далее в частных примерах мы фокусируем внимание на специально выделенных направлениях смысловой интерпретации.

ПРИРОДНАЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ – СВЕЖЕСТЬ ЧАЯ. Чай как культурный символ передает ассоциации с природной жизненной силой, свежестью и естественностью. Этот вид переноса нередко представлен зеленым чаем Лунцзин.

1) 清新高扬的嫩豆香混合着湿漉漉的水汽，一杯鲜龙井，藏尽江南春。Освежающий и бодрящий аромат нежных зерен, смешанный с влажным водяным паром, —

чашка свежего чая Лунцзин содержит в себе всю весну юга реки Янцзы (здесь и далее перевод наш – Ж. С.).

2)夏日午后, 淅沥雨水轻拍后的茉莉花瓣雨上饱满芽嫩的明前龙井, 茶与花的不经意偶遇让每一口呼吸都觉洁白空净。 Летним днем лепестки жасмина после моросящего дождя падают на пухлые и нежные бутоны чая Минцянь Лунцзин <...> Случайное сочетание чая и цветов делает каждое дыхание белым и чистым.

3) 茶香淡雅, 似清晨第一缕阳光。如拂面微风, 恬静自然。 Аромат чая элегантен, как первый луч солнца поутру. Как легкий бриз, мирный и естественный.

4) 山谷水边升腾得轻柔烟气, 唤作碧烟。恰如绿茶初茗的宁静和清新, 宛若自然清幽的美景。 Мягкий дым, поднимающийся над водной поверхностью долины, называется зеленым дымом. Это как спокойствие и свежесть первой чашки зеленого чая, как прекрасный пейзаж природы.

При данном направлении смысловой интерпретации визуальный ряд рекламных текстов может содержать такие изобразительные элементы, как крупный план нежных зеленых чайных листьев, чайный сад в утреннем тумане, чайный пар в неподвижном прозрачном стакане.

Культурные коннотации чая связывают с ним представления о чистоте и жизненной силе, и это всецело отвечает ценностным установкам современных потребителей – моде на природные продукты и стремлению к «натуральному» образу жизни.

Чтобы подчеркнуть эксклюзивность и сезонность парфюмерного аромата, в рекламе часто используются такие понятия, как чай перед Праздником Цинмин и чай перед весенними дождями.

ДЗЕН – ЧАЙНЫЙ АРОМАТ. Аромат чая ассоциируется с состоянием медитации и внутреннего созерцания.

1) 淡淡的茶香, 苦与回甘融合, 丝丝酸甜, 恰君子如玉, 人淡如竹. Легкий чайный аромат сочетает в себе горечь и сладость с нотками кислинки и сладости, подобно тому, как джентльмен подобен нефриту, а человек спокоен, как бамбук.

2) 江南的小溪, 山陵, 空气, 清新, 静谧都藏在龙井问茶浴后的记忆。闭上眼, 嗅觉就像一丝无形线拨动心底的记忆, 茶和禅都是一个味道, 回归单纯的状态。 Ручьи, холмы, воздух, свежесть и спокойствие Цзяннаня — все это таится в воспоминаниях о чае Лунцзин после дождя. Закройте глаза, и обоняние, словно невидимая нить, пробуждает воспоминания в вашем сердце. Чай и дзен имеют одинаковый вкус, возвращаясь к простому состоянию.

Актуализация представлений о состоянии медитации в связи с чайным ароматом основывается на культурных стереотипах китайского общества. С расцветом чайной культуры в эпоху Северной династии Сун буддизм использовал чаепитие в проповеднических целях, и оно стало частью жизни буддийских монахов. Так возникла поговорка «Единство чая и дзен». Суть взаимосвязи объясняется тем, что чай может помочь человеку понять Дзен, а Дзен может помочь человеку понять ум. Ум чая и ум дзен находятся в гармонии, достигая таким образом состояния тихого просветления [10, с. 273]. Употребление чая может освежить и укрепить дух, а также помочь людям понять философию жизни. Медитация в Дзен подчеркивает чистоту духовного мира и может помочь людям обрести просветление посредством медитации и напрямую достичь своего истинного сердца [Там же, с. 27].

Визуальные компоненты соответствующих рекламных текстов – уединенные дворики, изображение уютной обстановки и расслабленной атмосферы, домашние чайные сервизы, натюрморты за чайным столиком, сочетание горящих благовоний и чайной утвари и т.п.

Культурные стереотипы, реализуемые при такой интерпретации запаха, актуализируют представления о том, что вдыхание аромата чая связано с духовными практиками и медитацией и оказывает исцеляющее действие на тело и разум.

ПРОСТОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – ЧАЙНЫЙ АРОМАТ. Аромат чая ассоциируется с простым стилем жизни, в которой нет излишеств и расточительности.

一种可以与灵魂沟通的味道。以淡泊的态度，谢绝繁华，回归简朴，宛如过往人生 *Аромат, способный общаться с душой. С безразличным отношением откажитесь от процветания и вернитесь к простоте, как в прошлой жизни.*

一款未经雕饰的线性香，至简至极，至纯至净，似龙井茶的第一缕氤氲香气，微苦清透 *Неприукрашенный линейный аромат, чрезвычайно простой, чистый и ясный, как первый глоток аромата чая Луцзин, слегка горьковатый и прозрачный.*

Для этой метафорической смысловой интерпретации также есть своя культурная почва. Напрямую об этом написал Лу Юй в своей книге «Чайный канон»: «Бережливость к чаю: чай – это напиток, который больше всего подходит для людей, практикующих бережливость и добродетель» (*перевод наш – Ж. С.*) [14, с. 355–356].

Современная реклама реконструировала трактовку чая как символа «простого отношения к жизни», и она согласуется с запросами части современных молодых потребителей на «доиндустриальную» простоту, соответствует их интересу к миру до эпохи потребления, а также их симпатии к моральным аргументам, согласно которым простая жизнь делает нас лучше, потому что развивает такие положительные качества, как бережливость, гибкость и независимость.

Поскольку функция чайной культуры в целом основана на концепции гармонии [8, с. 76], истинный культурный образ чайного аромата в рассматриваемой трактовке заключается не в пышном рекламном повествовании, а в реальном диалоге между каждым кусочком чая и обонятельной памятью.

Для этого типа рекламы обычно используют такие невербальные средства, как изображение уголка стола, чашки, книги и угла дивана. Подчеркивается лаконичная, уютная, теплая домашняя атмосфера.

Таким образом, чай имеет духовное, социальное и эстетическое значение в китайской культуре. Метафора аромата чая в рекламе китайских духов по сути является результатом взаимодействия традиционной культуры и современного потребительства. Основные смысловые направления для развертывания ольфакторных метафор и образно-метафорических описаний – природная естественность и свежесть, восточная философия, современный минималистский подход к жизни, гармония между человеком и природой. Полученные данные, на наш взгляд, могут найти применение в дальнейших исследованиях ольфакторных впечатлений и практике межкультурной коммуникации.

В перспективе дальнейшего исследования представляется интересным рассмотреть полисемиотическую практику парфюмерной рекламной коммуникации и выявить, как общие визуальные элементы рекламы духов с ароматом чая – бамбуковые леса, чайные горы и рисунки тушью – создают «китайскую художественную концепцию». Углубляя сопоставительный лингвокультурологический аспект, полезно установить, как обонятельные образы в китайской чайной культуре трансформируются в сенсорные символы, воспринимаемые западными потребителями через парфюмерные ингредиенты (чайные, древесные, цветочные ноты и т.д.) и уточнить, является ли «экзотическая» презентация аромата китайского чая западными парфюмерными брендами культурным стереотипом, или такой прием способствует глобализации восточной эстетики.

Список литературы

1. Баранова Е.А. Ольфакторная метафора в английском и русском языках // Вестник студенческого научного сообщества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2018. Т. 2. № 10. С. 84–88.
2. Брылева Р.Ф. Ольфакторные прилагательные как объект синестетических переносов // Вестник Башкирского университета. 2011. № 16 (4). С. 1307–1310.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Молодкина Ю.Н. Синестетическая метафора запаха: корпусное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.
5. Остапова Е.Л. Ольфакторная метафора в парфюмерном рекламном дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. № 2. С. 52–63.
6. Трофимова Н.А. Ольфакторная метафора // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 328–331.
7. Чумак-Жунь И.И., Стручалина Г.В. Прагматический потенциал ольфакторной метафоры // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). С. 23–30.
8. 王旭峰. 中国茶文化的核心思想—浙江绿茶的和平之饮 // 浙江树人大学学报. 2015. Vol. 15. № 06. P. 75–77.
9. 侯瑞隆. 汉语感觉范畴隐喻系统 // 郑州大学学报(哲学社会科学版). 2003. P. 108–112.
10. 李瑾皓;朱志勇. 从«茶禅一味»看中国文化 // 福建茶叶. 2021. № 03. P. 273–274.
11. 吕艳琪. 英汉嗅觉名词的概念隐喻对比研究 // 南京理工大学. 2018.
12. 田源, 王宇波. 现代汉语嗅觉动词的对外汉语教学 // 华中师范大学研究生学报. 2007. P. 108–109.
13. 覃修桂. 英汉语嗅觉隐喻及其投射范围 // 外语教学与研究. 2008. №02. – P. 107–112.
14. 陈丽玉. 透过陆羽《茶经》解读茶文化内涵 // 福建茶叶. 2016. № (09). P. 355–356.

* * *

1. Baranova E.A. Ol' faktornaya metafora v anglijskom i russkom yazy'kah // Vestnik studencheskogo nauchnogo soobshhestva GOU VPO «Dонец'kij nacional'ny'j universitet». 2018. T. 2. № 10. S. 84–88.
2. Bry'leva R.F. Ol' faktorny'e prilagatel'ny'e kak ob'`ekt sinesteticheskikh perenosov // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. № 16 (4). S. 1307–1310.
3. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2001.
4. Molodkina Yu.N. Sinesteticheskaya metafora zapaha: korpusnoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kursk, 2010.
5. Ostapova E.L. Ol' faktornaya metafora v parfyumernom reklamnom diskurse // Nauchny'j rezul'tat. Voprosy' teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2020. № 2. S. 52–63.
6. Trofimova N.A. Ol' faktornaya metafora // Kognitivny'e issledovaniya yazy'ka. 2018. № 34. С. 328–331.
7. Chumak-Zhun' I.I., Struchalina G.V. Pragmaticheskij potencial ol' faktornoj metafory' // Nauchny'e vedomosti. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 2016. № 21 (242). S. 23–30.

The tea images in olfactory metaphors in the Chinese perfume advertisement

The peculiarities of use of metaphoric descriptions with the involvement of tea image and name in the Chinese perfume advertisements are considered. It is concluded that tea aroma is metaphorically interpreted in three fundamental semantic directions in advertising texts and increases the importance of associations with nature authenticity, the Eastern Philosophy and attitude towards life. The acquired information contributes to the development of intercultural communication and can be useful in translation practice in the advertising sphere.

Key words: Chinese perfume advertisement, tea aroma, metaphoric descriptions, olfactory metaphor, stereotype.

(Статья поступила в редакцию 08.06.2025).

Д.Ю. ГУЛИНОВ
Э.Э. ГАЙБАЛИЕВА
Волгоград

МЕДИАИМИДЖ Э. МАКРОНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Рассматривается медиаимидж президента Франции Э. Макрона с позиции французских периодических изданий разноректорной политической направленности. Анализируется вербальное воплощение медиаимиджа Э. Макрона, которое заключается в использовании в периодических изданиях таких стилистических приемов, как метафора, метонимия, антитеза, риторический вопрос, игра слов.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический имидж, политический медиаимидж, Э. Макрон, СМИ.*

В XXI веке процесс цифровизации затронул все без исключения сферы человеческой жизни. Традиционный общественно-политический уклад также претерпел ряд определенных изменений, вызванных внедрением новых цифровых технологий. Глобальная сеть, расцвет социальных сетей, интернет коммуникация и бесчисленные каналы для передачи информации в СМИ вынуждают политических деятелей пересмотреть конвенциональные пути самопрезентации, а также способы взаимодействия с общественностью.

В настоящее время успех политического лидера напрямую зависит от его имиджа, выстраиваемого на просторах глобальной сети. Высокая значимость конструирования политического имиджа в совокупности с недостаточной изученностью данного феномена определяют актуальность настоящего исследования.

Цель данной статьи – анализ вербальных средств, используемых французскими СМИ для формирования медиаимиджа действующего президента Франции Э. Макрона.

Корпус практического материала, сформированный методом сплошной выборки, включает в себя заголовки статей из таких ведущих французских периодических изданий, как Le Figaro, Le Parisien, La Libération.

Выбор указанных выше медиаресурсов обусловлен следующими факторами: 1) данные периодические издания относятся к числу авторитетных французских СМИ и в большой степени освещают политическую сторону жизни французского народа; 2) политическое устройство Франции представляет собой многопартийную систему, которая состоит из партий от «левых», «правых», а также «центристов».

Необходимо отметить, что «важной составляющей при создании имиджа является та позиция, которую занимает определенное средство массовой информации по отношению к тому или иному политическому деятелю, его взглядам и убеждениям, поскольку это именно та позиция, которую постоянная аудитория ожидает от «своего» СМИ» [4, с. 112]. Так, газета Le Figaro поддерживает политические воззрения «правых» партий, Le Parisien, в свою очередь, спонсируется французским государством и следует центристскому политическому курсу, La libération оказывает содействие политико-идеологическим стремлениям «левых».

Временные рамки исследования охватывают предвыборную гонку во Франции в период с января по апрель 2022 г.

Обратимся прежде всего к понятию *имидж*. Данный термин происходит от английского слова *image*, что в переводе означает 'изображение', 'образ', 'представление', 'вид'. Из приведенного выше определения следует, что в английском языке одна лексема передает сразу несколько значений, за счет чего в обиход русского научного дискурса также вошли понятия *образ* и *политический образ*.

Мнения о корреляции понятий *имидж* и *образ* полярны. Исследователи придерживаются разных точек зрения: одни являются последователями идеи о синонимичности этих понятий, другие же глубоко убеждены в существенных различиях между этими феноменами. Отметим, что в настоящем исследовании мы не отождествляем понятия *имидж* и *образ*, хотя и не беремся отрицать существующую между ними взаимосвязь.

Понятие *имидж* имеет множественную природу, поскольку оно находится на пересечении сразу нескольких общественных и гуманитарных наук: социологии, политологии, лингвистики, психологии и др.

Рассмотрим несколько дефиниций. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, имидж – это «представление о чем-нибудь внутреннем облике, образе» [7]. Т.Э. Гринберг дает следующее определение имиджу: «Это образ-представление, целенаправленно создаваемый, наделяющий объект дополнительными ценностями, что собственно и способствует более эмоциональному его восприятию» [3, с. 35]. А.Ш. Санатулова также определяет имидж через категорию «некого синтетического образа, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, а также содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению» [6, с. 55].

Образ же, в соответствии со статьей из толкового словаря С.И. Ожегова, имеет несколько трактовок: «1) результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека; 2) вид, облик; 3) обобщенное художественное отражение действительности» [7]. Д.А. Леонтьев четко разграничивает понятия *имидж* и *образ*, уточняя, что «имидж – впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а образ – то, что формируется спонтанно» [5, с. 19].

В свете изложенного выше можно заключить следующее:

- 1) образ является более широким понятием в силу того, что понятие *имидж* неоднократно объясняется через понятие образ, но никогда – наоборот;
- 2) рассматриваемые феномены не имеют пересечений в сферах употребления: понятие имиджа используется, как правило, в области политики, рекламы, маркетинга, медиа и т.п., а понятие образа – в художественном и культурологическом контекстах;
- 3) имидж – результат целенаправленной деятельности актора, а зачастую и его команды, которая разрабатывает детальный план по формированию и воплощению того или иного необходимого имиджа. Из этого следует, что имидж имеет воздействующий потенциал на предполагаемую аудиторию. Образ, напротив, – непреднамеренное явление, базирующееся на личных ощущениях каждого индивидуума, которые возникают в ходе непосредственного взаимодействия с субъектом. Иными словами, образ являет собой квинтэссенцию мыслей, чувств, действий актора, которые преломляются в сознании людей, а также декодируются и интерпретируются ими самостоятельно.

Перейдем к трактовке понятия *политический медиаимидж*. С появлением цифровых каналов коммуникации, а именно электронных СМИ, традиционная диада *имидж–образ* переосмысливается и трансформируется в триаду *имидж–медиаимидж–образ*. Тем не менее степень разработанности феноменов *медиаимидж* и *политический медиаимидж* на данный момент невелика, ввиду чего в современных гуманитарных исследованиях понятие *политический медиаимидж* зачастую приравнивается к понятию *политический имидж*, который, по определению О.Л. Гнатюк, представляет собой «сложив-

шийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ политического лидера» [2, с. 129].

Коренное различие между политическим имиджем и политическим медиаимиджем заключается, на наш взгляд, в наличии у последнего посредника в виде СМИ. Как утверждает Е.Б. Шестопап, «электорат, как правило, не имеет непосредственного контакта с политиком и поэтому реагирует в первую очередь на его имидж» [9, с. 21]. Важно отметить, что СМИ является не только рупором для передачи информации, но также представляет собой «дискурсивно-когнитивные структуры воздействия. Степень суггестивности данных сил не вызывает сомнения – она является высокой» [1, с. 32]. Таким образом, СМИ своевременно обеспечивают информационную осведомленность электората, а также формируют определенное отношение в массовом сознании к тому или иному политическому деятелю.

Э. Макрон признается самым молодым президентом за всю историю французского государства. В разные временные промежутки в течение своего первого президентского срока (2017-2022 гг.) его стиль правления вызывал как восхищение, так и негодование со стороны французского народа.

Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие сказанное выше. *De gauche à droite, on prie que les vœux présidentiels de Macron soient ses derniers* [10] (От «левых» до «правых»: мы молимся о том, чтобы поздравление Макрона стало последним – *здесь и далее перевод наш* – Д. Г., Э. Г.). Такой заголовок мы находим во французском периодическом издании *La Libération* от 1 января 2022 г. после новогоднего обращения Э. Макрона к французскому народу. О том, что президент Пятой республики решит переизбираться на второй срок, электорат узнает намного позже, однако оппозиционные СМИ предвидели такую возможность задолго до начала президентской гонки.

В этот же период времени на страницах газеты *Le Figaro* появляется следующий заголовок: *Le paysage politique français à **quitte ou double*** [11] (Политический ландшафт Франции: уступить или повторить). Использование антитезы *quitte ou double* указывает на то, что Э. Макрон должен принять радикальное решение в отношении своего второго президентского срока. Примечательно, что газета *Le Parisien* сохраняет нейтралитет, не высказывая никаких предположений относительно участия политика в президентской гонке.

Знаменательным событием стало присуждение Э. Макрону премии «Персона года» по версии журнала *La Revue du vin de France* (Журнал о французском вине). Подробно мероприятия были освещены во всех трех анализируемых медиаисточниках.

На страницах газет *Le Figaro* [11] и *Le Parisien* [12] заголовки статей носят в большей мере информативный характер. *Le Figaro: Emmanuel Macron reçoit le titre de personnalité de l'année 2022 par la Revue du vin de France* (Эммануэль Макрон получил премию «Персона года 2022» по версии Журнала о французском вине); *Le Parisien: Macron nommé «personnalité de l'année 2022» par la Revue du vin de France* (Макрон назван «Персоной года 2022» по версии Журнала о французском вине).

Заголовок статьи, опубликованной в газете *La Libération* [10], похож на рассмотренные выше, однако авторы добавляют фразу, в которой кроется дополнительный смысл: *Désigné personnalité de l'année 2022 par «la Revue du vin de France», Macron a le **rosé aux joues*** (Макрон назван персоной 2022 года, по версии Журнала о французском вине, розовое вино на его щеках). С точки зрения языкового воплощения авторы искусно используют игру слов во второй части заголовка. Исконное выражение *avoir le rose aux joues*, что в прямом смысле значит «иметь румянец на щеках», претерпевает некоторые изменения, а именно слово *le rose* (розовый цвет) заменено названием сорта вина *le rosé* (розовое вино). Таким образом, Э. Макрон предстает перед читателями не застенчивым и смущенным политиком после получения премии, а скорее любителем алкогольных напитков. Кроме того, в данном примере мы также наблюдаем аллюзию на один из политических процессов, вызывающих противоречия во французском обществе. Речь

идет об инициативе *Défi de Janvier* («Сухой» январь), призывавшей французов отказаться от алкоголя в течение первого месяца года, которая в итоге не была поддержана президентом и большинством правительства.

Оживленную реакцию в обществе вызвали также резкие высказывания Э. Макрона относительно тех граждан, которые не пожелаали прививаться от COVID-19. Во время интервью с читателями периодического издания *Le Parisien* [12] глава государства прокомментировал ситуацию с вакцинацией и настоятельно рекомендовал не пренебрегать возможностью защититься от коронавирусной инфекции. Те же, по его словам, кто наотрез отказался от вакцинации, не могут рассчитывать на спокойную жизнь. Иллюстрацией сказанного является следующий заголовок газеты *Le Parisien* [12]: *Les non-vaccinés, j'ai très envie de les emmerder* (Невакцинированные, мне очень хочется их достать). Камнем преткновения стало слово *emmerder* 'доставать, докучать, не давать спокойно жить'. В толковом словаре французского языка *Larousse* данная лексема относится к сниженной лексике [8].

Слова президента не остались без внимания со стороны рассматриваемых СМИ. Так, в издании *La Libération* мы находим заголовок статьи «*Emmerder les non-vaccinés*»: *les oppositions enflammées, la macronie fait profil bas* [10] (Докучать всем тем, кто не желает вакцинироваться: оппозиция яро возмущается, макронисты же заняли выжидательную позицию). Авторы статьи указывают на явную конфронтацию между центристской и оппозиционными партиями, используя антитезу *les oppositions enflammées* и *la macronie fait profil bas*. Стоит также отметить, что контраст создается при помощи эмоционально окрашенного слова *enflammé* (разгоряченный) и выражения *faire profil bas* (занимать выжидательную позицию, держаться в тени). К тому же, в данном примере мы также находим такой стилистический прием, как метонимия: *la macronie* (макронистское движение) – так называют сторонников президента.

Рассмотрим следующий пример. «*Emmerder*», «*fainéants*», «*bordel*»... *Le langage choc de Macron, qu'il soit président ou candidat* («Докучать», «лодырь», «бардак»... Шокирующая терминология в дискурсе Э. Макрона, будь он президент или кандидат) – такой заголовок появился на страницах газеты *Le Figaro* [11]. В толковом словаре *Larousse* перечисленные выше лексические единицы имеют помету лексики сниженного регистра [8]. Авторы статьи акцентируют внимание на том, что Э. Макрон зачастую допускает в своей речи фамильярную лексику, что создает некую полярность в имидже главы государства.

Рассмотрим заголовок из газеты *Le Parisien*, который представляется нам контрастным по отношению к вышеупомянутым. *Emmanuel Macron déterminé à «emmerder» les non-vaccinés* [12] (Эмманюэль Макрон решительно настроен «доставать» невакцинированных). Выражение *déterminer à* (побуждать, склонять) подчеркивает упорство и целеустремленность Э. Макрона, а также указывает на его готовность действовать решительно в условиях развернувшегося санитарного кризиса.

Обратимся к другому политическому контексту. Официальное заявление Э. Макрона о вступлении в президентскую гонку за месяц до начала первого тура также не осталось без внимания. На страницах периодического издания *Le Parisien* мы находим следующий заголовок: *Emmanuel Macron officiellement candidat à la présidentielle: découvrez sa «Lettre aux Français»* [12] (Эмманюэль Макрон официально кандидат в президенты: ознакомьтесь с его «Письмом к французам»). Далее в тексте статьи опубликовано само письмо, в котором Э. Макрон обращается к соотечественникам и официально заявляет о своем решении баллотироваться на второй президентский срок.

Перейдем к следующему примеру. *Emmanuel Macron entre en lice, les candidats se hérissent* (Э. Макрон вступает в борьбу, кандидаты негодуют) – заголовок статьи, опубликованной в издании *La Libération* [10]. Официальное заявление Э. Макрона вызвало недовольство оппозиционных партий. Анализируя данный заголовок новостной статьи, укажем на использование метафоры *entrer en lice* (вступать в борьбу), что в очередной

раз подчеркивает политическую борьбу и активную включенность Э. Макрона в процесс предвыборной кампании. Наряду с этим, отметим также выражение *se hérissier*, которое имеет прямой перевод – *топорщиться, покрываться колючками*, а в переносном же смысле – *возмущаться, негодовать*. Данный глагол используется для демонстрации политического напряжения между потенциальными кандидатами, а также косвенно подчеркивает защитную реакцию представителей оппозиционных партий.

В газете *Le Figaro* появляется несколько статей на данную тематику. *Macron: une «Lettre aux Français» sans originalité ni créativité* [11] (Макрон: «Письмо к французам», лишённое оригинальности и креативности). Авторы статьи критически оценивают содержание письма Э. Макрона, подчеркивая отсутствие уникальности. *Avez-vous été convaincu par la «Lettre aux Français» d'Emmanuel Macron?* (Вас убедило «Письмо к французам» Эмманюэля Макрона?). В данном примере авторы прибегают к использованию риторического вопроса, предлагая читателю задуматься над содержанием письма.

Таким образом, проанализированный корпус примеров позволяет прийти к заключению, что периодическое издание *Le Parisien* в наибольшей степени формирует позитивный медиаимидж Э. Макрона. В данном медиаисточнике заголовки носят информативный характер, события, связанные с нынешним президентом Франции, преподносятся в нейтральном стиле, эмоционально окрашенная лексика в отношении политика и его деятельности встречается довольно редко. Два других издания *Le Figaro* и *La Libération* освещают политическую деятельность действующего главы государства с позиций критики, что способствует конструированию отрицательного медиаимиджа. Авторы статей активно используют такие стилистические приемы, как метафора, метонимия, антитеза, риторический вопрос, игра слов, что позволяет СМИ искусно навязывать своему читателю негативный имидж Э. Макрона и представлять его как неумелого политика.

Список литературы

1. Буряковская В.А., Зубаирова Р.Р. Фрейминг как способ передачи информации (на материале англоязычных СМИ) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 4 (08). С. 31–34.
2. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: КНОРУС, 2013.
3. Гринберг Т.Э. Политическая реклама: портрет лидера. М.: Б. и., 1995.
4. Куркемова Э.Т. Роль средств массовой информации при формировании имиджа политика // Научный аспект. 2012. № 4. С. 109–112.
5. Леонтьев Д.А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000. № 1. С. 19–22.
6. Санатулова А.Ш. Имидж как научное понятие // Имиджелогия. Как нравиться людям / Сост. и ред. В.М. Шепель. М.: Народное образование, 2002. С. 55–63.
7. Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 19.04.2025).
8. Толковый словарь французского языка Larousse // URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 19.04.2025).
9. Шестопал Е.Б. Психология политического восприятия в современной России. М.: РОС-СПЭН, 2012.
10. *La Libération* // URL: <https://www.liberation.fr/> (дата обращения: 21.04.2025).
11. *Le Figaro* // URL: <https://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 21.04.2025).
12. *Le Parisien* // URL: <https://www.leparisien.fr/> (дата обращения: 21.04.2025).

* * *

1. Buryakovskaya V.A., Zubairova R.R. Frejming kak sposob peredachi informacii (na materiale angloyazy'chny'x SMI) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 4 (08). S. 31–34.
2. Gnatyuk O.L. Osnovy' teorii kommunikacii: Ucheb. posobie. 2-e izd. M.: KNORUS, 2013.
3. Grinberg T.E'. Politicheskaya reklama: portret lidera. M.: B. i., 1995.

4. Kurkema E. T. Rol' sredstv massovoj informacii pri formirovanii imidzha politika // Nauchny'j aspekt. 2012. № 4. S. 109–112.
5. Leont'ev D.A. Ot obraza k imidzhu. Psihosemanticheskij brending // Reklama i zhizn'. 2000. № 1. S. 19–22.
6. Sanatulo A.Sh. Imidzh kak nauchnoe ponyatie // Imidzhologiya. Kak nraivt'sya lyudyam / Sost. i red. V.M. Shepel'. M.: Narodnoe obrazovanie, 2002. S. 55–63.
7. Tolkovy'j slovar' Ozhegova onlajn // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashheniya: 19.04.2025).
8. Tolkovy'j slovar' francuzskogo yazy'ka Larousse // URL: <https://www.larousse.fr/> (data obrashheniya: 19.04.2025).
9. Shestopal E.B. Psihologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoj Rossii. M.: ROSSPE'N, 2012.

*The media image of E. Macron through the lens of modern
French mass media*

The media image of the French president E. Macron is considered from the perspective of the French periodicals of differently directed political orientation. The verbal implementation of media image of E. Macron, consisting in the use of such stylistic devices as metaphor, metonymy, antithesis, rhetorical question and wordplay, in periodicals, is analyzed.

Key words: *political discourse, political image, political media image, E. Macron, mass media.*

(Статья поступила в редакцию 06.05.2025).

Н.В. ЗИМИНА
Волгоград

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ НЕМЕЦКИХ
ПОЛИТИКОВ (на материале дебатов в Бундестаге)**

*Рассматривается эмоционально-оценочная лексика, используемая депутатами от партии
Альтернатива для Германии Б. фон Шторх и М. Кауфманом
в ходе дебатов в бундестаге ФРГ.*

Ключевые слова: *эмоционально-оценочная лексика, эмоционально-оценочный компонент
значения лексической единицы, оценка, эмоции, политический дискурс.*

Общеизвестно, что отношение человека к окружающей действительности имеет субъективный характер и выражается в виде эмоций. В настоящее время большинство лингвистов придерживаются точки зрения, согласно которой эмоциональный компонент рассматривается как часть семантической структуры лексической единицы, передающая те или иные эмоции или чувства, психические переживания человека.

В основе эмоций лежат оценки, характеризующие обозначаемый словом объект относительно тех или иных потребностей человека (см. подробнее: [1]). Суть оценки как мыслительной операции представляет собой определение ее объекта как ценности, антиценности или неценности [3]. Оценочная деятельность тесно связана с эмоциональной сферой. Эмоциональная оценка может быть представлена как совокупное действие мысли и чувства. В основе ее лежит как осмысление значения некоего явления, так и вызываемая им эмоциональная реакция. Таким образом, эмоцию можно рассматривать как аппарат оценки, способ ее реализации. Это позволяет говорить о наличии в значении ряда лексических единиц эмоционально-оценочного компонента [2].

Эмоционально-оценочная лексика является неотъемлемой частью языка политики, поскольку он представляет собой не столько инструмент обмена нейтральной информацией, сколько средство борьбы за власть или осуществление власти. Выступления политиков, особенно в ходе дебатов, преследуют ряд задач, в числе которых – убедить массовую аудиторию в чем-либо, побудить к действию, внушить какие-либо идеи или ценности и др. Отметим также присущие жанру политических дебатов полемичность и агрессивность, вызванную желанием политических акторов сформировать у адресата отрицательное отношение к политическим противникам. Говоря о немецком политическом дискурсе, необходимо подчеркнуть такие его особенности, как слабая выраженность конструктивного начала, тенденция к созданию перформанса. Они обуславливают ярко выраженную субъективность суждений и высокий уровень эмоциональности при критическом оценивании позиции, личностных качеств и действий оппонента.

В настоящей работе рассматриваются тексты выступлений представителей партии *Альтернатива для Германии* (*далее – АдГ*) в ходе дебатов в немецком бундестаге, состоявшихся во время заседания 20 декабря 2024 года. Выбор данного материала обусловлен остротой и высокой степенью полемичности обсуждаемой темы, что привело к активному использованию политиками эмоционально-оценочной лексики. Важно отметить также значимость даты заседания немецкого парламента. Дебаты состоялись накануне выборов в бундестаг, на которых АдГ добилась существенных успехов, получив голоса двенадцати миллионов избирателей и сто пятьдесят два места в парламенте. При этом, как известно, уже 2 мая партия была официально признана Федеральным ведомством по охране Конституции ФРГ правоэкстремистской организацией, угрожающей демократии в стране. Такое решение хотя и не ведет к прямому запрету политической партии, однако дает право службе внутренней разведки контролировать ее деятельность. В ответ АдГ обратилась в суд. В настоящий момент определение АдГ как правоэкстремистской структуры временно приостановлено до вынесения судом соответствующего решения. Статус партии формально понижен до «подозреваемой в экстремизме».

АдГ, как известно, была основана в 2013 году как оппозиционная партия. Возглавляет ее Алис Вайдель, придерживающаяся скорее умеренных взглядов и выступающая за реформирование экономики. АдГ не согласна с политикой Евросоюза, члены партии выступают за то, чтобы ужесточить миграционную политику, усилить армию, вернуть традиционные ценности на государственном уровне и наладить сотрудничество с РФ по вопросам экономики и ресурсов. Партия включает в себя несколько фракций, в числе которых есть и те, которые придерживаются откровенно радикальных взглядов.

В ходе заседания бундестага депутат от партии «Альтернатива для Германии» Беатрикс фон Шторх выступила с резкой критикой деятельности глав Федерального и одного из региональных ведомств по охране Конституции ФРГ и осудила их попытки признать АдГ правоэкстремистской организацией.

Суть выступления Б. фон Шторх сводится к призыву прекратить произвол со стороны глав названных ведомств, развернувших против партии настоящую кампанию, направленную на официальное признание ее представляющей опасность для конституционного порядка. По мнению политика, применяемые по отношению к АдГ контролируемые мероприятия и ограничения антидемократичны по своей сути и являются не чем иным, как попыткой вывести партию из предвыборной гонки.

Высказывания Б. фон Шторх отличаются высоким уровнем эмоциональности и содержат ряд оценочных суждений. В частности, отметим такие высказывания в адрес ведомств по охране конституции как *Gefahr für die Demokratie, rücksichtslose Instrumentalisierung des Verfassungsschutzes für die parteipolitische Interessen* и *obsessiver, persönlicher Kreuzzug gegen die AfD* [4]. Таким образом, подвергаемые критике ведомства обозначаются как *представляющие опасность для демократии*, их представители, обязанные быть объективными, *бесцеремонно превращают охрану конституции в инструмент*, действуя в интересах своих политических партий, и буквально *зациклились на личном крестовом походе против АдГ*.

В ходе выступления политик оценивает не только деятельность ведомств по охране конституции в целом, но и уделяет отдельное внимание их руководителям. Так, глава внутренней разведки Томас Хальденванг именуется не иначе как *treuer Partei-soldat, willfähriger Handlanger*, а для характеристики его шагов, предпринятых против АдГ, оратор применяет ряд глагольных номинаций: *diffamieren, ächten, ausgrenzen und ihre Wahlergebnisse drücken*. В иных обстоятельствах номинация *верный солдат партии* (имеется в виду Христианско-демократический союз Германии) могла бы выражать позитивную оценку, но не в ситуации, когда руководитель подобной организации, обязанный занимать «надпартийную» позицию, выступает сторонником одной из партий, и занимается тем, что *клеветает, подвергает остракизму и подтасовывает результаты выборов* другой партийной организации. Своеобразной кульминацией речи Шторх является номинация *strunz-dummer Haldenwang*, прозвучавшая в ходе комментария одного из его высказываний. Это довольно грубая негативная оценка умственных способностей оппонента, хоть и смягченная впоследствии извинением *Entschuldigung*. Неудивительно, что в ответ на данное высказывание тут же последовала буря негодования со стороны оппонентов, выкрики с места, и Б. фон Шторх получила замечание со стороны президента бундестага Бэрбель Бас.

Не менее острой критике в выступлении Б. фон Шторх подверглась работа руководителя секретной службы федеральной земли Тюрингия Штефана Крамера. Задача оратора, несомненно, состояла в дискредитации его поступков и личностных качеств, вследствие чего речь Б. фон Шторх была насыщена негативно-оценочными суждениями. Так, политик прямо указывает на несоответствие чиновника занимаемой должности ...*dass er nicht nur persönlich, sondern auch fachlich ungeeignet und unqualifiziert ist* [4]. Имеется в виду, что ни его человеческие качества, ни уровень компетенции не выдерживают никакой критики. Депутат от АдГ открыто обвиняет Ш. Крамера во вмешательстве в политическую жизнь страны и попытках повлиять на избирателей, ссылаясь на его же выступление, в ходе которого тот применил по отношению к сторонникам АдГ обозначение *brauner Bodensatz* (буквально «коричневые отбросы»). В ходе выступления политик характеризует деятельность Ш. Крамера так же, как и деятельность Т. Хальденванга, используя номинации *persönlicher, fanatischer Krieg gegen die AfD* (личная, фанатичная война против АдГ), при этом эмоциональный накал высказывания непрерывно возрастает, достигая своеобразного пика в негативно-оценочных характеристиках *Machtmissbrauch* и *eine Gefahr für die freiheitlich-demokratische Grundordnung* (злоупотребление властью и опасность для свободно-демократического порядка).

Позицию Б. фон Шторх полностью разделяет ее однопартиец М. Кауфман. Его видение ситуации предстает не менее драматичным, поскольку свою речь оратор начинает фразой: *Wir stehen heute vor einem Abgrund! – einem Skandal, der unsere freiheitlich-demokratische Grundordnung bis ins Mark erschüttert* [4]. По мнению политика, Германия *steht am Rande des Abgrunds*, переживая скандал, *poterschütternd* основы свободы и демократии буквально до основания. Действия ведомства по охране конституции федеральной земли Тюрингия он квалифицирует как *Verrat an den Grundprinzipien unserer Demokratie* (предательство основных принципов демократии). С целью усиления силы воздействия высказывания М. Кауфман прибегает к сравнению нынешних органов внутренней разведки с Министерством государственной безопасности Германской Демократической Республики (Stasi): *In Ostdeutschland hat der Verfassungsschutz einen fatalen Beigeschmack. Er wird als Nachfolger der Stasi wahrgenommen*. С одной стороны, номинация *Stasi* формально не является эмоционально-оценочной. С другой – она обладает устойчивой негативно-оценочной коннотацией, тем самым *fatal* привкусом, превращающим всякое сравнение с ненавистной для многих немцев *Stasi* в оскорбление. Продолжая свою мысль, политик указывает на недопустимость методов, к которым прибегает ведомство по охране Конституции ФРГ: *...Instrument der politischen Unterdrückung, ein Werkzeug, um Kritiker zu diffamieren und mundtot zu machen*. По мнению М. Кауфмана, органы внутренней разведки превратились, подобно своим предшественникам в ГДР, в *Instrument des politischen Drucks*, и заняты тем, что *schaden* тем, кто их критикует, и пытаются лишить их права голоса. Так же как Б. фон Шторх, ее коллега совершает нападки на Ш. Крамера, обвиняя его не только в ненадлежащем выполнении обязанностей, но и в *zweifelhaften*: *Die zweifelhafte Gestalt Stephan Kramer, die diese Behörde (Thüringer Verfassungsschutz) leitet, erfüllt nicht einmal die gesetzlichen Voraussetzungen für diese Position*. Столь нелестной характеристики Ш. Крамер удостоился за отсутствие объективности и приверженность интересам собственной партии: *Er ist kein Hüter der Verfassung, sondern ein Parteisoldat mit politischem Auftrag* [4]. По мнению оратора, в Тюрингии АдГ является единственной оппозиционной партией, против которой остальные политические силы вступили в сговор, образовав *Kartell* политических неудачников и сделав ведомство по охране конституции своим *Wortführer* и мечом: *Der Verfassungsschutz dient dabei als Schild und Schwert dieses Kartells der Machtverlierer* [4]. По мнению М. Кауфмана, «старые» политические партии больше не в состоянии отвечать чаяниям избирателей, проживающих в Тюрингии: *Sie wollen echte Demokratie, keine Machtspiele eines erstarrten Systems. Die Altparteien haben diese Sehnsucht verraten* [4]. Политик заявляет, что гражданам, истосковавшимся по истинной демократии, не нужны *Staatssicherheitsorgane* старой системы, однако нынешние власти *verraten* их интересы. Преследуя представителей АдГ, проводя обыски в домах и контролируя их деятельность, внутренняя разведка, по утверждению г-на Кауфмана, превзошла прежние органы государственной безопасности: *Das gab es nicht einmal in der DDR. Doch heute... wird die Meinungsfreiheit mit Füßen getreten* [4]. Последнее высказывание имеет ярко выраженную негативно-оценочную окраску, поскольку содержит обвинение в *Verletzung* одного из основных принципов демократического общества – свободы выражать собственное мнение, закрепленной в первой статье Конституции ФРГ.

Таким образом, анализ текстов выступлений депутатов бундестага от партии Альтернатива для Германии Б. фон Шторх и М. Кауфмана убеждает, что оба политика ставили целью привлечение внимания общественности и, в первую очередь, избирателей, к фактам преследования партии со стороны ведомств по охране Конституции ФРГ с целью вмешательства в предвыборную гонку и ослабления ее позиции накануне выборов. Оба политика в свою очередь попытались дискредитировать оппонентов, исполь-

зуя ряд имиджепонижающих речевых тактик. Действенным инструментом в ходе решения коммуникативной задачи, несомненно, послужили негативные эмоционально-оценочные номинации, придавшие высказываниям ораторов убедительность и повысившие силу воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. Зими́на Н.В. Лексические средства выражения неопределенности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
2. Зими́на Н.В. Неопределенность в сфере эмоционально-оценочной разговорной лексики немецкого и русского языков // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2015. С. 44–51.
3. Иванина Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
4. Plenarprotokoll 20/208. Deutscher Bundestag. Stenografischer Bericht 208. Sitzung, Berlin, Freitag, den 20. Dezember 2024 // URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/20/20208.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

* * *

1. Zimina N.V. Leksicheskie sredstva vy`razheniya neopredelennosti v sovremennom nemeczkom yazy`ke: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2001.
2. Zimina N.V. Neopredelennost` v sfere e`mocional`no-ocenочноj razgovornoj leksiki nemeczkogo i russkogo yazy`kov // Kollokvialistika i leksikografiya: točki peresecheniya i perspektivy` razvitiya. Abakan: Izd-vo Hakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2015. S. 44–51.
3. Ivanina G.N. Vy`razhenie e`mocional`noj ocenki v sovremennom nemeczkom yazy`ke: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1984.

Emotional and evaluative vocabulary in the speech of German politicians (based on the material of debates in Bundestag)

The emotional and evaluative vocabulary, used by the deputies of party «The Alternative for Germany» B. von Storch and M. Kaufman during the debates in Bundestag (the Federal Republic of Germany), is considered.

Key words: *emotional and evaluative vocabulary, emotional and evaluative component of meaning of lexical unit, evaluation, emotions, political discourse.*

(Статья поступила в редакцию 30.05.2025).

СЛОВА И АНТИСЛОВА ГОДА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается акция «Слово года» как важный лингвокультурный феномен, отражающий социокультурные изменения в России и Германии за последние семь лет. Проводится анализ слов и анτισлов года, выделяются их тематические группы в контексте политической, социальной, экономической и экологической сфер. Определяются общие и культурноспецифические тематические группы, подчеркивается значимость слов года как маркеров культурных и общественных реалий.

Ключевые слова: слово года, анτισлово года, лингвокультура, лингвокультурный концепт, культурный код, картина мира.

Язык как социокультурный феномен фиксирует и отражает наиболее важные явления социальной действительности и окружающего нас мира. Наиболее значимые трансформации в общественной жизни вербализуются. Они, как показывает наш материал, находят широкую фиксацию в проводимых в последние годы общественных акциях «Wort des Jahres», «Word of the year», «Слово года», вызывающих большой интерес у лингвистов.

Права Е.В. Николаева, утверждающая, что слова года как феномен лингвокультуры целесообразно изучать как концепты, вербализующие специфику национальных культур [8]. Г.Г. Слышкин предлагает считать слова лингвокультурным метаконцептом, создаваемым в социальных языковых коммуникациях и задающим смысловой фрейм для последующих коммуникативных актов [11]. Исходя из этого, можно рассматривать слова года в разных языках как ключевые единицы, на основе которых в национальной культуре формируется и транслируется система представлений о внеязыковой действительности, релевантная для носителей данной культуры [8].

Акции «Слово года» проводятся с 1971 г. Первая зарегистрированная акция по выявлению слов, отражающих дух, настроение или остросоциальные проблемы конкретного года и имеющих существенное культурное значение прошла в Германии по инициативе Общества немецкого языка (Gesellschaft für Deutsche Sprache). С 1977 г. акция стала ежегодной традицией [13; 14]. В 1991 г. к слову года добавилось анτισлово – лексема, отражающая негативные, по мнению большинства, явления и тенденции. Постепенно акция начала захватывать мир. Так, в 1990-х и начале 2000-х гг. в США появилась англоязычная версия под названием «Word of the year» (WOTY), свои рейтинги запустили отдельные организации, сайты, газеты и журналы. С середины 2000-х гг. аналогичные проекты появились во многих других странах. В настоящее время в некоторых странах эксперты не ограничиваются выбором одного главного слова. Например, в США есть такие номинации, как «самое бесполезное слово года», «самое креативное слово года», «эвфемизм года» и т.д. [13].

В России «Слово года» было впервые выбрано в 2007 г. Инициатором проведения конкурса в России стал филолог и культуролог Михаил Эпштейн, руководитель Экспертного совета, включающего лингвистов, писателей, журналистов, педагогов, культурологов [10]. С 2018 г. данная акция также проводится Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина [9]. С 2023 г. начал выбирать слова года и портал «Грамота.ру». Несмотря на определенную степень субъективности, «слова года», представляющие собой наиболее часто употребляемые в публичной коммуникации лекси-

ческие единицы, составляют «своеобразный социально-политический портрет года, реконструированный через номинативные лингвистические маркеры» [4, с. 49].

В данной статье анализируются слова года / *Wörter des Jahres* в русской и немецкой лингвокультурах за последние семь лет, с 2018 г. по 2024 г., а также слова, оказавшиеся на втором и третьем местах. Кроме того, были привлечены к анализу и так называемые единицы «антиязыка» / «*Unwörter*», представляющие язык агрессии, лжи и пропаганды.

При тематическом распределении отобранных лексических единиц мы опираемся на традиционное выделение сфер общественной жизни, а именно деление на политическую, экономическую, социальную и духовную сферы. Кроме того, в современных дискуссиях и отдельных источниках дополнительно выделяют другие сферы, которые могут быть частью уже названных или пересекаться с ними: экологическую, культурную, научную, международную сферы, что также релевантно для нашего исследования.

Лексико-семантический анализ слов и антислов года позволил распределить их на различные тематические группы в соответствии с вышеперечисленными сферами общественной жизни.

Если брать за основу выделенные М. Эпштейном слова года, то становится очевидным, что русскоязычная лингвокультура демонстрирует акцентирование политических и, в частности, военно-силовых проблем, на которые приходится 58,5% всех отобранных слов (*ядерка, эскалация, война, военный, мятеж / мятеж Пригожина, дискредитация армии, СВО, фейки, мобилизация, денацификация, демилитаризация, обнуление, голосование, изменения в Конституции, иностранный агент / иноагент* и т.д.). В последние годы данная тенденция становится особенно заметной и представляет особую хронику событий (2018 г. – *Новичок, токсичный*; 2019 г. – *протест, иностранный агент / иноагент*; 2020 г. – *обнуление, изменения в Конституции*; 2022 г. – *война, военный, мобилизация, дискредитация армии*; 2024 г. – *Навальный, ядерка, обмен пленными, политзаключенными, территориями*). Исключение составил 2021 г. со словом года социальной тематики (*вакцина, вакцинация*) и 2023 г. со словом года «искусственный интеллект», которое находится на пересечении сразу нескольких сфер [9; 10].

По версии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, самой распространенной является социальная сфера, на которую приходится 41% всех слов года и которая представлена следующими словами: *семья, квадровер, спутник, перепись, самоизоляция, карантин, ковид / коронавирус, удаленка, дистанцирование, пенсионный* и др. Следует, однако, отметить, что в 2022 г. в институте «намеренно исключили из выборки слова, связанные с политической и военной тематикой, «чтобы найти слово позитивного звучания и общественной поддержки» [9]. Данным словом стало «наследие». В 2023 г. ситуация повторилась: «Так же, как и в прошлом году, мы сознательно отказались от политически окрашенной лексики» [Там же].

В немецкой лингвокультуре доминируют слова из социальной сферы, составляющие 45% от общего числа анализируемых лексем (*leseunfähig, Remigration, Pushback, Wellenbrecher, Pflexit, Lockdown, Rückführungspatenschaften, Rollerchaos, Fridays for Future, Klimahysterie* и др.). В данном случае «слова года» заостряют внимание на разных аспектах общественной жизни. В первую очередь, к ним относится социальная политика государства, с одной стороны, принимающего в последнее время большое количество мигрантов, с другой стороны, сталкивающегося с недовольством определенной части населения и усиливающимися требованиями отправить мигрантов в страну, из которой они прибыли (*Ankerzentren, Remigration, Pushback, Rückführungspatenschaften, Anti-Abschiebe-Industrie*) [14].

Если рассматривать вторую по важности сферу общественной жизни, то ситуация диаметрально противоположна. В русской лингвокультуре на такой позиции, по версии М. Эпштейна, располагается социальная сфера (29%). По версии Государственно-

го института русского языка им. А.С. Пушкина – политическая сфера (37%). В немецкой лингвокультуре политическая сфера представлена 31% от общего числа слов года и также располагается на втором месте по значимости. Российские реалии в социальной сфере характеризуют следующие «слова года»: *квадроберы, релокация, вакцина / вакцинация, QR, антиваксеры, рекорд смертей, самоизоляция, спутник, пенсия / пенсионный, возраст дожития*. Как видно из примеров, лексемы, приводимые М. Эпштейном, во многом пересекаются с версией Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; номинируют пенсионную реформу, эпидемию коронавируса и специальную военную операцию. Политическая сфера, по версии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, не учитывающая 2022 и 2023 гг., представлена следующими примерами: *выборы, Северный поток, обнуление, голосование, конституция, поправки, протест, суверенный интернет* и др. [9; 10].

В немецкой лингвокультуре к «словам года», характеризующим расположившуюся на 2-м месте политическую сферу, можно отнести: *Biodeutsch, Krisenmodus, Antisemitismus, Zeitenwende, Krieg um Frieden, Corona-Diktatur* и др. Следует отметить, что большинство из приведенных слов обладают абстрактной семантикой и обозначают глобальные понятия, кризисы на стыке политической, социальной и экономической сфер, например: *Biodeutsch, der Krisenmodus, Zeitenwende, Verschwörungserzählung, Antisemitismus, Anti-Abschiebe-Industrie, Ankerzentren* [14]. Схожую мысль находим в комментарии Общества немецкого языка к результатам акции «Слово года» 2023: «Нас окружают кризисы. Кризисы, которые еще не преодолены, такие как изменение климата, российско-украинская война или энергетический кризис, сменяются новыми кризисами. В игру вступили война на Ближнем Востоке, инфляция и долговой кризис, а также усугубился кризис образования. Чрезвычайное положение уже давно стало постоянным. Такие чувства, как неуверенность, страх, гнев, беспомощность и бессилие, характеризуют повседневную жизнь многих людей» [6]. Еще одно подтверждение сказанному – слово года 2024, *Ampel-Aus*. Разрыв коалиции «Светофор», состоящей из Социал-демократической партии Германии, партии «Союз 90/Зеленые» и Свободной демократической партии, в Германии произошел, когда канцлер Олаф Шольц в ноябре 2024 г. попросил президента ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера уволить министра финансов Кристиана Линднера [14].

Отдельно стоит остановиться на еще одном ключевом событии 2020-х гг. – пандемии COVID-19, ставшей причиной словотворчества и вызвавшей появление многих неологизмов. Этот факт не мог не отразиться на «Слове года». В Германии в 2020 г. все номинированные слова были связаны с коронавирусом: *Corona-Pandemie, Lockdown, Verschwörungserzählung, Corona-Diktatur*. В последующие годы тематизируются последствия пандемии, выражающиеся в нехватке медицинского персонала и людей, ухаживающих за больными (*Pflicht*), в пробелах в образовании, которые были вызваны отсутствием регулярных занятий в школе и дистанционкой (*leseunfähig*) [14]. В русском обществе слова, связанные с пандемией, также занимают лидирующие позиции при выборах слов года: *коронавирус/ ковид, самоизоляция; карантин, удаленка, дистанцирование* (2020); *вакцина/ вакцинация* (слово года 2021), *QR, антиваксеры, спутник* [9; 10].

К специфическим тематическим группам относятся в русской лингвокультуре лексемы, номинирующие развитие техники, технологии и искусственного интеллекта (9,4%) (*ИИ, искусственный интеллект, нейросеть* и др.) [9; 10]. Особо отметим, что тематика развития и использования искусственного интеллекта фиксируется и в научном дискурсе, о чем свидетельствует большое количество научных статей, посвященных данным вопросам [7; 12].

В немецком сегменте отсылок к искусственному интеллекту не было обнаружено. В то же время к актуальным современным немецким реалиям можно отнести уси-

лия по защите окружающей среды. Они образуют отдельную тематическую группу, на которую приходится 17% всех проанализированных слов. Отражение в языке находят как нейтральные (*Fridays for Future*, *Heißzeit*), так и негативно окрашенные лексемы (*Klimaschönfärberei*, *Klimahysterie*, *Klimaterroristen*). Кроме того, в немецкой лингвокультуре были выявлены лексемы, относящиеся к финансово-экономической сфере (7%) (*Gaspreisbremse*, *Respektrente*) [14].

Если брать за основу рассмотрения происхождение русских и немецких слов года, то их отличительной особенностью является довольно большое количество заимствований. В русском языке их доля составила 28%, в немецком – 45% от всех проанализированных слов. В основном речь идет о заимствованиях из латинского (*вакцина* / *вакцинация*, *коронавирус*, *мобилизация*; *Corona-Diktatur*, *Rollerchaos*), греческого (*Corona-Pandemie*), английского (*фейки*, *ковид*; *Pushback*, *Fridays for Future*, *Lockdown*) языков). Есть случаи их комбинирования. Так, например, лексема «квадроберы» происходит от латинского слова *quattuor*, что обозначает «четыре», и английского *aerobics*, т.е. «аэробика»; слово «антиваксеры» образовано от греческой приставки *anti-* и латинского корня *vaccina*.

Еще одной характерной чертой акций «Слово года» является наличие неологизмов, которые дают представление о способности языка к словотворчеству и языковой игре. Большинство неологизмов представляют собой сложносоставные слова, образованные путем сложения основ, или построенные на основе контаминации [3; 8]. К первой группе относится больше половины немецких «слов года» (62%), что неудивительно, т.к. словосложение является основным способом образования новых слов в немецком языке. Типичными примерами являются слова, состоящие из двух или трех основ с деривационными аффиксами: *Heißzeit*, *Krisenmodus*, *leseunfähig*, *Zeitenwende*, *Gaspreisbremse*, *Wellenbrecher*, *Verschwörungserzählung*, *Respektrente*, *Rückführungsapatenschaften*, *Rollerchaos*, *Klimahysterie*, *Klimaschönfärberei* и др.

Для сравнения отметим, что в русском языке было обнаружено только 7% слов, состоящих из двух основ (*нейросеть*, *самоизоляция*, *коронавирус* и др.). Для русского языка наиболее типичный способ словообразования – это деривация. Односоставные слова с приставками и суффиксами составляют 45% от всего числа проанализированных лексем (*ядерка*, *релокация*, *удаленка*, *обнуление* и др.).

Кроме того, как в немецком, так и в русском языке были обнаружены сложносоставные слова, построенные на основе контаминации. Приведем примеры: иноагент (от *иностран* + *агент*), нейросеть (от *нейрон* + *сеть*), ковид (от английского обозначения *COronaVIrus Disease*), Pflexit, SolidANHRität, AnkERzentren (die Bezeichnung steht für «Zentrum für Ankunft, Entscheidung, Rückführung (AnkER)»). Последние два слова представляют особый интерес, так как являются неким орфографически-графическим окказионализмом, продуктом словообразовательной и графической игры с внутрисловной вставкой, обозначенной на письме капитализацией.

Подведем итоги. Акция «Слово года» как нельзя лучше фиксирует современные реалии российской и немецкой жизни. Для «слов года» характерна прецедентность, они, безусловно, входят в культурный код и отсылают к ключевым событиям того или иного года. Для их понимания необходимо не только знание языка, но и понимание культурных вех в жизни общества.

Продуктивен анализ семантических полей слов и анτισлов года разных лет в синхронии и диахронии. Данный анализ фиксирует социолингвистические аспекты жизни языка и общества, объективные «векторы конфигурации смыслов» [8, с. 4], которые в тот или иной период актуализируются в национальных картинах мира.

Очевидно, что в русской лингвокультуре преобладают слова и анτισлова года из политической и социальной сфер, а также присутствуют лексемы, номинирующие развитие техники и искусственного интеллекта. Для немецкой лингвокультуры ре-

презентативными являются социальная, политическая, экономическая и экологическая сферы.

Перспективой исследования может стать рассмотрение «слов года» за более продолжительный исторический период времени, например, за последние десять лет, а также привлечение к анализу молодежных слов года или выражений года.

Список литературы

1. Доржиева Г.С., Куулар А.А. «Слово года» как отражение языкового сознания британцев в XXI веке // Банзаровские чтения: Мат-лы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ: В 2-х ч. Ч. 2, Улан-Удэ, 2022. С. 297–301.
2. Зинина Ю.М. Анализ феномена «Слово года» в английском и русском языках (на основе данных англоязычных толковых словарей, Интернет-портала Яндекс, Института русского языка им. А.С. Пушкина, Экспертного совета при Центре творческого развития русского языка) // Litera. 2021. № 6. С. 64–75.
3. Ильясова С.В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 91–100.
4. Иссере О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
5. Карасик В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10 (44). С. 4–11.
6. «Кризисный режим» и «антисемитизм» стали словами года в Германии. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2023/657323359a79475f63f6f15f?from=sory> (дата обращения: 28.01.2024).
7. Латышев Д.В. Феномен кибернетизации педагогического процесса в условиях цифровизации образовательной среды // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2025. № 1 (194). С. 35–39.
8. Николаева Е.В. «Слова года» как лингвокультурные концепты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10. Ч. 1. С. 154–157.
9. Слово года // URL: <https://slovogoda.pushkin.institute> (дата обращения: 01.02.2025).
10. Слово года – Википедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Слово_года (дата обращения: 29.01.2025).
11. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004.
12. Стефанова Г.П., Крутова О.В. Обучение студентов применению технологий искусственного интеллекта для решения задач профессиональной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 5 (188). С. 35–42.
13. Gesellschaft für deutsche Sprache // URL: <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres> (дата обращения: 29.01.2025).
14. Wort des Jahres (Deutschland) // Wikipedia URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Wort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Wort_des_Jahres_(Deutschland)) (дата обращения: 29.01.2025).

* * *

1. Dorzhieva G.S., Kuular A.A. «Slovo goda» kak otrazhenie yazykovogo soznaniya britancev v XXI veke // Banzarovskie chteniya: Mat-ly` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya D. Banzarova i 90-letiyu BGPI-BGU: V 2-x ch. Ch. 2, Ulan-Ude`, 2022. S. 297–301.

2. Zinina Yu.M. Analiz fenomena «Slovo goda» v anglijskom i russkom yazy`kah (na osnove danny`h angloyazy`chny`h tolkovy`h slovarej, Internet-portala Yandeks, Instituta russkogo yazy`ka im. A.S. Pushkina, E`kspertnogo soveta pri Centre tvorcheskogo razvitiya russkogo yazy`ka) // Litera. 2021. № 6. S. 64–75.

3. Il'yasova S.V. Yazy`kovaya igra: slovoobrazovatel`naya, graficheskaya, orfograficheskaya (na materiale tekstov sovremenny`h rossijskikh SMI) // Medialingvistika. 2015. № 1 (6). S. 91–100.

4. Issers O.S. V poiskakh obshhego slovary: diskursivny`e praktiki novyejshego vremeni cherez prizmu proektov «Slovo goda» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 48–53.
5. Karasik V.I. Koncept kak edinicza lingvokul`turnogo koda // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 10 (44). S. 4–11.
6. «Krizisny`j rezhim» i «antisemitizm» stali slovami goda v Germanii // URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2023/657323359a79475f63f6f15f?from=copy> (data obrashheniya: 28.01.2024).
7. Laty`shev D.V. Fenomen kibernetizacii pedagogicheskogo processa v usloviyax cifrovizacii obrazovatel`noj sredy` // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2025. № 1 (194). S. 35–39.
8. Nikolaeva E.V. «Slova goda» kak lingvokul`turny`e koncepty` // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2017. № 10. Ch. 1. S. 154–157.
9. Slovo goda // URL: <https://slovogoda.pushkin.institute> (data obrashheniya: 01.02.2025).
10. Slovo goda – Vikipediya // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Slovo_goda (data obrashheniya: 29.01.2025).
11. Sly`shkin G.G. Lingvokul`turny`e koncepty` i metakoncepty`. Volgograd: Peremena, 2004.
12. Stefanova G.P., Krutova O.V. Obuchenie studentov primeneniyu tehnologij iskusstvennogo intellekta dlya resheniya zadach professional`noj deyatel`nosti // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 5 (188). S. 35–42.

Words and anti-words of the year in the Russian and German languages

The action «Word of the year» as an important linguocultural phenomenon reflecting the sociocultural changes in Russia and Germany over the last seven years is considered. The analysis of words and anti-words of the year is given. There are revealed their thematic groups in the context of political, social, economic and ecological spheres. The general and culturally specific thematic groups are defined. The significance of words of the year as the markers of cultural and social reality is underlined.

Key words: *word of the year, anti-word of the year, linguistic culture, linguocultural concept, cultural code, world picture.*

(Статья поступила в редакцию 11.05.2025).

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

Рассматриваются способы вербализации различных эмоциональных состояний главных героев романа У. Голдинга «Повелитель мух». Анализируется вербализация эмоциональных состояний персонажей, описываются стилистические приемы, которые служат для передачи эмоций.

Ключевые слова: эмоции, вербализация, эмотивный компонент, стилистические приемы, эмотивная лексика.

Данная статья посвящена изучению концептуализации эмоций героев в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух».

Цель исследования – выявление языковых средств выражения позитивных и негативных эмоций в художественном дискурсе романа У. Голдинга «Повелитель мух».

Методы, использованные в работе: стилистический, контекстуальный и интерконтекстуальный анализ.

Американский психолог Кэррол Изард внес большой вклад в изучение эмоций. Ученый считал, что эмоции состоят из трех компонентов: нейрофизиологического субстрата, экспрессивного компонента и специфики переживания [1]. Исследователь полагал, что в некоторых случаях невозможно однозначно определить, является ли эмоция положительной или отрицательной. Согласно К. Изарду, существуют эмоции, которые увеличивают психологическую фрустрацию, и эмоции, которые ее снижают [Там же, с. 30].

Для того чтобы определить, является ли эмоция базовой, психолог придерживался следующих критериев:

1. Базовые эмоции отображаются на конкретные нервные субстраты.
2. Базовые эмоции выражаются при помощи мимики.
3. Базовые эмоции порождают отчетливые переживания.
4. Базовые эмоции появились в результате эволюции.
5. Базовые эмоции необходимы для адаптации человека [1, с. 48–49].

Согласно К. Изарду, интерес является доминирующим мотивационным состоянием в повседневной деятельности нормального человека. Интерес – это позитивная эмоция, которую человек переживает чаще всех остальных, т.к. именно эта эмоция способствует когнитивной деятельности человека [1, с. 79–80].

Эмоция удивления может быть отнесена как к положительным, так и к отрицательным, т.к. удивление является эмоциональной реакцией, которая не имеет четкой положительной или отрицательной окраски. Удивление может стать причиной интереса, т.к. оно сдерживает остальные эмоции и заставляет сконцентрироваться на объекте, вызывающем данную реакцию [1, с. 138–140].

К. Изард дает следующее определение эмоции радости: «Это не просто позитивное отношение к миру и к себе, это своеобразная связь между человеком и миром. Это острое чувство сопричастности, собственной принадлежности к миру» [1, с. 125]. Ав-

тор утверждает, что переживанию радости тесно связано с эмоцией любви, т.к. часто причиной радости бывает то, что человек чувствует себя любимым.

Эмоцию печали можно описать как уныние, грусть, чувство изоляции. Однако печаль вызывает меньший уровень стресса по сравнению с другими негативными эмоциями. Она возникает из-за проблем, с которыми сталкивается человек, ввиду неудовлетворения потребностей, а также других эмоций, воспоминаний и образов из нашей жизни [1, с. 142–151].

Гнев, презрение и отвращение являются самостоятельными дискретными эмоциями, которые часто взаимодействуют друг с другом. Автор отмечает, что при ситуации, вызывающей гнев, одновременно появляется и презрение, и отвращение. Гнев возникает на фоне появления серьезного препятствия на пути удовлетворения важной для человека потребности. Отвращение служит защитным барьером против неприятных или потенциально опасных веществ. Говоря о презрении, автор затрудняется назвать преимущества и недостатки данной эмоции, но пишет о том, что оно также подготавливает человека к встрече с опасностью [1, с. 172–208].

К. Изард полагает, что необходимо различать страх и тревогу. Тревога – это комбинация нескольких эмоций, таких как страх, печаль, стыд и вина. Страх является дискретной эмоцией, которой сопутствуют чувства неуверенности, незащищенности, потери контроля над ситуацией. Важно отметить, что страх побуждает человека предпринять действия для избегания или устранения опасности [1, с. 231].

Одной из самых неоднозначных эмоций является смущение. К. Изард отмечает, что смущение может сопровождаться другими, – как положительными, так и отрицательными эмоциями. Функция смущения состоит в адаптации индивида к ситуации, например, для защиты в небезопасной ситуации или для предотвращения перевозбуждения вегетативной системы [1, с. 242].

Стыд – ярко выраженная негативная эмоция, которая заставляет человека почувствовать себя ничтожным, беспомощным и несостоятельным. Часто стыд возникает, когда человек находится в кругу других людей, однако он может испытывать стыд и наедине, беспокоясь о реакции или оценке общества. Резкое обострение самосознания, наоборот, становится настолько сильным, что мешает адекватному поведению человека [1, с. 262].

По мнению К. Изарда, «человек испытывает вину вследствие нарушения неких, принятых им этических, моральных или религиозных стандартов». Именно поэтому вина занимает важнейшую роль в процессе становления социально ответственной личности [1, с. 294].

Итак, для данной работы была выбрана классификация базовых эмоций К. Изарда, т.к. она представляется нам наиболее полной и обоснованной для анализа базовых эмоций и распределения их на две обобщенные группы.

Эмотивная и экспрессивная лексика широко используются в литературном языке. Представитель волгоградской лингвистической школы, один из ведущих отечественных исследователей в области эмотивной лингвистики, В. И. Шаховский, пишет о том, что существует две противоположные точки зрения об эмотивном компоненте лексической семантике. Некоторые исследователи полагают, что эмотивный компонент является частью семантической структуры языковой единицы, другие – отрицают это. В.И. Шаховский отмечает, что эмотивное значение слова не является сугубо индивидуальным: оно, по сути, передает реакцию, типичную для народа, говорящего на данном языке. Таким образом, эмоции индивида варьируются «в зависимости от своего индивидуального опыта, но в пределах социального опыта» [2].

Рассмотрим подробнее стилистические приемы, с помощью которых происходит вербализация эмоциональных состояний героев романа. Автор акцентирует внимание на ярком описании персонажей и их эмоциональных состояний. Например: *How*

could I with them little 'uns running round like insects? [3, с. 32]. В данном предложении автор использует сравнение, чтобы изобразить характер детей и показать, как к ним относится Хрюша. Дети активные, они постоянно в движении, как насекомые, и Хрюша, который не может уследить за ними, пытается оправдаться.

Стоит заметить, что многие предметы и явления на острове сравниваются с вещами, которые можно найти только в цивилизованном мире. Этот факт связан с тем, что мальчики скучают по прежней жизни, все вокруг напоминает о мире, в котором они выросли. Поэтому, в большинстве своем, такие сравнения выражают позитивные эмоции: *The rock was as large as a small motor car; the bushes round them ... Like candles* [3, с. 20]. При выражении негативных эмоций неоднократно употребляются сравнения с оружием: *High up among the bulging clouds thunder went off like a gun; A fist withdrew and came back like a piston* [3, с. 30]. Употребление метафор в романе «Повелитель мух» в большей степени соотносится с негативными эмоциями. Как только ситуация на острове выходит из-под контроля и образуются два противоположных лагеря, события приобретают пугающий характер, а герои часто испытывают страх, злость и ненависть. У. Голдинг использует символическую метафору о жизненном пути: *He found himself understanding the wearisomeness of this life, where every path was an improvisation and a considerable part of one's waking life was spent watching one's feet* [3, с. 87]. Писатель сравнивает то, как Ральф должен идти по тропинке в джунглях с тем, как мальчики должны принимать важные решения, чтобы не попасть в опасные ситуации. Ральф понимает, что они не справляются с задачей «следовать курсу» цивилизованного общества. Ральф беспокоится о жизни на острове, он чувствует ответственность и необходимость перемен.

Метафора в произведении полно передает центральную мысль о добре и зле: *Piggy peered anxiously into the luminous veil that hung between him and the world* [3, с. 209]. Хрюша, рациональный и рассудительный, не хочет идти к охотникам, он предчувствует что-то плохое. Мир для него разделяется на две части, и он не хочет подвергать себя и других риску. Метафора здесь – отсылка к его смерти. Метонимия, встречающаяся намного реже метафоры, обладает схожими с ней целями и характеристиками, например: *Piggy was indignant. I been talking Ralph, and you just stood there like ...; Softly, looking at Piggy and not seeing him, Ralph spoke to himself. He'll come back. When the sun goes down he'll come. He looked at the conch in Peggy's hand* [3, с. 158–159]. У. Голдинг прибегает к данному приему, чтобы обличить образное представление выражения *the sun*. Таким образом, функция метонимии – объяснить, что все живое вокруг разрушается при наступлении темноты.

«Повелитель мух» полон аллюзий: горы, ракушки, очки, огонь, мертвый парашютист, голова свиньи. В начале романа писатель представляет нам апокалиптическую аллегория: спасение маленьких английских джентльменов скорее является чудом, чем закономерным итогом. Реальное общество демонстрирует моральное падение, попытки вытащить его из ямы ничем не заканчиваются. Офицер, который прибывает, чтобы спасти их, шокирован их поведением. У. Голдинг ненавязчиво напоминает, что та же самая ситуация разворачивается вне острова, заканчивая свой роман следующей фразой: *The officer... waited, allowing his eyes to rest on the trim cruiser in the distance* [3, с. 243]. Автор обращает внимание читателя на тот момент, когда мальчики решают установить правила и навести порядок на острове. Они считают, что англичане – порядочные люди. Хрюша использует контрастные понятия в своих высказываниях: *We've got to have rules and obey them. After all, we're not savages* [3, с. 47].

Чтобы сделать повествование более интересным и живым, У. Голдинг использует персонификацию. Персонификация часто передает негативные эмоции мальчиков, создавая ощущение, что и сам остров живой и настроен враждебно против них. Так, нервное напряжение и страх подчеркнуты в данной ситуации: *For beneath them, the*

trees of the forest sighed then roared [3, с. 115]. Человеческие свойства приписываются безжизненным деревьям, чтобы показать атмосферу растущего страха и мрака.

Перейдем теперь к синтаксическим приемам, которые применяются автором для передачи эмоций героев романа.

Повтор – самый часто встречающийся синтаксический прием. Чувства говорящего усиливаются при помощи повторного употребления слов или фраз или даже целых предложений. В данном примере мы видим тоску Ральфа по дому, желание убежать от всего: *I'm frightened. Of us. I want to go home. O God I want to go home* [3, с. 187]. После убийства Саймона Ральф оказывается полностью сломленным, он повторяет: *I want to go home*. Можно заметить, что повторы, как и некоторые другие стилистические приемы, с середины произведения служат средствами передачи только негативных эмоций.

Одной из разновидностей повторения являются параллельные конструкции, которые играют особую роль в выражении чувств и эмоций. Функции параллельных конструкций тесно пересекаются с повторением, давая возможность героям в полной мере выразить их мысли, не только повторяя высказывание, но и видоизменяя его: *Not for fun. Not for laughing and falling off the log....not for making jokes, or for.... Not for these things* [3, с. 91]. Ральф пытается убедить мальчиков в необходимости собрания, подчеркивая, чем в это время не надо заниматься. Читатель может почувствовать глубокое отчаяние и досаду, которые испытывает главный герой.

Наряду с повторами в тексте встречаются случаи инверсии: *Won't you come with me? Three of us -we'd stand a chance. After a moment's silence, Sam spoke in a strangled voice. 'You don't know Roger. He's a terror* [3, с. 226]. Жизнь, полная страха, явно отражена в данном отрывке. Усиление эффекта происходит при помощи обстоятельства *after a moment of silence*, которое стоит в начале предложения. Это показывает нам, что Сэм и Эрик живут в страхе, они представляют себе те ужасные вещи, на которые способны дикари и отказываются идти с Ральфом.

Иногда мальчики пытаются привлечь внимание к той или иной идее, усилить ее, донести до остальных, а иногда повторение – результат неконтролируемых эмоций, таких как злость или страх: *Talk, – said Ralph bitterly, – talk, talk, talk* [3, с. 149].

Используя тот же прием с вынесением обстоятельства на первое место в предложении, автор демонстрирует усиление положительной эмоции: *At the sight of the flames and irresistible course of the fire, the boys broke into shrill, excited cheering* [3, с. 50]. Подчеркивается причина столь радостного настроения мальчиков: они смогли развести огонь.

Отметим, что в «Повелителе мух» самый распространенный вид инверсии – вынесение наречия на первое место, что немедленно позволяет читателям понять чувства героев: *Unwillingly Jack answered; Diffidently, Simon allowed his pace to slacken* [3, с. 121–122].

Далее мы рассмотрим риторические вопросы, используемые с целью усиления эффекта воздействия текста на читателя: *Which is better – to be a pack at painted niggers like you are, or to be sensible like Ralph is? Which is better – to have rules and agree, or to hunt and kill? Which is better, law and rescue, or hunting and breaking things up?* [3, с. 216]. У. Голдинг мастерски комбинирует различные стилистические приемы в данном примере: риторический вопрос, параллельные конструкции и повторение. Хрюша в ярости, он отказывается принимать мир дикарей и задает вопросы, ответы на которые кажутся ему очевидными.

Два противоположных стилистических приема – многосоюзие и бессоюзие отличаются не только структурой, но и смыслом. Так, в ходе анализа было выявлено, что в произведении бессоюзие в большей степени выражает позитивные эмоции, тогда как многосоюзие – наоборот. Бессоюзие подчеркивает динамику повествования и переживание эмоций, а многосоюзие замедляет темп и дает читателю возможность сфокусироваться на определенных чувствах персонажей.

Композиционная структура предложения *They're off bathing, or eating, or playing* основана на многосоюзии. Повторение союза *or* показывает раздражение Ральфа: он не знает, чем занимаются дети, за ними невозможно уследить. Предложение *They turned to each other, laughing excitedly, talking, not listening* [3, с. 26] строится на бессоюзии. В начале произведения дети беззаботны и счастливы, они много смеются и общаются, поэтому автор динамично передает всю палитру эмоций.

Используется и прием, который показывает переизбыток эмоций, ведущий к обрыванию фразы или предложения, – апозиопезис: *Sit down all of you. They raided us for fire. They're having fun. 'But...' Ralph was puzzled by the shutter that flickered in his brain. There was something he wanted to say; then the shutter had come down. 'But the...'* [3, с. 175]. В данной ситуации Джек обращается к близнецам, которые боятся его. В этом контексте слово *but* подразумевает угрозу со стороны говорящего по отношению к близнецам. Остановка на слове *but* несет другой оттенок в следующем примере: *Jack rushed towards the twins. 'The rest are making a line. Come on!'; 'But... we ...'; 'Come on! I'll creep up and stab –' The mask compelled the* [3, с. 81]. Здесь Ральф резко обрывает высказывание из-за его неуверенности в том, следует ли сообщать информацию.

Подведем итоги. Стилистический анализ позволил установить, что аллегоричность произведения достигается за счет таких стилистических приемов, как метафора, сравнение, персонификация и метонимия. Роман полон библейских аллюзий, которые изображают зло в человеке и, соответственно, демонстрируют читателю целый спектр эмоциональных состояний. Автор широко использует синтаксические приемы: параллельные конструкции, апозиопезис, инверсию, риторический вопрос, многосоюзие и бессоюзие. Использование данных синтаксических приемов является одним из самых ярких способов выражения эмоций и репрезентации эмоционального мира героев художественного произведения.

Роман У. Голдинга «Повелитель мух» является аллегорическим произведением, ставящим перед читателями философские проблемы бытия и вопросы, касающиеся развития современного общества. Метафоричность описанной У. Голдингом ситуации позволяет экстраполировать переживания его героев на все общество в целом.

Список литературы

1. Изард К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Питер, 2000.
2. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.
3. Golding W. *Lord of the Flies*. Moscow: Raduga Publishers, 2002.

* * *

1. Izard K.E. *Psikhologiya e'mocij* / Per. s angl. A.M. Tatly'baevoj. SPb.: Piter, 2000.
2. Shakhovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya e'mocij: Monografiya*. M.: Gnozis, 2008.

Verbalization of emotions in the novel «Lord of the Flies» by William Golding

The ways of verbalization of different emotional states of main characters in the novel «Lord of the Flies» by William Golding are considered. The verbalization of emotional states of characters is analyzed. The stylistic devices, serving for the emotions' transfer, are described.

Key words: *emotions, verbalization, emotive component, stylistic devices, emotive vocabulary.*

(Статья поступила в редакцию 04.05.2025).

В.П. МОСКВИН
Волгоград

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРИЛОЖЕНИЕ» В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Критически проанализированы трактовки категории приложения, уточнена дефиниция данного понятия, построена его история, уточнено понятие «аппозитивное сочетание», определен характер грамматической связи между приложением и определяемым словом.

Ключевые слова: *приложение; аппозитивное сочетание; грамматика; синтаксис; норма.*

Научная литература, связанная с категорией приложения (далее – П.), практически необозрима и продолжает расти; тем не менее учение о П. трудно назвать завершенным, т.к. существует ряд нерешенных вопросов. Сложности возникают уже при определении объема понятия П., ввиду чего специалисты сетуют на «несовместимость существующих определений приложения» [40, с. 153], на «путаницу, связанную с категорией приложения» [50, с. VIII], на то, что данный термин относится «к столь пестрой группе структур» [44, с. 13]. Прояснения требует история понятия П. (см. раздел 1), в уточнении нуждается понятие *аппозитивное сочетание* (раздел 2), комментарий с точки зрения нормы и с точки зрения грамматики требует характер связи между П. и определяемым словом (разделы 3 и 4).

Раздел 1. Объем и историческое развитие понятия *приложение*

Термин *приложение* как калька греч. *πρόσθεσις* введен в отечественную науку о языке М.Г. Смотрицким, в грамматике которого П. трактуется как «схема», т.е. фигура речи*, и помещено среди девяти синтаксических фигур. Наименования первых восьми снабжены церковнославянскими дублетами: *простесис / приложение; синекдоха / объятие; синдесис / сложение; зевгма / спряжение; силлиписис / осяжение; пролиписис / превзятие; антиптосис / местонадежие; эналлага / изменение, элинизм* [38, с. 453]. Простесис известен как препозитивное добавление звука к слову (*острый* → *вострый*), в противоположность афerezису [греч. *ἀφαίρεσις* ‘устранение’] – усечению начальной части слова (*Дмитрий* → *Митрий*) [57, с. 34, 36], но в контексте приведенной выдержки простесис следует понимать (по Аристотелю) как «уточнение, конкретизацию понятия» (*город Москва* вместо *город*), в противоположность афerezису как абстрагированию (*город* вместо *Москва*) [51, с. 646].

Как дублет термина *πρόσθεσις* приводится термин *appositio* ‘П.’ [56, с. 1928]. Объектами такого П. были две единицы: 1. Звук: напр., *appositio litterae* ‘П. буквы / звука’, как результатив: *littera apposita* ‘приложенные буква / звук’. П. звука к началу слова дает протезу, к концу – парагогу [55, с. 109]. 2. Слово: напр., *appositio nominis* ‘П. имени’, как результатив: *nomen appositum* ‘приложенное имя’. Квинтилиан приводит термин *appositum* как кальку греч. *ἐπίθετον* ‘приложенное’: «Иные же <тропы> не обозначению, но украшению, а не распространению речи служат, напр. эпитет (*ἐπίθετον*), кото-

* Ср.: «фигуры <...>...у греков схемами зовутся» [53, с. 86].

рый точнее приложением (appositum) именовать». Как примеры эпитетов даны: а) прилагательное: *белые зубы*; б) существительное: *Тот, кто Нуманцию и Карфаген разрушил, Сципион* [53, с. 81]. Данная дефиниционная традиция восходит к Аристотелю, который в качестве примеров эпитетов приводит а) имена прилагательные: *белое молоко*; б) имена существительные: «Так же и эпитеты: есть означающие низменное, позорное, напр. *матереубийца*, но есть и означающие лучшее, напр. *мститель за отца*» [45, с. 40, 42]. В настоящее время термин *эпитет* применяется в значении ‘декоративное прилагательное’, в научной литературе прошлых лет он встречается в широком, античном смысле: «Въ старинномъ и народномъ языкѣ приложѣніе весьма употребительно. Оно бываетъ двоякаго рода: или названіе предмета видовое при родовомъ, а также имя собственное при нарицательномъ; напр., *трость-дерево*, *Иорданъ рѣка*; или эпитетъ, выраженный существительнымъ: *Надежда-Государь*» [7, с. 243]. С другой стороны, термин *приложение* известен и в смысле ‘прилагательное-эпитет’: а) «девица, бо-сая (приложение), вышла на мороз» [28, с. 118]. В настоящее время предпочтительна узкая трактовка П. как «опредѣленія, выраженнаго въ формѣ существительнаго» [7, с. 27], исключающая разночтения.

Если считать П. двусторонней единицей (знаком), то с этой позиции неприемлемы трактовки П.: а) как типа грамматической связи: «П. – это согласование, при котором в отношении определяемого и определяющего вступают существительные» [5, с. 352]; «отождествление синтаксической функции (приложение) и вида синтаксической связи (согласование) вряд ли целесообразно ввиду их неоднородности» [34, с. 197]; б) вслед за М.Г. Смотрицким – как фигуры речи; в этом смысле в настоящее время применяется термин *уточнение* – «сужение, ограничение объема обозначаемого: второй член ряда более точно (узко) определяет то, что названо первым членом» [30, с. 176].

Раздел 2. Аппозитивное сочетание: к уточнению понятия

Комбинация П. и определяемого слова, в частности антецедента (препозитивного к П.), образует аппозитивное сочетание; видом последнего условимся считать аппозитивную бинарму, включающую однословное П.

1. Принято полагать, что «определение вообще неизвестно при личных местоимениях» [41, с. 309], в этой парадигме П. определяется как «второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным» [7, с. 243; 13, с. 352; 15, с. 185; 18, с. 451; 54, с. 1301]. Рассмотрим с этой точки зрения концепцию П., представленную в Русской грамматике: «При приложении в отношении определяемого и определяющего вступают существительные: *старушка Земля, художница-природа*» [42, §1820, с. 57]. Далее: «В предложении П. часто выступает с дальнейшими распространениями и обособляется; см. об этом § 2111, 2112, 2119» [42, § 1820, с. 58]. Но в §§ 2111, 2112, 2119 находим утверждения и примеры, вступающие в конфликт с дефиницией П., приведенной в § 1820 (См. также: [49]). «В полупредикативном субстантивном обороте существительное согласуется с именем-подлежащим. Препозитивный субстантивный оборот, относящийся к личному местоимению, имеет обстоятельственно-характеризующее значение – причинное (а) или уступительное (б): а) *Человек партии, я признаю только суд моей партии* (Горьк.); б) *Человек до революции консервативных взглядов, он изменился в революции* (Шкл.)» [12, § 2111, с. 58, 184]; 2) «Значительно ослаблено полупредикативное значение у субстантивных оборотов, находящихся в постпозиции по отношению к подчиняющему местоимению: *Он описан в статье, этот случай, и вошел в учебники* (журн.)» [12, § 2112, с. 184]; 3) «Поясняемое слово – личное местоимение; при этом имеет место согласование в числе и падеже (и, добавим, в роде. – В. М.): *Темь на земле, и видно ее далеко-далеко, родимую эту землю* (Залыг.)» [12, § 2119, с. 187]. Необходимы две поправки: а) роль определяемого слова в аппозитивном сочетании может играть не только имя существительное, но и местоимение: «Приложением выражаются аппозиционные отношения, возникающие между названиями субстанций и явлений,

следовательно, между существительными, а также между существительными и местоимениями» [41, с. 279]; б) если при имени существительном возможен любой тип П., то при местоимении – только обособленное, в противном случае происходит нежелательное сближение аппозитивного сочетания с предикативной единицей: *Человек партии, я...* → *Человек партии я...* (см. пункт 4); по этой же причине аппозитивные бинармы с необособленным П. исключают прономинальную субституцию (*зима-чародейка* → **она-чародейка*). Аппозитивные сочетания с катафорическим местоимением оцениваются как «не вполне естественные» [52, с. 23], что, на наш взгляд, обусловлено эффектом иллюизма.

2. Аппозитивные бинармы с необособленным присубстантивным П. проявляют тенденцию к вербализации: разг. *дед Мороза, Иван Ивановича, на Москва-реке, у тетя Вали*; в разговорной стилизации: *Андрюха Слесаренко и мы с дядь Саней* (В. Ремизов. Воля вольная, 2014); с голофразисом: *Там Мариванна, в злобе трепещи, // плюет в котел соседского борща, <...> // И Палпетрович выглядит колоссом* (А. Вергелис. Герцена, 14; 2018). В этих случаях аппозиция сближается со сложением как способом словообразования – источником сложносоставных слов типа *вагон-ресторан* (ср.: разг. *вагон-рестораном*). На то, что из аппозитивной бинармы «может возникнуть сложное слово (*князь-Петра, князь-Петру*)», указывал А.А. Потебня [29, с. 109], ранее – Ф.И. Буслаев, с констатацией препозитивного характера П.: «Приложения могут быть разсматриваемы, какъ первый членъ сложнаго слова» [7, с. 244].

Препозитивный характер несклоняемого П. подчеркивается регулярно. Так, А.А. Шахматов, комментируя выражения *князь Григорию, князь Петра*, отмечает, что они представляют собой «одно сложное слово, в них не различаются обе части, а потому первая из них не склоняется» [41, с. 288]. Менее категорично: «В случае наибольшей слитности П. (обычно препозитивное) теряет способность к падежному изменению и ведет себя как часть сложного слова: *царь-девица, жар-птица*» [14, с. 398]. Инверсия здесь действительно возможна, например, как ритмическая вольность: *Это, слышь ты, не пожар, Это свет от птицы-жар* (П. Ершов. Конек-Горбунук, 1834); *На деревне бабы – бой, Тыща слов в минуту* (В. Коростелева. Бабы, 2014). Позиционно не привязано несклоняемое П. *пай*: а) в препозиции: *пай-мальчик*; б) в постпозиции: *Сергей Михайлович был «мальчик-пай»* (В. Шкловский. Эйзенштейн, 1973).

Приобретение аппозитивной бинармой статуса сложного слова проявляется: а) в непроницаемости [25, с. 331]; б) в несклонении 1-го компонента; в) в ограничениях на перестановку компонентов; г) в способности играть роль производящей единицы [25, с. 130]: *И унес – бысролетней орла На широком жар-птичьем крыле* (Д. Андреев. Если ты просветлил свою кровь..., 1950). А.М. Пешковский, характеризуя выражения типа *бой-баба*, отмечает, что они «не допускают разделения и вставки прилагательных» [25, с. 331].

Объектом вербализации представляются аппозитивные сочетания частотного и разговорного характера [11, с. 130], стимулами – 1) закон речевой экономии; 2) ритмическая вольность: *Еще в пути Иван-царевичи, Еще они ко мне придут* (О. Фокина. Тот и счастлив, кто сорван..., 2003); 3) возможно – несовпадение склонений определяемого слова и П. (см. пункт 2.26, раздел 4): а) *плакун-травой, разрыв-траву, горе-охотника, царь-девицу, бой-бабы, бой-девкой, жар-птицей, чудо-печкой, чудо-ребенка*; б) *на Сапун-горе, на Фавор-горе, у Медведь-горы, Томь-рекой, у Сож-реки, по Тобол-реке, на Урал-реке, на Дунай-реке* [42, с. 59]. Склоняемость П. допустима здесь как ритмическая вольность: *Обернусь я, бедная, кукушкой, По Дунаю-речке полечу* (Слово о полку Игореве, пер. Н.А. Заболоцкого, 1946).

3. Аппозитивные сочетания рассматриваются в двух смыслах: 1) в широком – как включающие и монореферентные, и гетерореферентные номинации: а) *путь-дорога, бой-драка, род-племя*; б) *хлеб-соль, отец-мать* [7, с. 247–248], т.е. риторические пле-

оназмы (а) и двандва (б); 2) в узком – как монореферентные номинации: «К приложению не относятся соединения двух слов, называющие сложносоставный предмет и по своему строению, функциям, а иногда и по сочетаемости приближающиеся к слову: *хлеб-соль, пух-перо, разгрузка-погрузка, чашки-ложки, банки-склянки, чашки-блюда* ‘посуда’, *отец-мать, папы-мамы* (шутл.) ‘родители’, *руки-ноги* ‘конечности’, *гуси-утки* ‘птица’, *гуси-лебеди, дружки-приятели*» [42, с. 58], т.е. двандва (*хлеб-соль*), в частности риторические плеоназмы (*дружки-приятели*) и сочетания антонимов (*разгрузка-погрузка*). Еще М.Г. Смотрицкий определил аппозитивное сочетание (т.е. «два или множайшаа существителнаа») как «едину и тужде вещь знаменующаа / стицаемаа (*‘идушими рядом, параллельными’*, см. пункт 5.1. – В.М.) нами нарицаемаа» [8, с. 195; 36, с. 218; 38, с. 453; 54, с. 1301]. Если полагать, что компоненты аппозитивных сочетаний строго кореферентны, то на основании этого критерия из их состава следует исключить двандва, которые: 1) не допускают: а) устранения одного из компонентов: *пай-мальчик* → *Надеюсь, что ты пай и ведешь себя как большой послушный мальчик* (Письмо З.Н. Юсуповой Ф.Ф. Юсупову, 1893), но: *встречать хлебом-солью* → *встречать солью?*; б) экспликации параметра уточнения: *доцент Петров* → *доцент по фамилии Петров, повар Иванов* → *Иванов, повар по профессии*, но: *хлеб-соль* →?; в) ввода «аппозитивных маркеров» [54, с. 1307–1321]: вводных слов *иначе говоря, иными словами*, пояснительных союзов *то есть, а именно, или*: *река Волга* → *Волга, то есть река*, но: *хлеб-соль* → *хлеб, то есть соль?* г) замены прилагательным, причастным оборотом или придаточным предложением: *девушка-красавица* → *красивая девушка*, но: *хлеб-соль* →?; д) обособления: *повар Иванов* → *Иванов, повар*, но: *хлеб-соль* →?; е) замену аппозиции предикацией: *повар Иванов* → *Иванов – повар*, но: *хлеб-соль* →? (см. пункт 4); 2) допускают: а) ввод соединительных союзов *и, да* как принадлежности двандва*: *девушка-красавица* → **девушка и красавица*, но: *отец-мать* → *отец и мать*, *хлеб-соль* → *хлеб да соль*; б) подстановку обобщающего слова: *родители – отец и мать, угощение: хлеб да соль*. Ввиду отсутствия кореферентности сочетание однородных членов предложения с обобщающим словом не принято рассматривать как аппозитивное. В соответствии с альтернативной точкой зрения [19, с. 8; 31, с. 284] аппозитивными считаются такие, явно не кореферентные, структуры с соединительным союзом: *В этом деле в первый раз взяты трофеи: знамя, орудия и два неприятельские генерала* (Л. Толстой. Война и мир, 1869). Неоднозначны в этом плане риторические плеоназмы, т.е. сочетания синонимов (*путь-дорога, бой-драка*), допускающие, с одной стороны, ввиду сходства референтов, устранение одного из компонентов (*в путь-дорогу* → *в путь*), что сближает их с аппозитивными сочетаниями, с другой, ввиду неполной тождественности референтов, – ввод соединительных союзов, что сближает их с двандва: *Да спасут Боборыкина боги: Сбился он и с пути и с дороги* (Д. Минаев. Надпись к роману г. Боборыкина «В путь-дорогу!», 1863).

Рассмотрим с этой же точки зрения следующий перечень: «Существительные, связанные по принципу приложения, могут взаимоопределяться, варьируя и интенсифицируя значения друг друга: *ум-разум, путь-дорога, житье-бытье, род-племя, океан-море, друг-приятель, гуси-лебеди, сон-дремота, беда-досада, труды-заботы, буря-непогода, дым-туман, снег-пороша, выюга-метель, грусть-тоска, тоска-кручина, кручина-истомы, печаль-тоска, пир-беседа, утеха-забава, шум-гром, смешки-прибаутки, чудодиво*» [5, с. 353]. Трансформационный анализ показывает гетерореферентность некоторых единиц данного ряда: *гуси-лебеди* → *гуси и лебеди*, *труды-заботы* → *труды и заботы*. Отказ от критерия кореферентности, нередко сознательный [49, с. 154], приводит к включению в состав аппозитивных сочетаний (напр. лат. *Galliam provinciam* ‘провинция Галлия’) категории двандва (скр. *mātārāpitārā* ‘мать-отец’, греч. *ξφομάχαира* ‘меч и

* Ч. Хоккет справедливо полагает, что Джон и Билл (двандва) и поэт Бернс (аппозиция) — разные конструкции, не принадлежащие одному типу [48, с. 100].

сабля' и др.) [46, с. 1, 324], а значит, к неоправданному расширению понятия П.. Единство П. как грамматической категории и его специфику как особого вида определения составляет кореферентность с определяемым словом, т.е. статус дополнительного, уточняющего наименования референта. С этой точки зрения неприемлем следующий тезис: «Выделение приложения как разновидности определения либо самостоятельного второстепенного члена предложения, по нашему мнению, избыточно. Соответствующие словоформы с учетом их семантики и грамматической представленности целесообразно рассматривать в качестве согласованных или несогласованных определений» [34, с. 204].

4. Не вполне ясным представляется отношение П. к категории предикативности. По мысли А.А. Шахматова, «наличность в языке приложения стоит в прямой связи с возможностью употребления имен существительных как названий субстанций или явлений в качестве сказуемых» [41, с. 280]. П. и сказуемое действительно связаны, но лишь в трансформационном отношении: а) *Пришел брат. Брат – учитель (Пришел брат, который работает учителем / Пришел брат, работающий учителем)* → свертка: *Пришел брат-учитель*. В подобных случаях именная часть сказуемого производящей единицы становится приложением в производной, т.е. сказуемое и П. разделены деривационным шагом, а потому составлять единое понятие не могут. Правомерен вывод о том, что П. как свертка предикативной единицы служит целям компрессии, с этой точки зрения есть основание рассматривать П. как «свернутый предикат» [9, с. 295], «как бы неразвернутое придаточное предложение» [37, с. 245], «вторичное сказуемое» [2, с. 360], «вторичную предикацию», «краткую версию придаточного предложения» [49, с. 152, 161]. В свете сказанного целесообразно развести П. (*брат-учитель*) как вид определения и сказуемое, в частности второй именительный (*Брат был учитель*) как именную часть составного сказуемого. А.А. Потенция видел в таких структурах «составное П.» [29, с. 187–188], А.М. Пешковский – «сказуемое П.» [26, с. 21]. Возможность паразитарного сближения аппозитивного сочетания с предикативной единицей диктует облигаторную обособленность П. при местоимении (см. пункт 1 данного раздела).

5. Вызывает вопросы статус П. как части речи и члена предложения. П. обычно определяется: а) как имя существительное: «Приложением называется определение, выраженное именем существительным» [4, с. 37; 21, с. 548]; б) как согласованное определение: «в связь согласования вступают также существительные; это – так наз. П.» [42, с. 56]. Между тем известны два типа П.:

5.1. Согласованное П., которое действительно выражено существительным, уподобленным определяемому слову: 1) в падеже: *чародейкою-зимою, врачу Петрову*; 2) в числе: *воин-освободитель* и *воины-освободители*; 3) в роде. Для существительного падеж и число являются словоизменительными категориями, род – классифицирующей, поэтому: а) точнее говорить не о согласовании в роде («поскольку существительные не изменяются по родам, согласования по роду в данном случае быть не может» [39, с. 713]), а о выборе родового коррелята (в силу чего термин *согласование* используется нами применительно к категории рода условно); б) при согласовании в падеже и числе сложностей не возникает, но при выборе контекстуально уместного родового коррелята сложности появляются, для их преодоления применяются средства словообразования: *летчик-герой* и *летчица-героиня*.

Заметим, что согласование в падеже, точнее, «падежный параллелизм» [36, с. 208–209, 222] компонентов аппозитивного сочетания определяются синтаксической позицией главного слова: а) косвенные падежи – зависимой позицией: *Чародейкою Зимой Околдован, лес стоит* (Ф. Тютчев. Чародейкою Зимой..., 1852); б) именительный падеж – позицией подлежащего: *Вьется улица-змея* (В. Маяковский. Хорошо, 1927), т.к. П. «образует момент, равноправный подлежащему, к которому оно стоит в отношении не зависимости в собственном смысле, а параллелизма особого рода»

[24, с. 22]. Ни число, ни род от фактора позиции не зависят, поэтому о согласовании *sensu stricto* логично говорить в отношении лишь этих двух категорий.

Итак, грамматические связи внутри аппозитивного сочетания имеют разнонаправленный характер: если род и число П. диктуются главным словом, то падеж и главного слова, и П. – позицией главного слова в предложении. Такая разнонаправленность сближает П. с дуплексивами: согласование в роде и числе придает П. черты определения, падежный параллелизм с главным словом – сходство с подлежащим или дополнением (см. пункт 6.1).

5.2. Несогласованное П., в роли которого выступают:

5.2.1. Оним – «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов» [28, с. 91]: *на фрегате «Надежда», у князя Всеволода Большое Гнездо*. Ср.: «Приложение, заключающее в себя титуль, наименование какой либо вещи, напр. заглавие книги и т.п., полагается иногда в падежѣ именительномъ, хотя главное его имя поставлено в косвенномъ» [10, с. 242]. Назовем такой именительный падеж номинативом имени собственнo-го, последний утрачивает способность к участию в падежном параллелизме с определяемым словом, но сохраняет способность к согласованию с ним: а) в роде и числе: *наградить летчика Иванова* → *наградить летчика по фамилии Иванов*; б) в числе: *супругов Петровых* → *супругов по фамилии Петровы*. Применительно к случаям (а) и (б) принято говорить о неполном согласовании.

Оним, выступающий в роли несогласованного П., может быть представлен: 1) не только именем существительным (*журнал «Арион»*), но и единицей иной частеречной принадлежности: а) наречием (*газета «Вперед»*) или наречным фразеологизмом (*магазин одежды «Шиворот-навыворот»*); б) междометием (*магазин конной амуниции «И-го-го»*); в) звукоподражанием (*магазин пиротехники «Бабах»*); 2) единицей не только лексического, но и синтаксического уровня: а) словосочетанием: *крейсер «Память Азова»*; б) предложением (*компания «Вкусно – и точка», ресторан «Суши весла»*) или его фрагментом при именовании стихотворного текста по инципиту: *стихотворение А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...»*.

5.2.2. Количественные словосочетания: так, «в роли приложения при имени в форме им. или вин. п. может выступать сочетание с количественным числительным: ... *синоптики обещают ветер семь метров в секунду* (радио). При этом отмечается неизменяемость такого сочетания» [42, с. 58]; с этой же позиции выражение *номер пять* в сочетании *дом номер пять* следует рассматривать как несогласованное П.: «Слово *номер* является П.: *он живет в доме номер восьмой*» [41, с. 309].

Если обобщить случаи (5.1) и (5.2), то П. логично трактовать как определение, выраженное аппеллятивом (*чародейка-зима, врач Иванов*), аппеллятивным (*дом номер пять*) либо нумеративным (*ветер семь метров в секунду*) словосочетанием или онимом (*журнал «Арион», газета «Вперед», пиццерия «Тук-тук», крейсер «Память Азова», компания «Вкусно – и точка»*).

6. Еще А.А. Шахматов отметил: «Нередко представляется затруднительным решить, которое из двух сочетавшихся для выражения одного представления слов является господствующим и которое зависимым от него, т.е. приложением: *напишите исправнику Сундукову...* Признаем ли мы *исправнику* приложением? или же *Сундукову* мы прибавили в виде разъяснения этого представления? Несомненно, возможна и та, и другая точка зрения» [41, с. 39]. С этой позиции слишком жестким может показаться следующее правило: «Въ наименованіи лицъ приложеніемъ бываетъ имя нарицательное; а въ наименованіи прочихъ предметовъ – собственное; напр. въ предложеньяхъ: “*рѣка Дунай глубока*”, “*живописецъ Рафаэль былъ геніальный человекъ*”, слова *Дунай* и *живописецъ* – приложенія» [7, с. 27]. Но антропоним диктует аппеллятиву род (*Иванов* → *летчик*, *Иванова* → *летчица*), в силу чего приложением является аппеллятив, в то

время как имя собственное предмета (*Волга* → *река*, *Дунай* → *река*) неспособно ни диктовать такой выбор, ни поддерживать падежный параллелизм (*по реке Дунай*), в связи с чем именно оно считается приложением. С точки зрения актуального членения, прав А.А. Шахматов; с точки зрения грамматики, – Ф.И. Буслаев. С обозначенной позиции могут получить пояснение две противоположные трактовки: 1) «К приложениям относятся все определения – названия лица (*и животного?* – В.М.) собственным именем: *девочка Оля, мальчик Петя, тетя Катя, дядя Ваня, собака Шарик, боец Дорофеев, моя соседка Петренко*» [42, с. 59; 22, с. 378], здесь можно было бы исходить из того, что оним по самой своей природе «призван давать вторичное название, дополнительную характеристику» [34, с. 204], но оним зачастую сам нуждается в пояснении ввиду неоднозначности: *Москва – город (река, ресторан, кинотеатр...)*, неясности: *Бастунджи – аул* и т.п.; 2) «При сочетании нарицательных и собственных имен существительных приложением является нарицательное существительное, если имя собственное называет лицо: *Врач Петрова пришла*» [3, с. 216]. С точки зрения (1), подлежащим в предложении *Пришла врач Петрова* будет слово *врач*, с точки зрения (2) – *Петрова*. Точка зрения (2) отвечает концепции Ф.И. Буслаева, вариативность точек зрения (1) / (2) – концепции А.А. Шахматова.

6.1. Поскольку П. по отношению к главному слову выполняет роль определения, трудно принять концепции: а) А.А. Шахматова, видевшего в предложениях типа *Пришла врач Петрова* только «слитное подлежащее» [41, с. 175–177]; б) А.М. Пешковского, видевшего здесь только «параллельные подлежащие» [27, с. 173], в предложениях же типа *Вызвали врача Петрову* – только «параллельные дополнения» [27, с. 172].

По мнению Е.С. Скобликовой, «нет оснований разграничивать определяемое и определяющее, а соответственно – два члена предложения» в «сочетаниях фамилий с препозитивными необособленными нарицательными наименованиями, обозначающими лиц по их должности или профессии» [36, с. 222]; с этой позиции подлежащим в предложении *Пришла врач Петрова* будет сочетание *врач Петрова*. Данная позиция неприемлема, поскольку компоненты аппозитивного сочетания обладают статусом разных членов предложения: а) главное слово – статусом подлежащего или дополнения; б) П. – статусом определения. По этой же причине трудно принять концепцию исследователей, полагающих, что антецедент и П. в аппозитивном сочетании *Вошел Джон Смит, мясник* «выполняют одну и ту же синтаксическую функцию» [47, с. 54].

Раздел 3. Связь между приложением и определяемым словом с точки зрения нормы

Не вполне ясны: 1) состав параметров согласования П. с определяемым словом; 2) оценка нарушений в сфере согласования. Еще Н.И. Греч отметил: «Приложение согласуется съ существительнымъ въ падежѣ, но въ числѣ и родѣ можетъ разниться» [10, с. 235]. Ср.: *Мой крута гора высокая, крепка стена бѣлокаменна, ты родитель мой батюшко* (Народная песня) [7, с. 243]. Такие нестыковки следует квалифицировать как случаи анаколута – объединения грамматически несовместимых компонентов. Несовместимость наблюдаем: 1) в числе: *город Ливны*; с распространением на контекст, например, на сказуемое, что делает анаколут заметнее: «Градъ Ливны стоитъ на рѣкѣ на Соснѣ» [7, с. 243], на сказуемое и определение: *деревня Дубровка вся сгорела* [25, с. 330]; 2) в роде: *Киев, мать городов русских*; с распространением на контекст, например, на определение: *Уважаемый товарищ Петрова!* Контекстуально развернутый анаколут зачастую бывает нарочитым: *подвернувшийся под руку птица, // не хранитель мой ангел, а так* (Б. Рыжий. Не во гневе, а так, между прочим..., 2000); *Собака Шарик заявил коту Босе, что очень устал от ремонта* (А. Соколов. Кот Бося в Санкт-Петербурге, 2021). Анаколут может приобретать привычный характер, в этом случае можно говорить об обиходных анаколутах типа *царь-пушка*. О том, что даже обиходный анаколут доступен для языкового чутья как языковая аномалия, свидетель-

ствуют попытки его устранения: *Царь-колокол лежит, царица-пушка не стреляет, И сорок сороков без умолку гудят* (Н.А. Некрасов. Дружеская переписка Москвы с Петербургом, 1859).

Если принять во внимание тот факт, что П., во избежание анаколуфа, согласуется с определяемым словом не только в числе, но и в роде, причем для достижения этой цели активно применяются средства словообразования (*летчики-герои* и *летчицы-героини*), то: а) признать такое уподобление простым «совпадением» [27, с. 171; 36, с. 206] становится трудно; б) приобретает актуальность вопрос о способах согласования П. с определяемым словом. Таковыми являются: а) выбор уместного родового коррелята; б) производство нужного родового коррелята (при отсутствии его в лексиконе языка) средствами словообразования, что не всегда возможно. Ср.: неблагозв. *хиружка*, ассоциативно отягощенное *геологиня* (~ *богиня*), пренебр. *врачиха*. В случаях отсутствия в лексиконе необходимого имени существительного женского рода или возможности образовать такое имя существительное возникает вынужденный анаколуф, зачастую контекстуально развернутый: *Пришла наша врач Иванова*. При узуальной востребованности такие анаколуфы переходят в разряд обиходных.

Анаколуф нередко игнорирует согласование в роде и числе, отсюда вывод об отсутствии согласования П. по этим двум параметрам: «По отношению к существительному нельзя говорить даже о возможности регулярного уподобления в роде и числе» [5, с. 352; 36, с. 210;]. Ср. менее категорично: «Обычно П., в том числе и обособленное, согласуется с определяемым словом в падеже: у *студента-филолога*; с *героинями-летчицами*» [32, с. 592] (но в приведенных примерах наблюдаем согласование в падеже, роде и числе).

Случаи вынужденного, обиходного (*дерево паслен*) и нарочитого (*земля-старик*) анаколуфа многочисленны; ввиду этого неоспоримого факта следует, видимо, говорить не о согласовании П. с определяемым словом в роде и числе как облигаторной процедуре, а об интенции к такому согласованию. Вместе с тем преуменьшать роль такой интенции нецелесообразно, поскольку даже обиходный анаколуф ощущается как факт декорреляции, что подтверждают случаи его игрового подчеркивания: *Это дерево-паслен, он на части разделен: // тут кусточки, тут листочки, тут белесые цветочки. // Дома дерево болел, чуть едва не околел, // но на даче постарался и опять зазеленел* (А. Левин. Буколюшки на переезд с дачи, 2009). С обозначенной позиции предпочтительны более осторожные трактовки: «Приложением называют определение, выраженное существительным, которое согласуется с определяемым словом в падеже, реже в роде и числе» [18, с. 133; 33, с. 20; 43, с. 287].

Раздел 4. Связь между приложением и определяемым словом с точки зрения грамматики

Вопросы вызывает вид грамматической связи между компонентами аппозитивного сочетания. Типовая трактовка гласит: «П. – определение, выраженное существительным, которое согласуется с определяемым словом в падеже» [1, с. 180]. Данная дефиниционная традиция восходит к М.Г. Смотрицкому: компоненты аппозитивного сочетания «кроме союза в том же падеже взаимь себѣ припргаются» [38, с. 453–454]. Ср.: «Существительные сопряженные, к одной вещи надлежащие, падежом согласные, родом и числом различествовать могут» [17, с. 555]. Дефиниции данного типа логически уязвимы, причем не только потому, что они «не позволяют адекватно охарактеризовать выделенные компоненты (*т.е. П., выраженные номинативом имени собственного. – В. М.*) в сочетаниях типа *из газеты «Известия», у Владимира Красное Солнышко, у озера Ладога*, которые вряд ли могут быть квалифицированы в качестве согласованных определений» [34, с. 199], но и потому, что за пределами таких дефиниций оказываются П., выраженные наречием, междометием, звукоподражанием, предложением или (в литературных артонимах) его частью и т.д. Чтобы приблизиться к точной

картине, следует учесть концепции, согласно которым компоненты аппозитивного сочетания связаны не одним, а двумя типами подчинения:

1. Согласованные П. (см. раздел 2, пункт 5.1) связаны с главным словом согласованием, иногда дефектным (при родовом и числовом анаколуфе).

2. Несогласованные П. (см. раздел 2, пункт 5.2) связаны с определяемым словом примыканием: так, А.М. Пешковский в сочетаниях типа *член общества «Долой неграмотность»* видел примыкание [6, с. 54; 14, с. 398; 25, с. 330; 40, с. 75]. Поскольку в роли примыкающего П. может выступить не только имя существительное, но и лексика иной частеречной принадлежности, а также предложение, постольку не кажется точной рекомендация, ограничивающая несогласованное П. именным примыканием: «при отсутствии уподобления в падеже обоих существительных во всей их парадигме (*озеро Байкал, шоу «Голос», писатель по фамилии Паустовский, пес по кличке Рыжик*) синтаксическая связь может быть охарактеризована как падежное (именное) примыкание» [34, с. 204]. Не представляется точным и следующий тезис: «Условно отнесение к приложениям существительных – названий газет, журналов, учреждений, транспортных средств и т.п., согласующихся с определяемым существительным только в именительном падеже» [14, с. 398]. Согласование в падеже здесь увидеть трудно: *фрегат «Надежда», фрегату «Надежда»* и др.

2.1. Обороты типа *по имени* нередко трактуются как предлоги с «управляемым номинативом» [13, с. 9; 36, с. 221]: *по имени Иван*. Такие выражения образуются на основе аппозитивных сочетаний по схеме *имя Иван* → *по имени Иван*, т.е. слова *имя* и *Иван* связаны примыканием, а не управлением.

2.2. В разряд несклоняемых П. переходят, приобретая форму номинатива имени собственного: а) топонимы *pluralia tantum* – во избежание числового анаколуфа: *в городе Вологде, но: в городе Великие Луки*; б) некоторые топонимы, род которых не совпадает с родом определяемого слова, – во избежание родового анаколуфа: *по реке Волге, но: по реке Дунай, на реке Дон*.

2.3. Несклоняемость П. а) подчеркивает его статус как онима: *на улице Большая Полянка*; б) снижает возможность инотолкования: *в городе Чугуев Харьковской обл. и в селе Чугуево Иркутской обл.* По причине (б) в период Великой Отечественной войны «не склонялись такие фамилии, склонение которых могло повести к двусмыслице и ненужным ассоциациям»: *Танкисты генерала Орел повернули на северо-запад* (Известия, 1.08.44) [20, с. 104].

2.4. Ввиду причин (2.2) и (2.3) онимы в функции П. обнаруживают тенденцию к несклоняемости в специальной речи [31, с. 285]: *орбита планеты Марс, правительство Республики Адыгея*. Традиция несклонения таких онимов восходит к периоду Великой Отечественной войны, когда «в официальных военных и информационных документах (особенно начиная с 1943 г.) – по мотивам стремления к точности и недвусмысленности – наметилась тенденция не склонять собственные географические названия»: *Две сильные группировки сосредоточены в районе Боковский* [20, с. 105].

Факт связи компонентов аппозитивного сочетания двумя типами подчинения не всегда принимается во внимание: «П. – это определение, которое выражается именем существительным, стоящим в той же форме, что и главное слово, и носит уточняющий характер»: *пароход «Тургенев», газета «Моряк»* [23, с. 86, 87], но приведенные примеры не соответствуют определению: *парохода «Тургенев», пароходом «Тургенев»* (несогласованное П. «стоять в той же форме, что и главное слово», не может). Тип грамматической связи П. с определяемым словом иногда характеризуют как аппозицию: «Связь П. с определяемым словом точнее было бы называть не согласованием, а аппозицией» [16, с. 452; 35, с. 14], но характеристика связи П. (аппозитива) и определяемого слова в составе аппозитивного сочетания как «аппозиции» содержит паралогизм *idem per idem* и не проясняет сложную природу такой связи.

Список литературы

1. Акимов Г.Н., Алаторцева С.И., Белоусов В.Н. и др. Современный русский литературный язык / Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. В 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2010.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. 5–9 классы. 20-е изд. М.: Дрофа, 2011.
4. Бархударов С.Г., Крючков С.Е. Учебник русского языка. Ч. 2. Синтаксис: для 6 и 7 классов средней школы. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1959.
5. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989.
6. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977.
7. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксисъ. М.: Тип. Т. Рис, 1881.
8. Востоковъ А. Русская грамматика. 6-е изд., испр. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1844.
9. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
10. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. 2-е изд., испр. СПб.: Н.И. Греч, 1834.
11. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Наука; Флинта, 2004.
12. Ицкович В.А. Обособление распространяющих членов предложения // Русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 180–188.
13. Клобуков Е.В. Переходные процессы в образовании служебных частей речи (предлоги как продуктивный класс лексем) // Вопросы функциональной грамматики / Под ред. М.И. Коношечевич. Вып. 4. Гродно: ГрГУ, 2001. С. 3–13.
14. Кручинина И.Н. Приложение // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 398–399.
15. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004.
16. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В. Современный русский язык. 4-е изд. М.: Дрофа, 2007.
17. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
18. Максимов В.И. Грамматический справочник: традиционно-системное и функционально-системное описание русской грамматики. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2015.
19. Малахов А.С. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях: автореф. ... канд. филол. наук. Владимир, 2009.
20. Миртов А.В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1953. № 4. С. 99–108.
21. Михайлова М.С. Приложение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 548–549.
22. Михайлова М.С. Приложение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 378–380.
23. Николина Н.А., Шаповалова Т.Е., Леденева В.В. и др. Современный русский язык: В 3-х т. / Под ред. С.М. Колесниковой. Т. 3. Синтаксис. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
24. Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксисъ русскаго языка. СПб.: Издание О.Л. Овсянко-Куликовской, 1912.
25. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001.
26. Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. 3-е изд. М.: Лит.-Изд. Отд. Нар. Комиссариата по Просвещению, 1918.
27. Пѣшковскій А.М. Русскій синтаксисъ в научномъ освѣщеніи. М.: Тип. В.М. Саблина, 1914.
28. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
29. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного / Ред. В.И. Борковский. М.: Просвещение, 1968. С. 5–380.
30. Прияткина А.Ф. Сочинительные связи внутри простого предложения // Русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 166–176.

31. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. 5-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1987.
32. Розенталь Д.Э. Универсальный справочник по русскому языку. М.: Мир и образование, 2017.
33. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985.
34. Сидорова Е.Г. Аппозитивные сочетания в русском языке: объем понятия и синтаксическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Т. 23. 2024. № 3. С. 195–207.
35. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М.: Высшая школа, 1980.
36. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971.
37. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957.
38. Смотрицкий М. Грамматикѣ Славѣнскиѣ правилное сѣнтагма. Евѣе, 1619.
39. Федосюк М.Ю. Согласование // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 713–714.
40. Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке. М.: Просвещение, 1980.
41. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е.В. Клобукова; Ред. и коммент. Е.С. Истоминой. 3-е изд. М.: УРСС, 2001.
42. Шведова Н.Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания // Русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 13–82.
43. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. М.: Русский язык, 1993.
44. Acuña Fariña J.C. The puzzle of apposition. Santiago de Compostela, 1996.
45. Aristotle. The Rhetoric. Vol. III. Cambridge, 1877.
46. Bauer B.L.M. Nominal apposition in Indo-European. Berlin & Boston, 2017.
47. Getsov A., Velikova S. Metalanguage issues in the analysis of the appositional construction // Research result. Theoretical and applied linguistics. Vol. 7. 2021. № 1. P. 49–69.
48. Hockett Ch. Attribution and apposition // American speech. Vol. 30. 1955. № 2. P. 99–102.
49. Loock R. Appositive relative clauses in English. Amsterdam & Philadelphia, 2010.
50. Meyer Ch.F. Apposition in contemporary English. Cambridge, 1992.
51. Meyer J.B. Index Aristotelicus // Aristotelis opera. Vol. 5. Berolini, 1870. P. 23–873.
52. O'Connor K.M. Aspects de la syntaxe et de l'interprétation de l'apposition à antécédent nominal. Thèse présentée en vue de l'obtention du grade de docteur. Lille, 2008.
53. Quintilianus M.F. Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. 2. Lipsiae, 1854.
54. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. Index by D. Crystal. London & New York, 1985.
55. Sancti Isidori, Hispalensis episcopi, Etymologiarum libri XX // Sancti Isidori, Hispalensis episcopi, Opera omnia / Rec. F. Arevalo. T. III. Parisiis, 1878. P. 73–727.
56. Stephanus H. Thesaurus linguae Graecae. Vol. III. Parisiis, 1847.
57. Τρύφωνος. Πάθη λεξέων // Museum criticum or, Cambridge classical researches / Ed. J. Smith. Vol. I. Cambridge, 1814. P. 33–42.

* * *

1. Akimova G.N., Alatorceva S.I., Belousov V.N. i dr. Sovremenny`j russkij literaturny`j yazy`k / Pod red. V.G. Kostomarov i V.I. Maksimova. V 2 ch. Ch. 2. M.: Yurajt, 2010.
2. Ahmanova O.S. Slovar` lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1966.
3. Babajceva V.V., Chesnokova L.D. Russkij yazy`k. 5–9 klassy`. 20-e izd. M.: Drofa, 2011.
4. Barhudarov S.G., Kryuchkov S.E. Uchebnik russkogo yazy`ka. Ch. 2. Sintaksis: dlya 6 i 7 klassov srednej shkoly`. 6-e izd. M.: Uchpedgiz, 1959.
5. Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N. i dr. Kratkaya russkaya grammatika / Pod red. N.Yu. Shvedovoj i V.V. Lopatina. M.: Russkij yazy`k, 1989.
6. Beloshapkova V.A. Sovremenny`j russkij yazy`k. Sintaksis. M.: Vy`sshaya shkola, 1977.
7. Buslaev` F.I. Istoricheskaya grammatika russkago yazy`ka. Sintaksis`. M.: Tip. T. Ris, 1881.
8. Vostokov` A. Russkaya grammatika. 6-e izd., ispr. SPb.: Tip. Imp. Ros. akad., 1844.
9. Gak V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy`ka. M.: Dobrosvet, 2000.
10. Grech N.I. Prakticheskaya russkaya grammatika. 2-e izd., ispr. SPb.: N.I. Grech, 1834.

11. Zemskaya E.A. Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. M.: Nauka; Flinta, 2004.
12. Iczkovich V.A. Obosoblenie rasprostranyayushhih chlenov predlozheniya // Russkaya grammatika / Red. N.Yu. Shvedova. T. 2. M.: Nauka, 1980. S. 180–188.
13. Klobukov E.V. Perehodny'e processy v obrazovanii sluzhebny'h chastej rechi (predlogi kak produktivny'j klass leksem) // Voprosy funkcional'noj grammatiki / Pod red. M.I. Konyushkevich. Vy'p. 4. Grodno: GrGU, 2001. S. 3–13.
14. Kruchinina I.N. Prilozhenie // Yazy'koznanie: Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya, 1998. S. 398–399.
15. Lekant P.A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke: Ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Vy'sshaya shkola, 2004.
16. Lekant P.A., Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Klobukov E.V. Sovremenny'j russkij yazy'k. 4-e izd. M.: Drofa, 2007.
17. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950–1983. T. 7: Trudy po filologii. 1739–1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 389–578.
18. Maksimov V.I. Grammaticheskij spravocnik: tradicionno-sistemnoe i funkcional'no-sistemnoe opisanie russkoj grammatiki. 3-e izd. SPb.: Zlatoust, 2015.
19. Malahov A.S. Vidy grammaticheskoy svyazi v appozitivny'h sochetaniyah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladimir, 2009.
20. Mirtov A.V. Iz nablyudenij nad russkim yazy'kom v e'pohu Velikoj Otechestvennoj vojny' // Voprosy yazy'koznaniya. 1953. № 4. S. 99–108.
21. Mihajlova M.S. Prilozhenie // Russkij yazy'k. E'nciklopediya / Gl. red. A.M. Moldovan. 3-e izd., pererab. i dop. M.: AST-PRESS ShKOLA, 2020. S. 548–549.
22. Mihajlova M.S. Prilozhenie // Russkij yazy'k. E'nciklopediya / Gl. red. Yu.N. Karaulov. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossijskaya e'nciklopediya; Drofa, 1997. C. 378–380.
23. Nikolina N.A., Shapovalova T.E., Ledeneva V.V. i dr. Sovremenny'j russkij yazy'k: V 3-h t. / Pod red. S.M. Kolesnikovoj. T. 3. Sintaksis. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2020.
24. Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Sintaksis russkago yazy'ka. SPb.: Izdanie O.L. Ovsyaniko-Kulikovskoj, 1912.
25. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. 8-e izd., dop. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury, 2001.
26. Peshkovskij A.M. Shkol'naya i nauchnaya grammatika. 3-e izd. M.: Lit.-Izd. Otd. Nar. Komissariata po Prosveshheniyu, 1918.
27. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. M.: Tip. V.M. Sablina, 1914.
28. Podolskaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii / Otv. red. A.V. Superanskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988.
29. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike: V 4-h t. T. III. Ob izmenenii znacheniya i zamenah sushhestvitel'nogo / Red. V.I. Borkovskij. M.: Prosveshhenie, 1968. C. 5–380.
30. Priyatina A.F. Sochinitel'ny'e svyazi vnuti prostogo predlozheniya // Russkaya grammatika / Red. N.Yu. Shvedova. T. 2. M.: Nauka, 1980. S. 166–176.
31. Rozental' D.E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazy'ka. 5-e izd., ispr. M.: Vy'sshaya shkola, 1987.
32. Rozental' D.E. Universal'ny'j spravocnik po russkomu yazy'ku. M.: Mir i obrazovanie, 2017.
33. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravocnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlya uchitelya. M.: Prosveshhenie, 1985.
34. Sidorova E.G. Appozitivny'e sochetaniya v russkom yazy'ke: ob'em ponyatiya i sintaksicheskaya harakteristika // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy'koznanie. 2024. T. 23. № 3. S. 195–207.
35. Sirotnina O.B. Lekcii po sintaksisu russkogo yazy'ka. M.: Vy'sshaya shkola, 1980.
36. Skoblikova E.S. Soglasovanie i upravlenie v russkom yazy'ke. M.: Prosveshhenie, 1971.
37. Smirniczkij A.I. Sintaksis anglijskogo yazy'ka. M.: Izd-vo lit-ry na inostr. yazy'kah, 1957.
38. Smotriczkij M. Γραμματικὴ Slavénskia právilnoe svntarma. Ev'e, 1619.
39. Fedosyuk M.Yu. Soglasovanie // Russkij yazy'k. E'nciklopediya / Gl. red. A.M. Moldovan. 3-e izd., pererab. i dop. M.: AST-PRESS ShKOLA, 2020. S. 713–714.
40. Chesnokova L.D. Svyazi slov v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Prosveshhenie, 1980.

41. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazy'ka / Vstup. st. E.V. Klobukova; Red. i komment. E.S. Istominoj. 3-e izd. M.: URSS, 2001.
42. Shvedova N.Yu. Podchinitel'ny'e svyazi slov i slovosochetaniya // Russkaya grammatika / Red. N.Yu. Shvedova. T. 2. M.: Nauka, 1980. S. 13–82.
43. Shelyakin M.A. Spravochnik po russkoj grammatike. M.: Russkij yazy'k, 1993.

To the clarification of the concept «apposition» in Russian grammar

The interpretation of the category «apposition» is critically analyzed. The definition of the concept is specified, its history is built. The concept «appositive combination» is defined. The nature of grammatical connection between apposition and defined word is described.

Key words: *apposition, appositive combination, grammar, syntax, norm.*

(Статья поступила в редакцию 15.04.2025).

Е.В. КУЗНЕЦОВА
Волгоград

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ТЕЛА И ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА
В ДИАЛЕКТАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рассматриваются наименования головы и тела человека, в основе значения которых лежит метафорический перенос. Анализируются способы формирования значений рассматриваемых лексем, структурно-семантические особенности и этимология отдельных единиц. Делаются выводы об основных направлениях развития соматической лексики в диалектах региона.

Ключевые слова: *диалектология, лексический атлас, диалектная лексика, диалектизм, соматическая лексика, диалектная метафора, метонимия.*

Познание человеком окружающей физической действительности начинается с познания себя, своего тела. Этим определяется антропоцентризм картины мира человека, в том числе и языковой. Первичным, по мнению исследователей, в развитии человека (как при онтогенезе, так и при антропогенезе) является отношение к своему телу как к функционирующему устройству, где каждая часть тела, орган, отвечают за ту или иную функцию, способность, ощущение [9]. Можно предположить, что наименования частей тела человека по их функции являются первичными в языке, тогда как номинации, в основе мотивации которых лежат иные принципы (например, внешний вид, фи-

зические свойства) развиваются позже. Однако языковой материал показывает, что не все так прямолинейно и однозначно.

Территориальные диалекты, бытующие в устной форме, – индикаторы изменений, происходящих в языке в целом. Поскольку язык является отражением сознания его носителей, лексика территориальных диалектов позволяет «в реальном времени» увидеть актуальные тенденции языка, отследить изменение целей и ценностей человека.

Материалом настоящего исследования послужила диалектная лексика, зафиксированная на двух картах электронного Лексического атласа Волгоградской области [4]: 1001 «Тело человека» и 1015 «Голова». Мы анализируем только те лексемы, в основе значений которых лежит метафорический и метонимический перенос.

Метафорические наименования, вынесенные в заголовок статьи, понимаются в широком смысле, рассматриваются и метафорический, и метонимический переносы [5, с. 12]. Такой подход обусловлен тем, что путь формирования диалектного значения некоторых слов невозможно объяснить только метафорой или только метонимией, или синекдой. В некоторых словах эти способы совмещаются. Собственно диалектные метафорические наименования – это по сути своей слова, которые при сравнении их с литературными эквивалентами обнаруживают семантическое диалектное различие, т.е. это семантические диалектизмы (*торс* ‘тело человека’, *шарабан* ‘голова’) и собственно лексические диалектизмы, корни которых есть в литературном языке с иным значением (*колбашка* ‘голова’). Однако следы метафорического переосмысления фиксируются не только при сопоставлении общерусского и собственно диалектного слов, такое переосмысление выявляется и между семантическими вариантами диалектизмов (например, *макитра* в диалектах ‘большой широкий горшок для растирания мака’ и ‘голова’).

При исследовании лексики диалектов Волгоградской области мы придерживаемся недифференцированного подхода, т.е. рассматриваем все зафиксированные на картах атласа лексемы: общерусскую лексику, диалектно-просторечные слова и собственно диалектную лексику. Недифференцированный подход к анализу лексики диалектов позволяет отслеживать семантическое варьирование общерусской лексики в современных диалектах. Границы диалектной и просторечной лексических систем размыты, при анализе синхронного среза лексической системы современных говоров фиксируется много переходных и смежных явлений.

Такие примеры видим на карте 1001 «Тело человека». Общерусские лексемы *туловище* (ср. с значением в литературном языке* (*далее – лит.*): ‘тело человека или животного без головы и конечностей’), *торс* (*лит.* ‘туловище человека’), *стан* (*лит.* ‘туловище, корпус человека’), *плоть* (*лит.* ‘организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях’) при наименовании в говорах тела в целом реализуются в семантических вариантах метонимического характера (наименование целого по части). Перед нами примеры подвижности языка, доказательство живых процессов, происходящих в нем. Возникает вопрос о статусе таких лексем: это семантические варианты общерусских лексем или диалектные единицы? По сути это вопрос чисто теоретического характера, абсолютно не волнующий носителей диалектов. В их речи лексически единицы полностью выполняют и функцию номинации, и функцию оценки.

На анализируемой карте 1015 «Голова» электронного атласа зафиксировано большое количество диалектно-просторечных метафорических наименований, тогда как на карте 1001 «Тело человека» их нет, только собственно диалектные метафоры.

Условно все слова, называющие голову человека, можно разделить на несколько групп по типу переноса, а также по объекту сопоставления.

* Здесь и далее, если не указано иное, все значения слов в русском литературном языке даются по «Словарю русского языка» в 4-х томах под. ред А.П. Евгеньевой [7].

В первой группе отметим лексемы, в основе значения которых лежит метафорический перенос, указывающий на сходство головы человека с каким-либо сосудом. Это следующие диалектно-просторечные единицы. *Котелок* (метафора, лит. 'небольшой металлический сосуд с ручкой и глубокой крышкой, употребляемый в полевых условиях'), *чайник* (метафора, лит. 'сосуд с ручкой и с носиком для заварки чая или для кипячения воды'), *калган* (метафора, ср. у В. Даля: *колган* 'грубой выделки посуда, разного вида' [1, II: с. 135]). Сюда же условно можно отнести лексему *шарабан* (метафора, лит. 'открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов'), поскольку речь также идет о полой объекте, в котором может быть некое содержимое. Такой же перенос видим и в собственно диалектных наименованиях. *Кадушка* – семантический диалектизм, в основе значения которого также лежит сравнение головы с сосудом и его содержимым, поскольку в литературном языке *кадушка* – 'небольшая кадка'.

В Быковском районе Волгоградской области зафиксировано слово *колбяшка*, которое, видимо, образовалось от *колба* 'стеклянный сосуд для химических работ (обычно шаровидной или конической формы) с длинным горлышком' (снова метафора, сравнение с сосудом) при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-ашк(а)* (как в *кудряшка*, *мордашка*, *дурашка*). Перед нами результат диалектного словообразования и семантического переосмысления одновременно (т.е. собственно лексический диалектизм).

Еще одним примером сравнения головы человека с сосудом является лексема *кубган*. Это, по данным этимологического словаря М. Фасмера, видоизмененное в диалектах тюркское заимствование *кумган* 'большой металлический кувшин' [10, II: с. 415], с тем же значением лексему *кумган* отмечает в словаре В. Даль [1, II: с. 217]. Диалектные лексемы *кубыня* и *кубышка* образованы от слова *кубан* 'большая крынка', которое с пометой «казачье» также фиксирует В. Даль [1, II: с. 209]. В. Даль считает слова *кубан* и *кубган* родственными, упоминая их в одной словарной статье.

Макитра со значением 'голова' сравниваем с упоминаемым в Словаре В. Даля диалектным словом *макитра* 'большой, широкий горшок, в коем трут мак, табак' [1, II: с. 291].

Во вторую группу объединим лексемы, которые сравнивают голову человека с верхней частью какого-либо строения, здания или другого объекта (метафорический перенос). Это следующие диалектно-просторечные единицы. Значение существительного *башня* основано на метафоре и указывает на сходство в расположении головы человека и башни здания (лит. 'высокое строение круглой, четырехгранной или многогранной формы, стоящее отдельно или являющееся частью здания'). Лексемы *компол* (*кумпол*, *кумпул*) отсылают к общерусскому слову *купол* (лит. 'сферическая крыша, наружный свод строения'). По данным этимологов слово *купол* заимствовано через немецкое *Kuppel* 'купол' из французского или итальянского языков и имеет латинскую основу *cup(r)ula* 'небольшая бочка'. М. Фасмер также упоминает, что вариант *кумпол* со значением 'купол' употребляется в диалектах русского языка [10, II: с. 421]. «Исторический словарь галлицизмов русского языка» отмечает, что вариант *компол* употребляется в просторечии как пренебрежительное обозначение головы человека [2]. Существительное *чердак* (лит. 'помещение между потолком и крышей') также метафорически указывает на расположение головы в верхней части тела. К этой же группе условно отнесем существительное *чакан*. Значение 'голова' у слова *чакан* сформировалось путем метафорического переноса, как сравнение с растением *чакан* 'травянистое тростниковое растение семейства рогозовых; рогоз'. Голова человека находится на вершине тела, как соцветье растения на его стебле.

Третья группа включает лексемы, метафорически сопоставляющие внешний вид, форму головы человека с каким-либо предметом. Среди диалектно-просторечных еди-

ниц это следующие: *кочан*, *кочерыжка* (метафора, лит. 'головка капусты из плотно прилегающих один к другому листьев; вилок'), *репа* (метафора, лит. 'съедобные утолщенные корни растения репа, обычно белого или желтого цвета'), *тыква*, *тыковка* (метафора, лит. 'крупный круглый или овальный плод растения тыква'). Сюда же отнесем собственно диалектную лексему *тыкла*. Это фонематический диалектизм (ср. с упомянутым *тыква* 'голова').

Четвертая группа – лексемы, значение которых сформировалось в результате метонимического переноса различных типов. Например, диалектно-просторечные единицы: *темечко* со значением 'голова' (перенос названия с части на целое), лит. *темя* 'верхняя часть головы, а также верх черепа между лобными, затылочными и височными костями', как в *макушка* и *маковка* (см. ниже). *Череп*, *черепок*, *черепушка* (перенос названия с части на целое, лит. 'скелет головы позвоночных животных и человека'). Диалектные преобразования видим в следующих лексемах. Разговорные слова *маковка* и *макушка* в диалектах метонимически переосмыслены – с названия самой верхней части головы на наименование всей головы (как и в существительном *темечко*, упомянутом выше). Интересно заметить, что общерусские слова *маковка* и *макушка* по своему происхождению восходят к наименованию головки мака. Н.М. Шанский в этимологическом словаре отмечает, что слово *макушка* является исконным, производным от общеславянского *мак*, того же корня, что нем. *Mohn* – тж., греч. *маκόν*. Первоначально – «маковая головка», затем – «вершина» и «верхняя часть чего-л.» (также и головы) [11, с. 253]. Следовательно, в основе формирования общерусского значения слова также лежала метафора (сравнение по форме и расположению на туловище и стебле, см. выше группы слов, образованных таким же путем) и далее метонимия (макушкой стали называть только верхнюю часть головы). В говорах же сохранилось то промежуточное звено в цепочке значений слова, которое утрачено в литературном языке.

Лексема *долбежка* по сути представляет собой семантический диалектизм, значение которого сформировалось на основе метонимического переноса, ср. с лит. *долбежка* 'действие по знач. глаг. долбить', а также с толкованием из словаря Ушакова 'бессмысленное заучивание, зубрежка' [8, I: с. 753], где этим словом названо действие, связанное с головой (мозгом, мыслительным процессом). Далее произошел перенос с названия действия на название его «инструмента», т.е. головы. В материале видим также существительное *долбня*, которое можем сравнить с упоминаемым Ушаковым вульг. *долбня* 'то же, что долбежка' [8, I: с. 753], следовательно, здесь видим ту же метонимию.

Однокоренное с двумя предшествующими словами имя существительное *надолбень* упоминается в Словаре В. Даля в словарной статье «Надалбливать» со значением 'болван, дубина, пень, дурак' [1, II: с. 398]. Эта лексема, видимо, является результатом семантического переосмысления по типу метонимии (перенос с действия на его субъект). В волгоградских же говорах процесс метонимического переосмысления значения (от целого к части) лексемы *надолбень* пошел еще дальше – к значению 'голова'.

Не все лексемы, являющиеся наименованиями головы, можно однозначно отнести к какому-либо одному типу переноса и четко определить объекту сопоставления. Неоднозначный механизм формирования значения видим у лексемы *чурбан*. На первый взгляд это метафорический перенос, сравнение внешнего вида, формы (лит. 'обрубок дерева, бревна'), такое же, как в словах *кочан*, *тыква*, *репа*. Однако обрубок чего-либо не очень похож по форме на голову человека. Словари литературного языка фиксируют у слова *чурбан* также метафорическое значение 'бранно о бестолковом, глупом или черством человеке' [3]. При сопоставлении этого значения с диалектным 'голова' можно увидеть метонимический перенос с целого на часть, подобный тому, что видим в слове *надолбень*.

Далее рассмотрим особенности формирования значений лексем на карте 1001 «Тело человека».

К первой группе лексем относим метафорические сравнения внешнего вида (формы, величины) тела человека с какими-либо объектами.

Лексему *обрубок* сравниваем с литературным 'отрубленная часть чего-л. (бревна, дерева и т.п.)', диалектное слово оценочно подчеркивает невысокий рост человека, нескладность тела, слово *окаме'лок* (*окомелок*) сравниваем с упоминаемым в Словаре В. Даля *окомелок* 'комлевой остаток, обрубок, чурбан; окомелок веника, обоиш, обитый голик' [1, II: с. 666]. Значение этих двух наименований сформировалась путем метафорического переноса. Основание сравнения – внешний вид, кроме того, в обоих случаях при номинации иронически оценивается человек невысокого роста, сравнивается с обрубком бревна или стертым веником.

Сравнение тела человека с обрубком или бревном реализуется также в лексеме *чурбак* (лит. 'то же, что *чурбан*, обрубок дерева, бревна'). Здесь видим тот же путь формирования семантики, как и в упомянутых выше лексемах *обрубок* и *окомелок* (метафорический перенос на основе сходства внешнего вида, ироническая оценка именуемой реалии).

Единичные лексемы *телькё*, *тюлькё* зафиксированы в Новоаннинском и Кумылженском районах соответственно. Проверка этих слов по диалектным словарям не дала результата, они нигде не зафиксированы в таком или подобном виде и с таким или близким значением, следовательно, можем считать их диалектными инновациями и предположить следующие пути их появления в говорах.

Первый путь. Лексема *тюлька* в литературном языке имеет значение 'мелкая морская промысловая рыба семейства сельдевых'. «Словарь русских народных говоров» фиксирует лексему *тюлька* со значениями, имеющими отношение к телу человека: 'о толстом, небольшого роста человеке' (вятские говоры), 'о неповоротливом, неуклюжем ребенке' (пензенские говоры). Перед нами пример метафорического переноса на основе внешнего вида (маленькая рыбка – маленький человек). Далее, возможно, в процессе контаминации лексема *тюлька* преобразовалась в диалектах в *тюлькё* и далее в *телькё* под влиянием слов *тело*, *тельце*, *тельцо* (также зафиксировано в Чернышковском районе Волгоградской области) и подобных ему существительных среднего рода (как и существительное *тело*).

Второй путь. Слово *тюлька* в русских говорах обозначает также толстый обрубок бревна, болван, чурбан [6, 46: с. 22]. Такое же значение 'болван, чурбан, обрубок' (вят. пенз. вологодск) указывает в словаре В. Даль [1, IV: с. 451]. По данным же этимологического словаря Н.М. Шанского, слово *тюлька* появилось в тех диалектах, где наблюдается смещение *к-т* перед гласными переднего ряда. Исходное *килька* изменилось сначала в *тилька*, а затем – в *тюлька*. Лексема *тюлька*, по словам Н.М. Шанского, заимствована из эстонского языка, в словарях отмечается с начала XIX в. Эстонское *külu* 'килька' восходит, как считают некоторые ученые, к немецкому *Kiel* 'киль' [12]. В таком случае рыба названа по сходству своей нижней части с килем. Из всего сказанного следует, что первичным в семантике рассматриваемого корня является наименование деревянной детали особой «обрубленной» формы. Следовательно, диалектные значения слова *тюлька* 'толстый обрубок бревна, болван, чурбан' восходят именно к этому первичному значению.

Остается открытым вопрос о соотношении (территориальном и хронологическом) семантических и фонетических преобразований этой лексемы. Метафорическое преобразование от детали судна до названия рыбы или до названия обрубка (бревна), а также структурное преобразование от формы *килька* до формы *тюлька*. Несомненно одно: в основе формирования современного значения 'тело человека' у слова *тюлька* лежат две

ступени метафорического переноса, о первой сказано выше, вторая – сравнение внешнего вида тела человека с бревном или с маленькой рыбкой. Лексемы же волгоградских говоров *телькё, тюлькё*, кроме того, являются результатом контаминации лексем *тюлька* и *тельце (тело)*.

Второй тип метафорического переноса – сравнение тела человека с каким-либо объектом по функции. На карте 1001 зафиксировано слово *станина*. В литературном языке эта лексема имеет значение ‘основная неподвижная часть машины, на которой монтируются ее рабочие узлы и механизмы’. В данном случае, возможно, произошел метафорический перенос признака с механизма на человека (сравнение по функции), но вероятна также и словообразовательная омонимия: *стан* – *станина*, со словообразовательной связью как, например, в парах *грудь* – *грудина*, *низ* – *низина* и т.п. Да и слово литературного языка образовано, скорее всего, по той же модели.

К третьей группе мы отнесли наименования тела, значение которых в диалектах сформировалось в результате метонимии разных типов.

Выше мы упоминали примеры модификации в диалектах значений общерусских лексем *туловище, торс, стан, плоть*, основанные на метонимическом переносе (соотношение целого и части).

Лексемы *хруст* и *хрящ* в качестве названия тела человека представляют собой пример сложного метонимического переноса значения. Лексема *хруст* – наименование объекта по его свойству (кости хрустят, *лит. хруст* – это ‘сухой треск от чего-л. ломающегося, раздробляемого и т.п.’) и одновременно наименовании целого по его части (тело и его костный скелет). *Хрящ* (*лит.* ‘упругая и твердая соединительная ткань организма позвоночных животных и человека, из которой построены некоторые части скелета’) – наименование по смежности объектов (кости связаны хрящами) и одновременно наименование целого по части (тело и его костный скелет). Обе лексемы указывают на костную систему как на главную составляющую тела человека, по которой оно названо.

Отдельно можно выделить лексемы, совмещающие при формировании значений метафору и метонимию.

Лексема *о’стов* – пример сложного переноса значения. В литературном языке *остов* – это внутренняя опорная часть здания, сооружения, устройства, на которой укрепляются все остальные его части; каркас. Диалектное значение лексемы *остов* на первый взгляд основано на метафоре, т.е. тело человека, воспринимается говорящими с точки зрения его функции, как опора всех внутренних и внешних органов человека. Пример речения «*Весь мужик выходился, один остов остался*», зафиксированного в г. Михайловка, указывает на то, что говорящий, давая ответ на вопрос о названии тела человека, отождествляет тело человека и его скелет (именно скелет является опорой тела человека), т.е. по сути здесь видим еще и метонимический перенос значения: наименование всего тела по его части.

Тот же путь формирования значения видим в следующих двух однокоренных словах. Лексема *основа* в литературном языке является синонимом упомянутому выше слову *остов* (*лит.* ‘часть какого-л. предмета, на которой укрепляются остальные его части; каркас, остов’). Существительное мужского рода *основ* упоминается в Словаре В. Даля со значением ‘остов, костяк, скелет’ [1, II: с. 701]. Это пример сохранности в диалектах слова, утраченного литературным языком.

Подводя итоги исследования метафорической лексики двух рассмотренных карт, можно сделать следующие выводы. Большинство лексем, называющих голову, основано на метафорическом переносе, тогда как среди наименований тела в равной степени представлены метафора и метонимия с ее подвидами. При номинации головы в равной степени представлено сравнение по функции (голова и какой-либо сосуд: *чайник*,

макитра, колбашка) и по внешнему виду (голова и шарообразный или расположенный на вершине чего-либо объект: *тыква, репа*), следовательно, голова человека воспринимается говорящими преимущественно как вместилище мозга, актуальна при номинации также форма головы. В меньшей степени актуально восприятие головы как средства интеллектуальной деятельности. Это те несколько наименований, которые образовались путем метонимии от изначально ярких оценочных разговорных и просторечных лексем (*долбежка, долбня*).

Среди метафорических наименований тела человека также представлено сравнение по функции (*остов, станина*) и по внешнему виду (*окомелок, обрубок, чурбак*). При наименовании по функции тело воспринимается говорящими как жесткая структура, на которой держатся конечности, органы, голова, следовательно, практически все наименования тела обращены к скелету, костной системе (*хрящ, основ, остов*). Подавляющее большинство наименований тела по внешнему виду содержат отрицательную оценку, указывают на несовершенства тела, выражают ироничное отношение говорящего (*обрубок, чурбак*).

Подавляющее большинство наименований имеют эмоциональную окраску и отрицательную коннотацию, что в целом характерно для диалектной лексики. Недифференцированный подход к анализу лексики диалектов позволяет наблюдать тонкие семантические преобразования лексем в языке, видеть динамику словообразования и семантики языковых единиц.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1–4.
2. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС. 2010 // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-202-42.htm#zag-21348> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 // URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/ч/чурбан> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Лексический атлас Волгоградской области. Карта 1015 «Голова» // URL: <http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/1015/> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
6. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука, 1965. 2014. Вып. 1–47.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4.
8. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.
9. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3–16.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачёва. М.: Астрель: АСТ, 2007.
11. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
12. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 7-е изд., стер. М.: Дрофа. 2004 // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-210-2.htm#zag-5384> (дата обращения: 24.04.2025).

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: V 4-h t. M.: Russkij yazy'k, 2000. T. 1–4.
2. Epishkin N.I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazy'ka. M.: Slovarnoe izdatel'stvo E'TS. 2010 // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-202-42.htm#zag-21348> (data obrashheniya: 24.04.2025).
3. Efremova T.F. Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny'j. M.: Russkij yazy'k, 2000 // URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/ch/churban> (data obrashheniya: 24.04.2025).
4. Leksicheskiy atlas Volgogradskoj oblasti. Karta 1015 «Golova» // URL: <http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/1015/> (data obrashheniya: 25.04.2025).
5. Moskvina V.P. Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2007.
6. Slovar' russkikh narodny'kh govorov / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz., Slovarny'j sektor. M.: Nauka, 1965. 2014. Vy'p. 1–47.
7. Slovar' russkogo yazy'ka: V 4-h t. / RAN, In-t lingv. issled.; pod red. A.P. Evgen'evoy. 4-e izd., ster. M.: Russkij yazy'k: Poligrafresursy, 1999. T. 1–4.
8. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: V 4-h t. / Pod. red. D.N. Ushakova. M.: Sovetskaya e'nciklopediya: OGIZ, 1935–1940.
9. Ury'son E.V. Fundamental'ny'e sposobnosti cheloveka i naivnaya «anatomiya» // Voprosy' yazy'koznaniya. 1995. № 3. S. 3–16.
10. Fasmer M. E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka: V 4-h t. / Per. s nem. i predisl. O.N. Trubachyova. M.: Astrel': AST, 2007.
11. Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. Kratkij e'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka. Posobie dlya uchitelya. 2-e izd., ispr. i dop. // Pod red. chl.-kor. AN SSSR S.G. Barhudarova. M.: Prosveshchenie, 1971.
12. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Shkol'ny'j e'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka: proishozhdenie slov. 7-e izd., ster. M.: Drofa. 2004 // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-210-2.htm#zag-5384> (data obrashheniya: 24.04.2025).

The metaphoric names of body and head of man in the dialects of the Volgograd region

The names of man's head and body are considered that are based on the metaphorical transfer. The ways of forming the meanings of the considered lexical units, the structural and semantic peculiarities and the etymology of selected units are analyzed. It is concluded about the basic directions of development of somatic vocabulary in the regional dialect.

Key words: *dialectology, lexical atlas, dialect vocabulary, dialectism, somatic vocabulary, dialect metaphor, metonymy.*

(Статья поступила в редакцию 13.05.2025).

В.Б. САЛЬНИКОВ

Уфа

РОЛЬ БЕЗМОЛВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ ПЕРСОНАЖА МИСТИЧЕСКОГО ФИЛЬМА

Исследуются вопросы лингвопоэтического речевого портретирования персонажей мистических фильмов. Рассматривается такая частотная черта данных персонажей, как невербальное коммуникативное поведение. На материале отечественных фильмов «Час оборотня» и «Пиковая дама: Чёрный обряд» описываются виды и функции безмолвия в речевых портретах героев. Делаются выводы об эстетическом предназначении безмолвия и его связи с категорией неведомого.

Ключевые слова: безмолвие, коммуникативное поведение, лингвопоэтика, мистический фильм, речевой портрет, тишина.

Речевое портретирование известно в современном языкознании вообще и в речеведении в частности как широко распространенный метод изучения индивидуальной речи. В последние десятилетия этот метод неоднократно применялся для исследования не только живой речи различных «естественных» носителей языка, от выдающихся личностей (см.: [7]) до случайных типичных представителей того или иного сообщества (см.: [5]), но и «искусственной» речи персонажей произведений словесного творчества. Поскольку лингвистический речевой портрет генетически связан с литературоведческой речевой характеристикой, подобные исследования представляются закономерными и ожидаемыми. В границах данного подхода к портретированию, ныне называемого лингвопоэтическим, также наблюдается разнообразие полученных результатов: на сегодняшний день учеными составлены речевые портреты как главных [6], так и второстепенных персонажей [18], героев как классической [15], так и массовой литературы [13], на материале современных [9], старых [1] и даже древних текстов [16]. Кроме того, объектом исследования часто выступали и другие словесные художественные произведения – например, фильмы [11] и сериалы [8].

Актуальность вопросов лингвопоэтического речевого портретирования сохраняется вследствие все более увеличивающегося интереса к массмедиа. Несмотря на популярность данного метода среди современных отечественных учёных, многие кинематографические работы до сих пор остаются не рассмотренными в речеведческом аспекте. С одной стороны, многочисленные труды по анализу реалистической прозы и драматургии лишают остроты многие вопросы реалистического кино, а значит, указанная проблема незначительна. С другой стороны, кинематограф развил и воплотил ряд жанров, описанных на примере литературы в речеведческих работах значительно скупее, поэтому отсутствие соответствующих изысканий образует крупный пробел.

Сказанное касается и мистических фильмов, портретирование персонажей которых почти не представлено в современных публикациях. Герой мистического фильма любопытен уже тем, что помещается в ситуацию, возможную только в художественном произведении, а потому его речевому поведению нельзя подобрать полный аналог из реальной жизни. Кроме того, некоторые герои мистических фильмов (в особенности, антагонисты) могут вовсе являться фантастическими существами, что требует от сценариста оригинальных подходов к продумыванию речевой характеристики таких героев, а филологу предоставляет нетипичный, не имеющий соответствия в бытовом обще-

нии речевой материал. Разумеется, речь вымышленного персонажа как явление производное от речи реальных носителей языка обладает вторичной природой и не выступит совершенно иным объектом исследования, но вместе с тем эта вторичная речь и не совпадает с первичной речью полностью.

Объектом настоящего исследования является речевое поведение персонажей отечественных мистических фильмов: Григория Максимовича Ковалёва, главного героя фильма «Час оборотня» (1990 г., режиссер И.А. Шевченко, сценаристы С.А. Четвертков и В.А. Ярмолинец) [17], и Пиковой дамы, антагониста фильма «Пиковая дама: Чёрный обряд» (2015 г., режиссер и сценарист С.Ю. Подгаевский) [14]. Исследование выполнено с применением метода лингвопоэтического речевого портретирования, в рамках которого мы вслед за В.А. Вострецовой определяем речевой портрет как «совокупность речевых характеристик героя произведения как сконструированной автором личности, выраженных в специфическом фонетическом, грамматическом, лексическом и синтаксическом строе языка и актуализирующих определенные речевые намерения и стратегии» [4, с. 39].

Одна из типичных – и проблемных в рамках лингвистического анализа – особенностей речевого поведения антагонистов мистических фильмов заключается в лаконичности высказываний, единичном представлении реплик или даже полном безмолвии персонажей. Последняя черта – молчание антагониста – обладает высокой частотностью как в отечественных, так и в зарубежных мистических кинокартинах – особенно содержащих в себе жанровые признаки фильма ужасов. Это молчание оказывается эстетически значимым: отсутствие речи порождает отсутствие информации, а отсутствие информации порождает страх перед антагонистом: кто он такой? что ему нужно? что он будет делать дальше? Таким образом, общим источником молчания в мистическом фильме является стремление сценариста погрузить зрителя в тревожное и пугающее состояние неизвестности. О ключевой роли неизвестности в художественных произведениях мистического и пугающего содержания писал еще Г.Ф. Лавкрафт, классик литературы ужасов: «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого» [12, с. 430]. Однако эта общая эстетическая функция безмолвия и немногословия может дополняться другими, вспомогательными функциями в конкретных текстах. Цель нашей работы – выявить данные дополнительные функции в речевых портретах персонажей мистических фильмов.

Молчание уже не раз становилось объектом исследования лингвистов, описывавших его коммуникативные свойства, функции и модели участия в различных речевых актах. Представим те характеристики молчания, которые имеют прямое отношение к объекту настоящего исследования.

Анализируя лингвистическое наполнение глагола *молчать* и другой лексики, принадлежащей соответствующей тематической группе, Н.Д. Арутюнова указывает, что молчание в узком смысле слова, т.е. как нулевой речевой акт, не всегда совпадает с отсутствием речи вообще, т.е. несовершенностью речевых актов [2]. Молчание – нулевой акт не тождественно молчанию – невладению речью, поскольку приобретает значимость исключительно на фоне речи, точно так же, как и нулевые морфемы существуют не сами по себе, а лишь относительно морфем материально выраженных. Опираясь на лексический состав русского языка, исследовательница разграничивает близкие понятия молчания и тишины, подчеркивая, что, в отличие от молчания, тишина не выступает в качестве языкового знака. Говоря о безмолвных сверхъестественных персонажах мистических фильмов, следует заметить, что им свойственно невербальное поведение именно второго плана: их молчание, наблюдаемое в большем числе сцен кинокартины, не столько выступает нулевой репликой, сколько является речевым «стилем», коммуникативной манерой, а значит, безмолвием и тишиной.

Разные способы представленности отсутствия звучащей речи описываются также К.А. Богдановым [3]. Ученый тоже различает молчание, наделенное смысловой нагрузкой, функционирующее в качестве нулевой реплики, и молчание, лишённое таковой нагрузки и являющееся постоянным свойством некоторого лица. В работе исследователя описаны разные причины молчания: так, отсутствие речи второго типа может быть вызвано немотой коммуниканта, физической неспособностью к речи либо невладением языком, используемым в окружающем его обществе. Исследователь приводит отношение носителей различных речевых культур к подобному безмолвию. Неговорение зачастую связывается с ущербностью, глупостью, а также, что важно для нашего анализа, с чужеродностью и даже возможной связью с демоническими силами (к примеру, насылающими немоту). Безмолвные персонажи мистических фильмов, как правило, не говорят либо по причине невладения языком собеседников (являясь существами иных миров), либо из-за чуждости привычным коммуникативным стандартам. Во втором случае персонаж владеет речью и даже заговаривает в определенные – обычно, единичные – моменты фильма, но предпочитает не применять речь, не желая вступать с людьми в контакт вербально. Это обстоятельство обычно используется сценаристами для достижения уже указанного эстетического эффекта. Немота, тишина, безмолвие живого и разумного существа отчуждает его, делает непонятным, а потому страшным.

Схожая мысль приводится в статье М.Н. Эпштейна: «Звук создает иллюзию безопасности, поскольку в нем проявлено бытие другого, тогда как молчание воспринимается как затаенность и скрытая угроза» [19, с. 205]. В приведённой цитате указывается еще одна функция безмолвного коммуникативного поведения – тактика угрозы, тихая агрессия. Молчаливое поведение может давать собеседнику знать о недобрых намерениях собеседника, предостерегать его от попыток нарушить безмолвие и установить контакт. Это тактика охотника, выжидающего жертву, при этом безмолвие допускает направленность как на саму жертву, так и на других субъектов – в качестве предупреждения последних. Если прошлые причины молчаливости персонажей мистических фильмов часто прописываются сценаристами для потусторонних персонажей, то угрожающее молчание типично и для «земных», человеческих героев. Молчание-затаенность при своем применении сближает эстетические средства мистических фильмов и фильмов ужасов, т.к. служит усилению тревожности зрителя и нагнетанию саспенса.

Молчанию в русской речевой культуре посвящено диссертационное исследование Т.Р. Копыловой [10]. Ученый вслед за предшественниками различает молчание как силенциальный речевой акт и молчание как не акт, однако подчёркивает, что молчание как не акт тоже обладает важностью для коммуникации. Говоря о видах молчания (опустошенное, аффектное, интенциональное, табуированное), Т.Р. Копылова указывает на различные причины молчаливого поведения – рациональные (нельзя говорить, не хочу говорить), эмоциональные (не могу говорить) и др. Молчание персонажей мистических фильмов обычно представляет собой именно не акт, при этом в его функционировании в кинокартинах выделяются определенные свойства коммуникативного характера.

Если молчание намеренно, обладает интенцией, то возможны ситуации, как считает Т.Р. Копылова, когда «намерением субъекта не является материально выраженное высказывание, в отличие от молчания вместо слов, сопровождающегося невербальными компонентами, которые вкупе с коммуникативной ситуацией позволяют создавать множество смыслов» [10, с. 14]. В таких случаях «молчание как эквивалент невербальной коммуникации контролируется субъектом, оно интенционально, адресно, однако не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником» [10, с. 14]. Следовательно, даже при отсутствии заложенного в молчании сообщения могут осуществляться коммуникативные процессы, что подтверждает высказанные ранее суждения. Ср. также: «Молчание вместо параязыковых элементов (крик, возглас, стон и т.п.) также может реализовать интенцию – не дать выдать себя ни звуком, не проявить себя, несмотря

на сильное эмоциональное состояние субъекта речи, не показать чувств, эмоций, боли. В этом случае мы также имеем дело с молчанием как неестественным знаком, наделенным интенциональностью» [10, с. 25].

Помимо этого, исследовательница говорит о коммуникативной значимости тишины, источником которой является природа. Если относительно естественной коммуникации этот тезис представляется спорным, то касательно художественного произведения (особенно фильмов, где звуковые средства особенно актуализируются) его следует признать справедливым. Данный вопрос выходит за пределы нашего исследования, посвященного речевым портретам персонажей, но не лишним будет добавить, что коммуникативно значимое безмолвие окружающей среды играет важную роль в мистических фильмах и фильмах ужасов, поэтому требует отдельного изучения.

Приступим к анализу речевого поведения конкретных персонажей, начав с фильма «Час оборотня» [17]. В данной кинокартине действует фантастическая фигура оборотня – человека, в ночи полнолуния обреченного превращаться не то в волка, не то в собаку. В обычное время это простой человек, обладающий сознанием и активно пользующийся речью, в полнолуние же это животное, движимое инстинктами и лишенное дара речи. Вследствие этого в данной кинокартине наблюдается чередование вербального и невербального коммуникативного поведения персонажа. «Микромодель» подобного чередования можно пронаблюдать в самом начале фильма: неизвестная личность поймана собаководом и, пребывая в животном облике, посажена в клетку. В клетке некто зловеще воет (0:14–0:21 – *здесь и далее в скобках указан таймкод: минуты и секунды – В. С.*). После возвращения человеческой природы неизвестный, на прежнее состояние которого указывают только длинные зубы, вербализует свой призыв привычными словами: *Выпустите меня!* (0:38–0:39).

Такие же чередования речи и безмолвия происходят в речевом портрете главного героя Григория Максимовича Ковалёва после укуса другим оборотнем. В дневное время его речь человеческа, более того, развернута и интеллигентна, в ней нет даже намека на изменившуюся природу персонажа. В лунные ночи в ходе превращения Ковалёв страшно стонет от боли (20:13–20:46), а незадолго до полного перевоплощения, обретя монструозные зубы (заметим попутно, что именно острые зубы неоднократно указывают в фильме на пробуждение звериной сущности в герое), переходит на смесь воя и крика (24:21–24:30).

Пребывая в обличье огромного черного волка или пса, Ковалёв сохраняет полное безмолвие. Зверь издает различные звуки – например, в эпизоде убийства молодого редактора это шумное дыхание с «прирыкиванием» (24:56–25:01), рыки (27:01, 27:06), поскуливание и подвывание (28:02–28:06). Однако эти звуки не несут никакого сообщения и обладают в лучшем случае полумездоментной природой. Превращаясь в животное, Ковалёв утрачивает разум, самоконтроль, а вместе с ними и дар речи, впадая в полное безмолвие, которое можно охарактеризовать как вынужденное, поскольку герой в принципе лишается возможности говорить или вообще коммуницировать.

Разные виды молчания наблюдаются в эпизоде со сном Ковалёва о присуждении должности редактора. В этом сне герой говорит мало, будучи польщенным своим назначением на давно желанную должность и заглушаемым рукоплесканиями восторженной публики. Как только в зал входит, ковыляя, обезображенный труп прошлого редактора, Ковалёв умолкает, охваченный ужасом и стыдом (46:46), – в соответствии с типологией Т.Р. Копыловой, здесь имеет место аффектное молчание. После очередного начала превращения Ковалёв страшно воет, рычит и кричит (47:35–48:36), тогда молчание сменяется безмолвием, отсутствием какой-либо коммуникации.

Любопытны два случая взаимопроникновения сущностей зверя и человека, устраняющие безмолвие. Первый случай – эпизод с мальчиком, просящим Ковалёва укусить его. В героя, охваченном страхом разоблачения, внезапно пробуждается волчья сущ-

ность (на что указывают выросшие клыки), и речевая характеристика меняется – его устами заговаривает зверь: *Кто тебя?! Кто тебя... подослал, гадина?! Кто тебе сказал?! Говори!..* [нрзб] *Я же тебя сейчас убью здесь, если не скажешь! Говори, сволочь! Кто тебе сказал?! Кто подослал?! Я же тебя убью, если не скажешь! Говори! Говори, сволочь! Говори!* (77:12–77:37). Речь звериной сущности агрессивна и бедна, состоя из оскорблений и повторов, но это уже полноценная речь.

Второй случай – кульминация фильма, эпизод превращения Ковалёва в очереди за мебелью. Здесь, наоборот, в звере пробуждается человеческая сущность героя. Пёс или волк по-прежнему не способен разговаривать, однако начинает намного чаще лаять (88:02–88:16), поскуливать (88:56–89:00) или издавать другие звуки. В моменте столкновения со своим сыном, милиционером Васей, оборотень плачет и словно бы животными жалостными звуками умоляет сына не убивать его. Безмолвие и даже молчание пропадают из коммуникативного поведения зверя, словно к нему вернулось человеческое сознание, ставшее причиной возникновения попыток передать информацию.

Таким образом, безмолвие сверхъестественного персонажа мистического фильма «Час оборотня» нецеленаправленно, не имеет интенции, необходимо для подчёркивания нечеловеческой природы или личности персонажа. Оборотень – это лишённый способности говорить пёс или волк, чье речевое поведение биологически ограничено другими звуками как коммуникативного (выражают мысли и чувства героя), так и некоммуникативного характера (являются отражением физиологии – криками от боли, шумным дыханием при беге и т.п.).

Рассмотрим характеристику следующего персонажа на примере фильма «Пиковая дама: Чёрный обряд» [14]. Антагонистом кинокартины выступает злобный дух бывшей хозяйки приюта, убивавшей детей для получения пособия и за это подвергнутой линчеванию местными жителями. Пиковая дама в прошлом была русскоговорящим человеком и после смерти не утратила разума, и в сценарии ничего не сказано об утрате ею способности говорить, поэтому понятие речи и речевые навыки должны быть ей знакомы. Следовательно, молчание Пиковой дамы является намеренным: она умеет говорить, но отказывается от речи с определённой целью – или, точнее говоря, сценарист не прописывает ее речевые партии ради достижения определенного эстетического эффекта.

Общее назначение безмолвия Пиковой дамы – нагнетание ужаса перед данным образом за счет вышеописанного страха перед неведомым. Доказательством этому служит то, что зримое появление духа происходит крайне редко и непродолжительно. Угроза невидна и неслышима, а потому неведомы её цели и сильнее испуг, ею навлекаемый. Самое первое видимое появление Пиковой дамы – сон протагониста о дочери – происходит при полном безмолвии духа (19:51). В дальнейших эпизодах, наоборот, призрак даёт о себе знать через различные звуки – хрип (22:16) и напеваемую мелодию колыбельной без слов (22:50–22:51) в туалете в сцене похорон, шипение рации на сеансе повторного вызова, – но зримо почти не появляется, что также служит нагнетанию сапенса. В эпизоде сеанса персонажи пытаются общаться с Пиковой дамой с помощью рации, причем дух отвечает скупое, с использованием дихотомичной знаковой системы «потрескивание и шипение рации – “да”, молчание – “нет”» (29:09–29:15). Последний ответ, указывающий на цель Пиковой дамы (следующую жертву), сопровождается длительным потусторонним воплем (30:25–30:37). По мере развития сюжета и постепенно «приближения» Пиковой дамы безмолвие сменяется рудиментарными коммуникативными актами.

Ближе к середине фильма призрак является героям с различными звуками – например, чем-то вроде смеси вопля и рыка (39:24), потустороннего вздоха (63:10), чистого рыка (63:11), злобного стога (63:44) и др. Эти звуки обладают полумеждометной природой и служат не для коммуникации, а для выражения эмоционального состояния духа.

Во второй части кинокартины Пиковая дама вселяется в девочку Аню, а в кульминационный момент овладевает поочередно телами ее отца и врача Смирнова. Одержимость сопровождается злыми рыками (53:52), в теле Смирнова дух также смеется (85:21–85:23), но еще – главным образом, в теле Ани – проявляет себя через связную речь. Как и в случае с оборотнем-Ковалёвым, речь призрака лаконична, бедна, предельно агрессивна и включает бранную лексику: *Не трогай меня!* (53:45–53:46), *Отстань!* (53:53), *Умрешь, тварь!* *Умрешь!* (75:22–75:24), *Ты пожалеешь!* (79:39–79:40) и др. Речь призрака производится рычащим голосом или соединением голосов девочки и духа, достигнутым с помощью аудиальных спецэффектов. В определенный момент Пиковая дама заговаривает настоящим голосом девочки, пытаясь убедить героев, что Аня больше не одержима (либо же действительно умолкает, дав для обмана заговорить самой Ане).

Следовательно, безмолвие этого персонажа целенаправленно, служит для выражения исходящей от духа угрозы и используется для запугивания зрителей неизвестностью. В фильме наблюдается противопоставление безмолвия или некоммуникативного звучания призрака в демоническом облике и специфического речевого поведения в человеческом теле. Значит, безмолвие также выполняет в этом случае функцию отчуждения: оно подчеркивает потустороннюю сущность персонажа, что необходимо при его фигурировании в нечеловеческом облике и не нужно при действии в «нечужеродном» человеческом виде.

Таким образом, в речевых портретах героев мистических фильмов безмолвие, как правило, выполняет не коммуникативную, а эстетическую функцию, конструируя образы специфических персонажей. Проявления эстетической функции в мистических кинокартинах разнообразны и включают в себя как общую, ведущую функцию устрашения через неизвестность, так и частные функции указания на природу персонажа, отчуждения, особенностей взаимодействия с говорящими героями и др. Настоящее исследование не исчерпывает поставленного вопроса и нуждается в расширении за счет анализа большего числа речевых портретов на материале фильмов данного жанра.

Список литературы

1. Авилова Н.С. Речевые портреты в пьесе Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» // Русская речь. 2000. № 3. С. 14–19.
2. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
3. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Номо Tacens // СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
4. Вострецова В.А. Отличия в создании речевого портрета персонажа в художественных произведениях и мультипликационных фильмах // Восточнославянская филология. Языкознание. 2024. № 17 (43). С. 37–45.
5. Гаспарян А.А., Салтымакова О.А. Сравнительный анализ речевого портрета // Актуальные вопросы фундаментальных наук в техническом вузе: сб. науч. ст. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2018. С. 180–185.
6. Гордашникова Д.С. Морфолого-синтаксические особенности речевого портрета персонажа // Языковой дискурс в социальной практике: мат-лы Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2021. С. 52–56.
7. Горожанина Н.И. О возможности составления речевого портрета говорящего на основе перцептивно-слухового анализа (на примере публичного выступления Г. Коля) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 15 (726). С. 67–74.
8. Каде А.Р. Лексико-грамматические средства характеристики речевого портрета персонажа // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения: сб. науч. тр. / Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 95–104.
9. Карамова А.А., Буйлова К.Г. Лексико-фразеологический аспект речевого портрета персонажа литературного произведения (на материале романа А.В. Иванова «Золото бунта») // Сла-

вянские чтения – 2022: сб. мат-лов Международной научно-практической конференции / Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2022. С. 111–114.

10. Копылова Т.Р. Молчание как лингвокогнитивная категория: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Удмуртский государственный университет. Ижевск, 2022.

11. Кузнецова Л.И. Речевой портрет как средство художественного изображения киногероя // Языки и национальные культуры через призму кинематографа: мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 ноября 2021 г.). СПб.: СПбГИКиТ, 2022. С. 44–46.

12. Лавкрафт Г.Ф. Дагон и другие жуткие рассказы. М.: Астрель, 2012.

13. Олышаникова Л.С. Речевой портрет персонажа в художественном произведении. На пересечении языков и культур // Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 1 (16). С. 250–254.

14. Пиковая дама: Черный обряд (2015) ужасы // URL: https://vk.com/video-94705031_456240863?t=20m1s (дата обращения: 15.03.2025).

15. Темникова Н.Ю., Царёва Ю.В. Лексико-фразеологические средства создания речевого портрета персонажа в повести Н.С. Лескова «Воительница» // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 3 (24). С. 33–40.

16. Томберг О.В. Речевой портрет в сопоставительном описании: лингвокультурологический аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 196–200.

17. Час оборотня (1990) // URL: https://vk.com/video-38455478_456239341?list=068679496296f2505e (дата обращения: 13.03.2025).

18. Щербакова М.Е. Способы речевой портретизации персонажа как носителя просторечия (на примере образа Изюма в романе Д. Рубиной «Наполеонов обоз») // Казанская наука. 2024. № 4. С. 276–278.

19. Эпштейн М.Н. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10. С. 202–222.

* * *

1. Avilova N.S. Rechevy'e portrety' v p'ese L.N. Tolstogo «Plody' prosveshheniya» // Russkaya rech'. 2000. № 3. S. 14–19.

2. Arutyunova N.D. Molchanie: konteksty' upotrebleniya // Logicheskij analiz yazy'ka. Yazy'k rechevy'h dejstvij. M.: Nauka, 1994.

3. Bogdanov K.A. Oчерки po antropologii molchaniya. Homo Tacens // SPb.: Izd-vo RHGI, 1997.

4. Vostreczova V.A. Otlichiya v sozdanii rechevogo portreta personazha v hudozhestvenny'h proizvedeniyah i mul'tiplikacionny'h fil'mah // Vostochnoslavjanskaya filologiya. Yazy'koznanie. 2024. № 17 (43). S. 37–45.

5. Gasparyan A.A., Salty'makova O.A. Sravnitel'ny'j analiz rechevogo portreta // Aktual'ny'e voprosy' fundamental'ny'h nauk v texniceskom vuze: sb. nauch. st. Kemerovo: Kuzbasskij gosudarstvenny'j texniceskij universitet imeni T.F. Gorbachyova, 2018. S. 180–185.

6. Gordashnikova D.S. Morfologo-sintaksicheskie osobennosti rechevogo portreta personazha // Yazy'kovoj diskurs v social'noj praktike: mat-ly' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tver': Tverskoj gosudarstvenny'j universitet, 2021. S. 52–56.

7. Gorozhanina N.I. O vozmozhnosti sostavleniya rechevogo portreta govoryashhego na osnove perceptivno-sluhovogo analiza (na primere publicnogo vy'stupleniya G. Kolya) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 15 (726). S. 67–74.

8. Kade A.R. Leksiko-grammatische sredstva harakteristiki rechevogo portreta personazha // Aktual'ny'e problemy' lingvistiki i perevodovedeniya: sb. nauch. tr. // Krasnodar: Kubanskij gosudarstvenny'j universitet, 2023. S. 95–104.

9. Karamova A.A., Bujlova K.G. Leksiko-frazeologicheskij aspekt rechevogo portreta personazha literaturnogo proizvedeniya (na materiale romana A.V. Ivanova «Zoloto bunta») // Slavyanskije chteniya – 2022: sb. mat-v Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii // Sterlitamak: Bashkirskij gosudarstvenny'j universitet, 2022. S. 111–114.

10. Kopy'lova T.R. Molchanie kak lingvokognitivnaya kategoriya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: Udmurtskij gosudarstvenny'j universitet. Izhevsk, 2022.

11. Kuzneczova L.I. Rechevoj portret kak sredstvo hudozhestvennogo izobrazheniya kinogeroja // Yazy'ki i nacional'ny'e kul'tury' cherez prizmu kinematografa: mat-ly' Vserossijskoj

nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2021 g.). SPb.: SPbGIKiT, 2022. S. 44–46.

12. Lavkraft G.F. Dagon i drugie zhutkie rasskazy`. M.: Astrel`, 2012.

13. Ol'shanikova L.S. Rechevoj portret personazha v hudozhestvennom proizvedenii. Na peresechenii yazy'kov i kul'tur // Aktual'ny'e voprosy` gumanitarnogo znaniya. 2020. № 1 (16). S. 250–254.

14. Pikovaya dama: Cherny`j obryad (2015) uzhasy` // URL: https://vk.com/video-94705031_456240863?t=20m1s (data obrashheniya: 15.03.2025).

15. Temnikova N.Yu., Czaryova Yu.V. Leksiko-frazeologicheskie sredstva sozdaniya rechevogo portreta personazha v povesti N.S. Leskova «Voitel`nicza» // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2019. T. 7. № 3 (24). S. 33–40.

16. Tomberg O.V. Rechevoj portret v sopostavitel'nom opisanii: lingvokul'turologicheskij aspekt // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3 (21). S. 196–200.

17. Chas oborotnya (1990) // URL: https://vk.com/video-38455478_456239341?list=068679496296f2505e (data obrashheniya: 13.03.2025).

18. Shherbakova M.E. Sposoby` rechevoj portretizacii personazha kak nositelya prostorechiya (na primere obraza Izyuma v romane D. Rubinoj «Napoleonov oboz») // Kazanskaya nauka. 2024. № 4. S. 276–278.

19. E`pshtejn M.N. Slovo i molchanie v russkoj kul'ture // Zvezda. 2005. № 10. S. 202–222.

The role of stillness in the communicative behaviour of character of mystic film

The issues of linguopoetics speech portraiture of characters of mystic films are studied. There is considered such frequent trait as non-verbal communicative behaviour. The kinds and functions of stillness in the speech portraits of characters are described at the material of national films «Hour of the Werewolf» and «The Queen of Spades: the Black Rite». It is concluded about the aesthetic purpose of stillness and its connection with the unknown category.

Key words: *stillness, communicative behaviour, linguopoetics, mystic film, eech portrait, silence.*

(Статья поступила в редакцию 18.04.2025).

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

К.И. ДЕКАТОВА
Волгоград

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАЛИНГРАДСКАЯ ГВОЗДИКА»

С 23 по 26 апреля 2025 г. на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета под эгидой Министерства просвещения РФ состоялась VIII Международная научная конференция и II Студенческая научная конференция «Сталинградская гвоздика». Мероприятие было приурочено к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Торжественное открытие конференции началось с видеообращения к участникам научного мероприятия ректора Волгоградского государственного социально-педагогического университета, члена-корреспондента РАО, доктора педагогических наук, профессора Александра Михайловича Короткова. С приветственным словом выступили проректор по учебной работе ВГСПУ, кандидат педагогических наук, доцент Юрий Анатольевич Жадаев, директор института русского языка и словесности ВГСПУ, доктор филологических наук, профессор Елена Ивановна Алещенко. Поздравили участников конференции и зарубежные гости из Беларуси, КНР, Индии, Азербайджана, Узбекистана, Турции.

Завершилась торжественная часть конференции выступлением вокального ансамбля Института русского языка и словесности ВГСПУ «Слово славное», исполнившего военные песни на разных славянских языках.

В VIII Международной научной конференции «Сталинградская гвоздика» приняли участие 97 докладчиков из 17 городов РФ (Волгоград, Москва, Донецк, Смоленск, Элиста, Владимир, Астрахань, Ярославль, Саранск, Тюмень, Тула, Воронеж, Луганск, Арзамас, Елабуга, Казань, Новозыбков) и 15 стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Турция, Иран, Беларусь, КНР, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Молдова, Индия, Вьетнам, Нигерия, Куба, Монголия, Болгария). На пленарных заседаниях, которые вели доктор филологических наук, профессор Е.И. Алещенко, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания К.И. Декатова, доктор филологических наук, профессор Л.А. Шестак, доктор филологических наук, профессор В.П. Москвин, рассматривались самые актуальные проблемы современной филологии. Открыл первое пленарное заседание преподаватель Волгоградской государственной консерватории им. П.А. Серебрякова, лауреат Государственной премии Волгоградской области 2024 года В.И. Пермяков, выступив с интересным докладом на тему «Образ Сталинграда в поэзии и изобразительном искусстве трёх континентов». На первом заседании, в котором приняли участие Д.С. Скарёв, Е.В. Брысина, В.И. Теркулов, К.И. Декатова, В.С. Картавенко, Н.А. Родина, О.В. Никифорова, обсуждались вопросы региональной лингвистики, лингвокультурологии, ономастики. Отклик слушателей вызвали доклады кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и литературы факультета филологии Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова У.К. Кадыркуловой, рассказавшей об исследовании связи языка, культуры, идентичности при билингвизме. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета В.И. Теркулов выступил с докладом, рассмотрев проблемы лингвоурбанологии –

лингвистического направления, в рамках которого возможно описание города как текста. Вопрос о роли культуры и культурологии в формировании межпредметных связей освещался в докладе кандидата филологических наук, доцента Бакинского славянского университета И.Э. Гасановой.

На втором пленарном заседании выступили Е.И. Алещенко, Н.А. Калёнова, М.А. Панчехина, В.П. Москвин, Н.С. Стенина, Л.А. Шестак, Е.А. Кузнецова, Т.Н. Колокольцева, О. В. Рыбина. В ходе выступлений были проанализированы актуальные вопросы русской грамматики, функциональной стилистики, лингвистической аксиологии, лексической семантики. Большой интерес вызвали доклады доктора филологических наук, профессора Волгоградской государственной консерватории им. П.А. Серебрякова Н.А. Калёновой, проанализировавшей в когнитивном аспекте эмотивно-оценочный потенциал фразеологических трансформаций в современной интернет-коммуникации, доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Т.Н. Колокольцевой, познакомившей слушателей со спецификой функционирования электронного письма в академической сфере. Об инновационных технологиях преподавания русского языка в вузе рассказала преподаватель кафедры русского языка и литературы Исык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова А.Т. Тилекматова. Доцент Бакинского славянского университета С.Б. Багирова выступила с сообщением о развитии межкультурной компетентности студентов.

На третьем пленарном заседании, участниками которого стали Л.Н. Савина, Р.В. Разумов, Е.В. Каунова, С.В. Перевалова, М.Ф. Шацкая, Ю.Н. Сысоева, А.П. Бабюк, И.И. Чесноков, С.М. Рудометова, Е.В. Кузнецова, С.В. Ракитина, Н.Е. Тропкина, рассматривались актуальные проблемы литературоведения, анализировались вопросы русской и зарубежной литературы, русской диалектологии, когнитивной лингвистики, лингводидактики. Особый интерес вызвал доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского Р.В. Разумова, посвященный вопросу увековечивания памяти о событиях и участниках специальной военной операции в урбанонимии Российской Федерации. Учитель русского языка и литературы Теоретического лицея им. В.В. Маяковского, А.П. Бабюк (Бельцы, Молдова) представила доклад на тему «Паремии как средство развития предметных компетенций учащихся на уроках русского языка и литературы».

На четвертом пленарном заседании выступили Т.В. Черницына, И.М. Филатова, В.И. Супрун, Е.Б. Никифорова, А.А. Кудрявцева, П.В. Чеснокова, Н.Е. Пономарева, О.О. Путило, Д.А. Селезнева, Т.А. ИONOва, В.В. Богомазова. В процессе заседания обсуждались сложные вопросы семантики, дериватологии, методики преподавания русского языка и литературы. Были отмечены доклады кандидата филологических наук, доцента Волгоградского государственного социально-педагогического университета Н.Е. Пономаревой, в фокусе внимания которой оказалась проблема художественной рецепции исторического пространства в лиро-эпическом творчестве И. Лиснянской, доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Е.Б. Никифоровой, рассмотревшей деривационные особенности инновационной лексики русского языка первой четверти XXI в. Вызвали оживленную дискуссию доклады кандидата филологических наук, ассистента Волгоградского государственного социально-педагогического университета И.М. Филатовой, проанализировавшей семантическую структуру глаголов со значением 'бить' в донских говорах, доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Супруна, рассказавшего о роли русского языка в истории России и ее государственного строя.

Тематика докладов на секционных заседаниях была достаточно разнообразна. На первом секционном заседании выступили Г.В. Токарев, А.С. Бурляй, Е.О. Алексенцева, О.С. Храмушина, Е.А. Кривченко, Н.И. Ершова, В.В. Анищенко, Юнус Фирангиз Шахмуровна Пашаева (Турция), И.В. Силаев, М.А. Лаптева, Сунь Сюйна (КНР), Цзян Линь-линь (КНР). Рассматривали актуальные вопросы прагмалингвистики, стихосложения, семасиологии, медиалингвистики. Доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого Г.В. Токарева был посвящен анализу региональной прецедентики, связанной с Великой Отечественной войной, как знака культурной памяти. Юнус Фирангиз Шахмуровна Пашаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделением славистики Кавказского университета, рассказала об образе России в турецкой литературе и культуре. На втором секционном заседании выступили Цзян Синьхао (КНР), И.А. Сулова, С.В. Кулиш, Т.В. Гриненева, И.А. Митронов, О.В. Салынова, А.П. Ибрагимова (Азербайджан), Т.П. Слесарева, И.А. Кудрейко, И.С. Зотин, Е.Д. Соколова. В ходе заседания обсуждались проблемы анализа фразеологической образности, языкового билингвизма, рассматривались источники образования эргонимов Калмыкии, дискурсивные маркёры в рассказах И.А. Бунина. Большой интерес вызвал доклад аспиранта Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета И.В. Зотина, рассмотревшего эргонимы-реплики как элементы разговорного синтаксиса. На третьем секционном заседании выступили А.Е. Гилязова, Л.А. Усманова, М.М. Прищепа (Беларусь), А.И. Матюшкова, Н.В. Гладкая, А.О. Мирзоева (Азербайджан), В.Н. Джунгарова, А.А. Гладкова, Янь Хунлэй (КНР). На заседании были представлены доклады, в которых рассматривались такие проблемы современной лингвистики, как особенности реализации языковой личности юриста в институциональном дискурсе права, проблемы анализа регионального ономастического с военно-историческим компонентом, лингвопрагматический характер интернет-мема. В центре внимания оказались и актуальные вопросы современного литературоведения: на заседании анализировалась художественная символика образов животных в стихотворениях Марины Цветаевой, идейно-художественные особенности военной лирики Григория Шакулова.

На четвертом секционном заседании выступили Т.П. Плахтий, Л.В. Сторчак, Маджумдар Бичитра (Индия), Махнуш Искандари (Иран), Ван Цзинлинь (КНР), доклады которых были посвящены сложным проблемам русской фонетики, а также особенностям изучения русского языка и литературы в Индии, Иране, Китае. Участники конференции имели возможность ознакомиться со стендовыми докладами ведущих отечественных и зарубежных ученых-филологов. Были отмечены вызвавшие интерес исследования доктора философии по филологии, доцента кафедры «Славянские языки и перевод» Бакинского славянского университета Г.С. Салмановой (Азербайджан), кандидата филологических наук, доцента кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. Алеку Руссо Е.В. Сироты (Молдова), доктора филологических наук, профессора Университета им. Асена Златарова Н.С. Ивановой (Болгария), доктора философии по филологии, доцента кафедры «Славянские языки и перевод» Бакинского славянского университета О.А. Тагиевой (Азербайджан), кандидата филологических наук, доцента Гродненского областного института развития образования Д.Р. Мышко (Беларусь), кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета им. А.А. Кулешова Т.В. Мосейчук (Беларусь), доктора филологических наук, профессора кафедры тюркологии и теории языка Казахского национального университета им. аль-Фараби Г.Б. Мадиевой (Казахстан), кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета, директора Многопрофильного центра исследований и консультаций Приднестровского государствен-

ного университета Н.В. Кривошаповой (Приднестровская Молдавская Республика), доктора филологических наук, профессор Бухарского государственного университета О.Т. Носирова (Узбекистан).

25 апреля 2025 года второй раз проводилась Студенческая научная конференция «Сталинградская гвоздика», на которой была предоставлена возможность показать результаты своих исследований 67 молодым ученым из 15 городов РФ (Волгоград, Москва, Санкт-Петербург, Донецк, Смоленск, Элиста, Астрахань, Ярославль, Саранск, Луганск, Симферополь, Иркутск, Сургут, Самара, Ростов-на-Дону) и 6 стран ближнего и дальнего зарубежья (Беларусь, КНР, Казахстан, Турция, Индия, Вьетнам). Студенты, магистранты и аспиранты познакомили участников конференции со своим видением проблем современной русистики, обсудили вопросы региональной лингвистики, семантики, стилистики, прагмалингвистики, фразеологии, литературоведения и лингводидактики. Особое внимание слушателей привлекли доклады студента Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета И.В. Шаничева, проанализировавшего танатологическую лексику как юмористическое средство, аспиранта кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета А.М. Карповой, рассмотревшей вопрос определения и классификации электронных художественных текстов, аспиранта Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва Анурад Кумар (Индия), рассказавшего о проблеме идентичности в повести Л.Н. Толстого «Жизнь Ивана Ильича», аспиранта кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета Чжан Цзысин (КНР), представившей результаты анализа имплицитных смыслов 'отказ' и 'лень' в русских и китайских комических интернет-жанрах, аспиранта кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного Российского государственного гидрометеорологического университета А.В. Григорьевой, описавшей формы воплощения и сублимации хронотопа в русской рок-поэзии.

В рамках конференции был проведен круглый стол «Великий и могучий мой родной русский язык!», на котором с огромным интересом обсуждались пути сохранения русского языка как культурного кода, а также способы решения проблемы неоправданного использования большого количества заимствований и проблемы загрязнения речи носителей русского языка ненормативной лексикой.

Завершилась конференция итоговым заседанием, на котором участники мероприятия отметили актуальность поднятых проблем, разнообразие тематики докладов, подчеркнули, что обмен мнениями в формате конференции позволяет укрепить партнерские связи и профессиональные контакты филологов разных стран.

The international research conference «Stalingrad carnation»

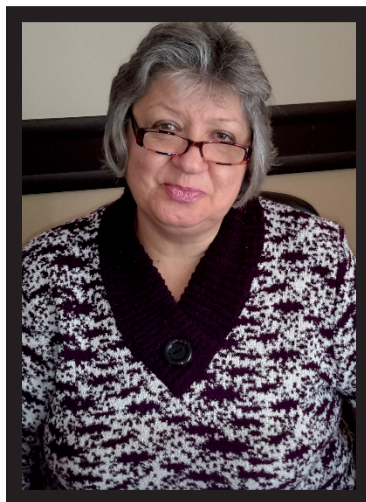
(Статья поступила в редакцию 21.05.2025).

К. И. ДЕКАТОВА

В. И. СУПРУН

Волгоград

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ЕВГЕНИИ ВАЛЕНТИНОВНЫ БРЫСИНОЙ
(02.03.1960 – 13.08.2025)

13 августа 2025 г. скоропостижно скончалась выдающийся российский учёный, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Института русского языка и словесности ВГСПУ, руководитель Волгоградской этнолингвистической школы, председатель диссертационного совета, член редколлегии научного журнала «Известия ВГСПУ. Филологические науки», почётный работник высшего профессионального образования России, заслуженный работник образования Волгоградской области Евгения Валентиновна Брысина.

Е.В. Брысина (Черняева) родилась 2 марта 1960 г. в хуторе Морец Еланского района Волгоградской области. С детства она отличалась дисциплинированностью, старательностью, тягой к знаниям, поэтому учителя любили талантливую ученицу и предсказывали ей большое будущее. Особенный интерес Женя проявляла к урокам русского языка и литературы. Она много читала, хорошо знала творчество русских и зарубежных классиков, легко овладевала тонкостями русской орфографии, пунктуации и грамматики. Условия в школе способствовали творческому росту девочки: в одном из старейших учебных заведений Аткарского уезда Саратовской губернии сохранялись учебно-методические традиции, заложенные еще в 1912 г. В Морецкой средней общеобразовательной школы Еланского района Волгоградской области всегда гордились достижениями Е.В. Брысиной и заслуженно внесли ее фамилию в список известных выпускников.

Окончив школу, Е.В. Брысина в 1977 г. поступила в Волгоградский государственный педагогический институт имени А.С. Серафимовича, где перед ней открылись большие перспективы для творческого роста, и студентка с радостью поглощала новые знания, укрепляя свою любовь к родному языку. Среди преподавателей Евгении Вален-

тиновны были такие известные советские филологи, как проф. Леонид Михайлович Орлов, проф. Зиновий Аронович Потиха, проф. Давид Наумович Медриш, проф. София Петровна Лопушанская. В студенческие годы она познакомилась с Риммой Ивановной Кудряшовой, встреча с которой на всю жизнь определила сферу научных интересов Евгении Валентиновны.

После обучения в институте Евгения Валентиновна была направлена по распределению в среднюю школу № 4 г. Краснослободска, где талантливый молодой специалист получила первые навыки педагогического труда. Ей нравилось прививать детям интерес к русскому языку, зажигать в них любовь к нему, которую с детских лет она испытывала сама. И дети любили молодую учительницу, старались не подводить её.

В феврале 1984 г. в родном вузе вспомнили о своей талантливой выпускнице и пригласили её на должность ассистента кафедры русского языка. В 1990 г. Е.В. Брысина проходила стажировку в Саратовском государственном университете, где была прикреплена соискателем для подготовки кандидатской диссертации на кафедре общего и славяно-русского языкознания. Её руководителем стала известный советский диалектолог проф. Лидия Ивановна Баранникова.

8 апреля 1993 г. Евгения Валентиновна защитила кандидатскую диссертацию «Фразеологическая активность военной лексики» [1], а через 10 лет вышла на защиту докторской диссертации «Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона», научным консультантом которой был проф. Николай Фёдорович Алефиренко [2].

Сферой научных интересов Евгении Валентиновны стали проблемы лингвокультурологии, этно- и региональной лингвистики, лингвогеографии, диалектологии, лексикологии и фразеологии, коммуникативно-прагматические и лингвокультурологические аспекты функционирования диалектных слов и фразеологических единиц. Е.В. Брысина являлась автором и соавтором более 200 работ, опубликованных в России и за рубежом (в Беларуси, Болгарии, Польше, Румынии, Словакии, Хорватии, Узбекистане, Украине).

Публикации Е.В. Брысиной вызывают искренний интерес у специалистов и любителей русского народного слова. Наибольшую известность получили такие научные работы Е.В. Брысиной, как «Диалект через призму лингвокультурологии» (2012), «Этнокультурная идиоматика донского казачества» (2003), «Лингвокультурное пространство казачьего Подонья» (2016), «Жизнь диалектного слова» (2019), «Духовная культура казачества: язык и образы» (2021). В соавторстве с искусствоведами Евгения Валентиновна участвовала в издании монографии об уроженце донской земли художнике И.И. Машкове (2014). Популярность у студентов и известность за пределами ВГСПУ получили учебные пособия Е.В. Брысиной «Экспрессивно-выразительные средства диалекта» (2001) и «Лексикология. Лексикография. Фразеология» (2004, соавтор – проф. Л.А. Шестак), «Язык и текст газетной публицистики» (2006, соавтор – проф. В.М. Глухов). В 2025 г., несмотря на болезнь, Евгения Валентиновна подготовила новую монографию «Лингвокультура донского казачества в прошлом и настоящем», которая вскоре выйдет в одном из волгоградских издательств.

Многие годы Евгения Валентиновна возглавляла Волгоградскую этнолингвистическую школу, продолжая традиции, заложенные Л.М. Орловым и Р.И. Кудряшовой. В рамках школы всесторонне изучаются говоры Волгоградской области, духовная культура донского казачества и носителей волжских говоров, а также диалекты других народов региона. Е.В. Брысина активно участвовала в разработке Институтом лингвистических исследований РАН Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) [4]. Она стала автором серии научных публикаций, связанных с данным проектом, и в соавторстве с другими волгоградскими учёными подготовила ряд карт ЛАРНГ.

Евгению Валентиновну очень любят студенты, магистранты и аспиранты, поскольку на её занятиях всегда было интересно. Е.В. Брысина имела опыт преподавательской деятельности не только в России, но и за рубежом: в 1995-1996 гг. она находилась в служебной командировке в КНР (Чанчуньский университет, провинция Цилинь), где обучала китайских студентов русскому языку. За профессиональные успехи Е.В. Брысина была награждена именным дипломом и отмечена благодарностью в адрес университета. В 2017 г. читала лекции студентам Западно-Чешского университета (г. Пльзень, Чехия). В 2018 г. находилась в командировке в г. Тяньцзинь в Университете европейских языков и культур, где читала китайским магистрантам спецкурс по общему языкознанию и была награждена дипломом почетного профессора Тяньцзиньского университета.

Много времени Евгения Валентиновна провела в диалектологических экспедициях. Она выезжала в районы области для сбора материала для диалектного словаря и затем вместе с коллегами работала над составлением «Словаря донских говоров Волгоградской области» (6 выпусков, 2006–2009), после второго издания которого Евгения Валентиновна была награждена премией города-героя Волгограда в области образования за 2011 год. В дальнейшем ею были подготовлены ещё два словаря: «Донское слово: школьный словарь казачьих говоров Волгоградской области» (2015) и «Донское слово в художественном тексте: словарь диалектизмов» (2017). За многолетний добросовестный труд, высокие профессиональные достижения в сфере образования и в связи с 85-летием со дня образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета в 2016 г. Е.В. Брысина была награждена почётной грамотой Волгоградской городской Думы.

Евгения Валентиновна обладала прекрасными организаторскими способностями. С декабря 2006 г. по 2014 г. она заведовала кафедрой общего и славяно-русского языкознания, позднее преобразованной в кафедру русского языка и методики его преподавания. В сентябре 2012 г. она стала деканом филологического факультета. 3 сентября 2018 г. в ВГСПУ была образована новая структура – Институт русского языка и словесности, первым директором которого стала Е.В. Брысина. С 2014 г. Евгения Валентиновна была председателем диссертационного совета Д 212.027.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 10.02.01 русский язык и 10.01.01 русская литература при Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. 21 февраля 2023 г. она возглавила диссертационный совет 33.2.007.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.1 русская литература и литературы народов Российской Федерации и 5.9.5 русский язык. Языки народов России.

Высокий научный потенциал Е.В. Брысиной позволял ей активно работать над грантовыми проектами, которые были поддержаны различными научными фондами страны (РГНФ, РФФИ, РНФ) и областным научным фондом: Всероссийская научная конференция «Русская диалектология: традиции и инновации» (2012), Областной научный фонд «Конкурс на лучшее научное издание» («Словарь донских говоров Волгоградской области», 2012), Всероссийская научная конференция «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» (2013), Всероссийская научная конференция «Диалекты как экологическая зона языка» (2016), Региональная научная конференция «Язык и культура Юга России как синтез полиэтнических практик: аспекты толерантного взаимодействия» (2017), Всероссийская с международным участием научная конференция «Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур» (2019), Всероссийская научная конференция «Духовная культура донского казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы» (2019–2020), «Русский язык в современном онлайн-образовании» (2020), «Духовная культура донского казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы» (2021).

Евгения Валентиновна занимала активную жизненную позицию. Она регулярно сотрудничала с образовательными организациями города и области, оказывая научно-методическую помощь школам Новониколаевского, Фроловского, Камышинского, Жирновского районов Волгоградской области. В течение шести лет Е.В. Брысина была членом жюри областного этапа конкурса «Учитель года». Она участвовала в организации «Летних ахтубинских чтений», где проходили обучение не только студенты-филологи ВГСПУ, но и студенты и преподаватели Симферополя, Донецка, Луганска, Тирасполя, Душанбе, Сухума и других городов России и зарубежья.

Евгению Валентиновну отличали личное обаяние, уважительное отношение к коллегам, студентам, магистрантам и аспирантам. Тысячи учеников Евгении Валентиновны, работающие в школах и вузах России и зарубежья, скорбят вместе с её родными и коллегами. Светлая память о замечательном человеке, выдающемся учёном и педагоге сохранится в наших сердцах.

Список литературы

1. Брысина Е.В. Фразеологическая активность военной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1993.
2. Брысина Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
3. Брысина Е.В. Экспрессивно-выразительные средства диалекта: Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2001.
4. Супрун В.И., Декатова К.И. Русистика в Волгоградском государственном социально-педагогическом университета: история и современность // Мир русского слова. 2023. № 3. С. 119–128.

* * *

1. Brysina E.V. Frazeologicheskaya aktivnost' voennoj leksiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1993.
2. Brysina E.V. Etnolingvokul'turologicheskie osnovy dialektnoj frazemiki Dona: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2003.
3. Brysina E.V. Ekspressivno-vyrazitel'nye sredstva dialekta: ucheb. posobie po speckursu. Volgograd: Peremena, 2001.
4. Suprun V.I., Dekatova K.I. Rusistika v Volgogradskom gosudarstvennom social'no-pedagogicheskom universiteta: istoriya i sovremennost' // Mir russkogo slova. 2023. № 3. S. 119–128.

(Материал поступил в редакцию 22.08.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бобырева
Екатерина Валерьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: new_life@mail.ru
- Буряковская
Валерия Анатольевна* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
- Ван Цзиньлин* – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков, Чанчуньский университет (КНР). E-mail: elizaveta@163.com
- Гайбалиева
Эвелина Эльшановна* – ассистент кафедры романской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: gaibalieva.eva@mail.ru
- Грасс
Елена Павловна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: grasslena@gmail.com
- Гулинов
Дмитрий Юрьевич* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: satellite74@yandex.ru
- Декатова
Кристина Ивановна* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: dekatovaki@mail.ru
- Дженкова
Екатерина Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: ekaterina.dzhenkova@rambler.ru
- Жэнь Сяоцзин* – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента Б.Н. Ельцина. E-mail: 1191094283@qq.com
- Зими́на
Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: nataliasimina@yandex.ru
- Йегни Ханан* – аспирант кафедры языкознания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: nkrasawski@yandex.ru

<p><i>Кузнецова</i>
<i>Вилена Владимировна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru
<p><i>Кузнецова</i>
<i>Елена Валентитновна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: Kev7-78@mail.ru
<p><i>Москвин</i>
<i>Василий Павлович</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
<p><i>Панченко</i>
<i>Надежда Николаевна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: panchnn@yandex.ru
<p><i>Перминов</i>
<i>Евгений Владимирович</i></p>	– ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: ev.perminov2016@yandex.ru
<p><i>Пригарина</i>
<i>Наталья Константиновна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: prigarina99@mail.ru
<p><i>Рыкунова</i>
<i>Ирина Юрьевна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: irykunova@yandex.ru
<p><i>Сальников</i>
<i>Вадим Борисович</i></p>	– преподаватель русского языка и литературы, ГБПОУ Уфимский профессиональный колледж им. Героя Советского Союза Султана Бикеева. E-mail: asztlhjin@yandex.ru
<p><i>Супрун</i>
<i>Василий Иванович</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: suprun@vspu.ru
<p><i>Функ</i>
<i>Ангелина Валерьевна</i></p>	– ассистент кафедры китайского языка, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: gerasimova-311@mail.ru
<i>Чжан Симу</i>	– магистрант, Институт иностранных языков, Чанчуньский университет (КНР). E-mail: 1332782170@qq.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Angelina Funk</i>	– Assistant, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: gerasimova-311@mail.ru
<i>Dmitriy Gulinov</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: satellite74@yandex.ru
<i>Ekaterina Bobyрева</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
<i>Ekaterina Dzhenkova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ekaterina.dzhenkova@rambler.ru
<i>Elena Grass</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: grasslena@gmail.com
<i>Elena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Kev7-78@mail.ru
<i>Evgeniy Perminov</i>	– Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ev.perminov2016@yandex.ru
<i>Evelina Gaybalieva</i>	– Assistant, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: gaibalieva.eva@mail.ru
<i>Hanan Yegni</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ilenagabriel.ig@gmail.com
<i>Irina Rykunova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: irykunova@yandex.ru
<i>Kristina Dekatova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dekatovaki@mail.ru
<i>Nadezhda Panchenko</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: panchnn@yandex.ru
<i>Natalya Prigarina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: prigarina99@mail.ru
<i>Natalya Zimina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nataliasimina@yandex.ru

<i>Nikolay Krasavskiy</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru
<i>Ren Xiaojing</i>	– Post Graduate Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin, E-mail: 1191094283@qq.com
<i>Vadim Salnikov</i>	– Lecturer of Russian Language and Literature, Ufa Professional College named after the hero of the Soviet Union Sultan Bikeev, E-mail: asztlhjin@yandex.ru
<i>Valeriya Buryakovskaya</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvvin</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvvin@yandex.ru
<i>Vasiliy Suprun</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: suprun@vspsu.ru
<i>Vilena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: v.kouznetsova@inbox.ru
<i>Wang Jinling</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Institute of Foreign Languages, Changchun University (the People's Republic of China), E-mail: elizaveta@163.com
<i>Zhang Ximu</i>	– master's degree student of Institute of Foreign Languages, Changchun University of Science and Technology, E-mail: 1332782170@qq.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачѳ, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементѳев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии